

ИСТОРИЯ

OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2018 | №6 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

Редакционная коллегия:
М. А. Волхонский, В. Е. Воронин,
К. В. Шевченко, О. В. Эдельман.
Ответственный редактор М. А. Колеров

На обложке — Успенская церковь XVIII века в Кондопоге, сожженная сатанистом летом 2018 года. Фотография Елены Черенковой

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT № 6.
М. : Модест Колеров, 2018. (www.ostkraft.ru.) 152 с.
ISBN 978-5-905040-38-2

ISBN 978-5-905040-38-2

© Авторы статей, 2018
© Модест Колеров, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. А. Волхонский.</i> «Объезд» главноначальствующим кн. А. М. Дондуковым-Корсаковым Кавказского края в 1882 г. : борьба за полномочия и презентация имперской власти.....	5
<i>А. А. Смирнов.</i> Стрельба из винтовки на дальние дистанции в кампанию 1914 г. : к характеристике выучки и дисциплины кадровой русской пехоты	25
<i>И. С. Ратьковский.</i> Крушение 1 сентября 1918 г. спецпоезда Председателя Высшей Военной инспекции Н. И. Подвойского: версии событий.....	33
<i>Н. А. Заяц.</i> «Национализация женщин»: к истории пропаганды периода Гражданской войны	50
<i>Кирилл Шевченко.</i> Чехословакия, 1968: цугцванг Варшавского договора.....	60
<i>Александр Комаров.</i> Уральская республика: поражение и реванш Эдуарда Россея (1993)	78
<i>М. М. Геризон.</i> Были ли наши предки счастливее?	101
<i>Е. Ю. Назаренко.</i> Е. Н. Азизова. Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича. Воронеж, 2014.....	109
<i>Андрей Тесля.</i> В. В. Лапин. Броненосец «Русалка» : Корабль. Экипаж. Флот. Трагедия. Памятник. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 288 с. : ил.	116

<i>Андрей Тесля.</i> Т. Н. Галчева, И. В. Голубович. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”».	
П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София : Солнце, 2015. 320 с.: ил.	120
<i>Андрей Тесля.</i> О. Булгакова. Судьба броненосца : Биография Сергея Эйзенштейна. Пер. с англ. А. Скидана под ред. Я. Левченко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 392 с. : ил. [24] с.; [16] с цв. ил. (серия AVANT-GARDE; вып. 12)	125
<i>Л. Кацис.</i> Заметки читателя (и писателя) историко-философской литературы. VIII (а, б). Гибель «от попугая» и гибель «от велосипедиста» в «Четвертой прозе» Осипа Мандельштама	129
Свод содержания Научного обозрения «История. OSTKRAFT» за 2018 год. № 1–6	146

М. А. Волхонский

«ОБЪЕЗД» ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩИМ КН. А. М. ДОНДУКОВЫМ-КОРСАКОВЫМ КАВКАЗСКОГО КРАЯ В 1882 г. : БОРЬБА ЗА ПОЛНОМОЧИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ¹

С февраля по сентябрь 1882 г. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий Кавказским военным округом кн. А. М. Дондуков-Корсаков лично объехал все губернии и области Кавказского края. Путешествие главного начальника сопровождалось различного рода торжественными встречами, приемами депутатов от местного населения, смотрами войск и подробно освещалось в кавказских периодических изданиях. Очевидно, что оно представляло собой значимое событие в жизни этой окраины Российской империи. На первый взгляд, ничего необычного не было в том, что только назначенный в январе 1882 г. на должность главного начальника Кавказского края кн. А. М. Дондуков-Корсаков захотел лично ознакомиться здесь с положением дел, если бы не один любопытный факт. Журналы заседаний Комитета министров, на которых в январе 1882 г. как раз обсуждались вопросы назначения и полномочий Дондукова, указывают на то, что «объезд» Кавказского края главноначальствующим был напрямую санкционирован сначала комитетом, а затем императором. Зачем это понадобилось? В конечном итоге Дондукову-Корсакову вовсе не обязательно было спрашивать позво-

¹ Михаил Алексеевич Волхонский — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО.

ления у императора, чтобы в ходе личных поездок ознакомиться с положением дел в регионе, который только что был вверен попечению князя. Очевидно «объезду» в правительственных верхах придавалось какое-то особенное значение. Общий вопрос порождает целый ряд более частных вопросов. Как возникла идея «объезда»? Кто её автор? Какие задачи преследовал с одной стороны Комитет министров, а с другой — главноначальствующий А. М. Дондуков-Корсаков?

Идея объезда всего Кавказа главным начальником края, очевидно, возникла в связи с инициированным в Петербурге в апреле 1881 г. процессом упразднения Кавказского наместничества. 21 ноября 1881 г. председатель Комитета министров статс-секретарь М. Х. Рейтерн представил Александру III всеподданнейший доклад о поручении Комитету министров обсудить вопросы ликвидации должности Кавказского наместника, упразднения Кавказского комитета, а также учреждения должности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. В докладе Рейтерн предложил перед рассмотрением всех этих вопросов в Комитете министров поручить министерствам и ведомствам представить свои соображения о предстоящей административной реформе на Кавказе. Император согласился с предложением председателя Комитета министров, назначив 1 января 1882 г. крайним сроком представления министерствами своих предложений по реформе².

Тремя днями позже, 25 ноября 1881 г. приглашенному на аудиенцию в Гатчину кн. А. М. Дондукову-Корсакову император Александр III предложил занять должность главного начальника Кавказского края. Подробности этой аудиенции князь подробно зафиксировал в составленной им по горячим следам специальной записке³. Дондуков согласился занять должность, однако выдвинул несколько условий. Прежде всего, князь попросил о личном доверии императора, что тут же было подтверждено Александром III, заявившем: «На это Вы можете вполне надеяться». Но главное, Дондуков, уже зная, что министерствам дано поручение представить соображения о предстоявшей на Кавказе административной реформе, попросил, чтобы эти предположения были переданы ему не как точные инструкции для исполнения, а только в виде предварительного плана. Очевидно, что князь хотел оставить разработ-

² РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 321. Л. 12–12 об.

³ РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 392. Л. 1–6 об.

ку нового положения об управлении Кавказским краем под своим непосредственным контролем⁴.

Просьба Дондукова вызвала у Александра III сомнения: «То есть вы желаете иметь только программу?»⁵. У императора были основания сомневаться, если учесть, что одной из главных целей упразднения наместничества на Кавказе являлось подчинение министерствам в Петербурге кавказской администрации, пользовавшейся до этого широкой автономией. Между тем, Дондуков-Корсаков настоятельно просил передать разработку реформы в руки той самой кавказской администрации, полномочия которой должны были значительно сократиться в ходе предстоявшей реформы. Такая передача могла повлечь за собой либо затягивание реформы, либо принятие паллиативных решений в ходе ее проведения.

Видя колебания императора, князь предложил компромиссный вариант. Он попросил дать ему время, 10 месяцев или год, на ознакомление с состоянием дел в крае. План Дондукова состоял в том, что после объезда различных местностей Кавказа, изучив «средства применения в крае» тех реформ, которые предложат министерства, он должен был в конце года приехать в Петербург и представить императору свое заключение о том, что подходит из предложенного для Кавказа, а с чем необходимо повременить. В случае, если подготовленный им план реформ не нашел бы поддержки у императора, Дондуков готов был отказаться от должности главноначальствующего. Если же его программа была бы высочайше одобрена, он мог спокойно приступить к её реализации⁶.

Предложение Дондукова-Корсакова было не лишено смысла. Князь был согласен с заявленными целями административной реформы в Кавказском крае: «упрощение настоящей сложной административной системы управления Кавказом, возможное слияния управления с общими учреждениями империи; значительное, вследствие этих мер, сокращение расходов по Кавказу, обременяющих в настоящее время государственный бюджет»⁷. Но как старый «кавказец» он предлагал не торопиться, а собрать дополнительные сведения, поскольку при проведении реформы следовало учитывать местную специфику проблемного региона. С дру-

⁴ Там же. Л. 2–2 об.

⁵ Там же.

⁶ РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 392. Л. 2–3 об.

⁷ Там же. Л. 1–1 об.

гой стороны, как уже выше указывалось, согласие на предложение Дондукова могло означать затягивание реформы. Тем более, что князь также попросил на год сохранить за ним полномочия, которыми пользовался ранее кавказский наместник вел. кн. Михаил Николаевич, а также оставить без изменений всю систему управления краем⁸. В итоге Александр III ответил уклончиво. «Государь, выслушав меня с большим вниманием, сказал, не давая решительного ответа: «Мне кажется, что все, что вы говорили, практично и логично: мы здесь у Меня в свое время обсудим все сказанное Вами», — записал в своей записке князь⁹.

1 января 1882 г. император подписал указ о назначении кн. А. М. Дондукова-Корсакова главноначальствующим гражданской частью на Кавказе¹⁰. Что касается вопросов о его статусе и полномочиях, то они должны были решиться на назначенном на 19-е января заседании Комитета министров. Дондукову предстояло убедить членов комитета в необходимости принять предложенный им план предварительного «объезда» Кавказа, с целью разработки программы административной реформы. Свои предложения князь представил 9 января 1882 г. в виде записки председателю Комитета министров М. Х. Рейтерну. В ней Дондуков предложил разделить свою деятельность на посту главноначальствующего на два периода: «подготовительный» и «нормальный». Первый период, как писал князь «будет посвящен ... как ознакомлению со страной, так и составлению соображений об осуществлении применительно к местным условиям, тех начал, которые должны лечь в основание будущего управления краем, согласно, тем предположениям министерств, кои удостоятся высочайшего одобрения»¹¹.

Чтобы успешно решить задачи «подготовительного периода», Дондуков просил оставить ему основные полномочия Кавказского наместника. При этом, по мнению князя, в силу масштабности задуманных в Петербурге административных преобразований «подготовительный» период мог оказаться неопределенно продолжительным. «Такой временный переходный порядок, — писал Дондуков, — представляется даже едва ли

⁸ РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 392. Л. 4–5 об.

⁹ Там же. Л. 3 об. — 4.

¹⁰ РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 323, Л. 10.

¹¹ РГИА Ф. 1263, Оп. 1. Д. 4229. Л. 455–455 об.

устраивающим, так как слияние всех отраслей местного управления с общими учреждениями империи может произойти лишь постепенно, и лишь в той же постепенности будет изменяться как компетенция учреждений, так и характер власти главного начальника края». Только после «полного объединения края с империей», по мнению князя, отпадет необходимость временного сохранения за главноначальствующим широких полномочий, принадлежавших ранее кавказскому наместнику. «Тогда, административная деятельность главноначальствующего. — писал князь, — вступит в свой второй нормальный период, характер коего будет обуславливаться уже новыми, окончательными выработанными по сему предмету законоположениями, приближающими положение и права главноначальствующего к правам генерал-губернатора»¹².

Дондуков просил не только оставить ему широкие полномочия, но также сохранить особый формат взаимодействия кавказской администрации с высшими и центральными государственными учреждениями империи. Зная об уже принятом решении упразднить Кавказский комитет, князь в записке высказал опасение, что «отсутствие такого специального органа..., при естественной недостаточности подготовки министерств к обсуждению многих, имеющих восходить к ним вопросов местного характера, неизбежно отразится чувствительными промедлениями в ходе преобразовательной деятельности, продлив переходное положение дел в таких случаях, когда в этом не встретится никакой необходимости или пользы». В итоге Дондуков предложил альтернативный вариант решения проблемы, чтобы все представления главноначальствующего были направляемы на имя председателя Комитета министров, «чем вполне обеспечивалось бы им правильное и безостановочное движение»¹³.

В этих новых обрисованных князем условиях предполагавшийся «объезд» Кавказского края должен был стать только составной частью продолжительного «подготовительного периода». «Я твердо надеюсь, — писал Дондуков-Корсаков, — что опыт нескольких месяцев или года, при прежнем знакомстве моем с краем, окажется вполне достаточным для приготовления меня к составлению тех соображений, которые послужив ответом на сообщенные

¹² РГИА Ф. 1263, Оп. 1. Д. 4229. Л. 456–457 об.

¹³ Там же. Л. 458–458 об.

мне предположения министерств, приблизят время окончательно установления новых начал управления Кавказом»¹⁴.

Предложения Дондукова-Корсакова были рассмотрены 19 и 26 января 1882 г. на двух заседаниях Комитета министров. Его попытка под прикрытием длительного «подготовительного периода» сохранить за собой на продолжительное время полномочия, ранее принадлежавшие наместнику, а также автономию кавказской администрации от центральной имперской бюрократии не прошла не замеченной в Комитете министров.

Министры согласились «допустить известный переходный период времени, в течение коего главноначальствующий гражданской частью имел бы возможность лично ознакомиться с условиями местного управления и одновременно с тем могли бы быть выработаны окончательные формы будущего преобразования края»¹⁵. Однако Комитет решил жестко ограничить время «переходного периода». В журнале заседания особо подчеркивалось: «За тем, по мнению Комитета, было бы крайне желательно, чтобы окончательное переустройство Кавказского управления на новых началах не подверглось случайностям излишнего промедления и могло быть осуществлено в возможно непродолжительный срок». В итоге было решено, что главноначальствующий должен будет представить свой проект об устройстве «Кавказского управления» вместе со штатами и сметой к 15 сентября 1882 г., для дальнейшего его рассмотрения в Государственном совете¹⁶.

Более того, чтобы не тормозить процесс разработки нового положения об управлении Кавказским краем Комитет министров предложил главноначальствующему тут же созвать в Тифлисе комиссию, куда должны были войти как представители кавказской администрации, так и чиновники, командированные теми министерствами и главными управлениями, «которые имеют наиболее сложные задачи при переустройстве края». Представленные же министерствами соображения о реформе должны были стать «руководительным указанием» для работы комиссии¹⁷. Одновременно министры отвергли требование Дондукова-Корсакова об особом порядке отношений главноначальствующего с министрами

¹⁴ РГИА Ф. 1263, Оп. 1. Д. 4229. Л. 458–459.

¹⁵ РГИА Ф. 1263, Оп. 1. Д. 4228. Л. 395–395 об.

¹⁶ Там же. Л. 400–400 об.

¹⁷ Там же. Л. 392–395 об., 405 об. — 406.

через Комитет министров «в видах ускорения производства дел по осуществлению предложенной реформы»¹⁸. Вопрос о сохранении за Дондуковым тех полномочий, которые имел кавказский наместник, был оставлен Комитетом министров на усмотрение императора, который в своей резолюции от 29 января 1882 г. максимально сократил эти исключительные права¹⁹.

Таким образом, попытка Дондукова сохранить за собой широкие полномочия кавказского наместника на неопределенно продолжительный период времени закончилась неудачей. Более того, в новых обстоятельствах предложенный Дондуковым предварительный «объезд» края ставил князя в затруднительное положение, поскольку он должен был проходить параллельно с работой созданной в Тифлисе специальной комиссии для разработки положения об управлении Кавказским краем. Длительное отсутствие князя в Тифлисе могло замедлить её работу. Но отказаться от заявленного перед лицом императора и Комитета министров «объезда» края уже было невозможно. А кроме того, само «путешествие» по региону открывало для Дондукова широкие возможности в плане презентации как русской власти в крае вообще, так и своего личного сценария власти в качестве нового начальника Кавказа.

Князь ехал на Кавказ в звании главноначальствующего, а не наместника его императорского величества. Это было явным понижением статуса его должности в общеимперской бюрократической иерархии. В правительственных верхах Российской империи всегда очень заботились о поддержании на высоком уровне «обаяния русской власти» среди подданных, особенно на национальных окраинах. Дондукову необходимо было сгладить то возможное негативное влияние, которое могло оказать на умонастроения прежде всего местной элиты упразднение должности Кавказского наместника. Ведь тем самым в Петербурге как бы указывали на то, что Кавказский край больше не пользуется особым монаршим вниманием, что могло задеть и «огорчить», например, грузинское дворянство. Кроме того, главноначальствующему важно было поддержать свой авторитет, подтвердить в глазах местного населения, что даже после упразднения должности наместника, он, как главный начальник края, сохранил свой высокий статус,

¹⁸ Там же. Л. 402–403 об.

¹⁹ Там же. Л. 419–422.

обусловленный как личным доверием императора, так и обладанием достаточно широкими властными полномочиями.

Маршрут «объезда» был тщательно продуман. Дондуков решил осуществить его в несколько этапов. Он вынужден был разбить свое путешествие на четыре поездки, чтобы в перерывах между ними принимать участие в работе созванной в Тифлисе комиссии по разработке нового положения об управлении Кавказским краем. На первом этапе, с 17 февраля по 12 марта 1882 г., Дондуков на пароходе «Пушкин», объехав черноморское побережье, осмотрел Батум, Поти, Сухум, Новороссийск. После чего князь проехал через Кубанскую и Терскую области, остановившись на несколько дней в Екатеринодаре и Владикавказе. На втором этапе, с 12 апреля по 16 мая 1882 г., главноначальствующий объехал юго-восточную часть Закавказья, а также Закаспийскую область. В ходе этой поездки Дондуков посетил Елисаветполь, Шушу, Баку, Ленкорань, Сальяны, Нуху, Закаталы. В ходе третьей своей поездки с 15 июня по 4 июля 1882 г. главноначальствующий обозревал юго-западную и западную часть Закавказья. Дондуков посетил Карс, Саракамыш, Батум, Артвин, Абастуман, Кутаис. Последнюю поездку в рамках общего «объезда» Кавказского края князь предпринял с 15 августа по 4 сентября 1882 г. с целью осмотреть часть Бакинской губернии, а также Дагестанскую и Терскую области.

В ходе поездок главноначальствующего по всему Кавказу презентация имперской власти осуществлялась через стандартный набор церемоний: торжественная встреча, представление делегаций, молебны, обеды с представителями местной администрации и общества, прием частных посетителей с прошениями, осмотр местных учреждений (присутственных мест, школ, больниц, госпиталей, казарм и т. д.), смотры войск. Князь позаботился о том, чтобы все церемонии во время его поездки широко и подробно освещались как в местных газетах, так и в главном периодическом издании Кавказского края, газете «Кавказ». При этом материалы для обзоров в газете готовились непосредственно в его походной канцелярии.

В качестве примера презентации имперской власти приведем описание в «Терских ведомостях» приезда в марте 1882 г. кн. Дондукова-Корсакова во Владикавказ: «Трехдневное пребывание во Владикавказе главноначальствующего гражданской частью ген.-ад. Дондукова-Корсакова сильно оживило город и придало ему праздничный вид. Его сиятельство прибыл во Владикав-

каз с особым поездом по железной дороге 7 марта в 8 часов утра, в сопровождении господина начальника области и был встречен на вокзале представителями местного и городского управления и толпой собравшегося народа. Несмотря на сильную снежную метель городские улицы, по которым проезжал князь, были украшены флагами и наполнены толпами народа. Остановился его сиятельство в доме начальника области, где ему было приготовлено помещение, и тотчас по прибытии ему представились все служащие военные и гражданские чины. Затем князь отслушал в соборе литургию и принял от преосвященного Иосифа епископа Владикавказского икону, поднесенную ему в знак благословления. К обеду были приглашены преосвященный Иосиф, начальники отдельных частей управления и другие почетные представители города. Вечером к приходу почтового поезда, князь снова изволил отправиться на вокзал железной дороги, где лично встретил свою прибывшую супругу. Александровский проспект и все прилегающие к нему здания были ярко и местами даже роскошно иллюминированы и освещались разноцветными бенгальским огнями. На бульваре бесконечной вереницей двигались толпы народа и образовалось целое импровизированное гулянье. Клуб был тоже ярко освещен; там был музыкальный вечер, и собравшееся общество ожидало прибытия князя, но оно не могло состояться. 8 марта в понедельник его сиятельство осматривал городские учебные заведения, затем принимал представлявшиеся ему депутации от местных горцев. В 5 часов принял участие в обеде, устроенном в честь его в клубе городским обществом. Вечером в театре были поставлены живые картины (в пользу местного Благотворительного общества) и князь ненадолго посетил этот спектакль, а княгиня оставалась в театре до конца спектакля. 9 марта во вторник его сиятельство принимал частных посетителей, которых было, говорят, до 70. Затем осматривал госпиталь, военную гауптвахту, казармы местных войск, а также посетил войсковое хозяйственное и межевое управление. Вечером выслушивал деловые доклады о положении казачьего войска и области вообще. 10 марта в среду в 10 часов дня их сиятельство изволили выехать из Владикавказа по Военно-Грузинской дороге в Тифлис»²⁰.

²⁰ Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ», касающихся деятельности на Кавказе генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. Выпуск 1. Тифлис, 1889. С. 20–21.

Особое внимание обратим не столько на формы презентации имперской власти в виде различных публичных официальных церемоний и торжеств, сколько на их смысловое содержание. Как в имперских столицах, так и на Кавказе главная цель презентаций оставалась одной и той же, — с одной стороны символически «возвысить» имперскую власть над верноподданными, а с другой, подчеркнуть связанность местных элит, прежде всего дворянства, с династией, престолом, личностью правящего российского императора²¹. Однако, как уже выше указывалось, в презентациях имперской власти, проведенных кн. Дондуковым на Кавказе весной летом 1882 г., был еще один интересный аспект. Князь попытался через церемонии и публичные обращения к местному населению представить также свой личный сценарий власти, т. е. индивидуальный образ себя как главного начальника Кавказского края.

Одним из классических приемов презентации императорского сценария власти являлось особое подчеркивание символической преемственности правящего монарха с одним из его отдаленных уже героизированных и мифологизированных предшественников. Так, использование, например, образов Петра I, Екатерины II являлось нормой для презентаций имперской власти в столичных городах империи Петербурге и Москве. На Кавказе во второй половине XIX вв. уже существовал свой местный пантеон героев, являющихся символами успешного присоединения этой окраины к Российской империи. Цицианов, Ермолов, Воронцов, Барятинский и др. занимали в общеимперской иерархии героев более скромные позиции, чем императоры и императрицы, но, несомненно, были ближе для сознания как местного населения, так и «кавказцев» — имперской элиты управлявшей этим краем, рекрутировавшейся как из русских, так и представителей местных народов. Обращение к наследию одного из этих героев могло бы укрепить авторитет нового начальника Кавказского края. Из череды героев — покорителей и устроителей Кавказа, кн. А. М. Дондуков-Корсаков выбрал в качестве своего личного предшественника, своего рода образец для подражания, первого наместника на Кавказе, светлейшего князя М. С. Воронцова.

Характерно, что 12 марта 1882 г. в передовице газеты «Кавказ» писали: «Вчера город Тифлис приветствовал в стенах своих гене-

²¹ Подробнее см.: *Ричард С. Уортман*. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. М., 1995. С. 18–19.

рал-адъютанта князя Дондуков-Корсакова, назначенного по Высочайшему повелению главным гражданским и военным начальником Кавказского края. Тифлиские жители густыми толпами поспешили на встречу Его Сиятельства, городские учреждения выслали к нему своих представителей. Народ наполнил улицы, заняв заборы и крыши домов... Это оживленное движение тысячной толпы, этот торжественный праздничный вид, который принял вчера наш город, означает прежде всего свойственное нам и глубоко укоренившееся в нас высокое почитание и уважением поставленных над нами властей... С именем князя Дондукова-Корсакова Кавказ связывает особенные надежды. Край наш еще живо помнит своего, по истине незабвенного благодетеля князя Воронцова, и знает, вместе с тем, что новый начальник края был его любимым помощником, что Светлейший Наместник тогда еще предсказал своему даровитому адъютанту славную и высокую карьеру государственного деятеля. Теперь кавказцы убеждены в том, что князь Михаил Семенович провидел верно, — теперь настал момент исполнения, предсказанного дальновидным знатоком людей, и генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков, конечно, будет последователем той мудрой политики тех мудрых мер, которые так громко прославили имя князя Воронцова. То были меры, клонящиеся к прямому и косвенному поощрению всякой полезной деятельности — земледелия, промышленности, торговли: распространение школ, исследование богатств края, внимательное изучение его нужд, создание наиболее благоприятных условий для труда, устройства дорог, портов, городов, производство общественных сооружений, возможно широкая гласность и пр.»²².

В ходе поездок по Кавказу весной летом 1882 г. князь Дондуков неоднократно в публичных выступлениях подчеркивал факт начала своей службы именно на Кавказе, под началом наместника, светлейшего князя М. С. Воронцова. Но дело было не только в выборе образца для подражания в плане определения ключевых направлений необходимых в крае улучшений и преобразований. Главнначальствующему крайне необходимо было подчеркнуть перед лицом населения Кавказа, что он сам принадлежит к чис-

²² Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ», касающихся деятельности на Кавказе генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. Выпуск 1. Тифлис, 1889. С. 9–10.

лу «старых кавказцев», элитарной социальной прослойки имперской бюрократии, связанной долгими годами военной или гражданской службы с Кавказом.

На встрече в Батуме 17 февраля с депутациями от города князь публично заявил, «что любит Кавказ, где провел лучшие годы жизни, и сделает все возможное для процветания края»²³. В упомянутой выше передовице газеты «Кавказ» за 12 марта в числе прочего говорилось: «наши светлые надежды еще более усиливаются воспоминанием о том, что князь Дондуков-Корсаков сроднился с Кавказом еще в молодости, что 17 лет, самых лучших лет жизни, он провел с нами, что не раз он подставлял свою грудь под вражеские пули горцев при завоевании неприступных гор и ущелий Кавказа, того самого Кавказа, к мирному развитию которого он теперь призван»²⁴. Принимая 16 марта в Тифлисе депутацию от мусульманского духовенства, Дондуков в числе прочего заявил: «Между вами есть старые и молодые; из вас, старики, вероятно помнят меня, когда я служил здесь при покойном наместнике князе Воронцове в мои юные годы. Тогда много жил я между мусульманами и познакомился с их характером и обычаями»²⁵.

Во время своих поездок Дондуков-Корсаков неоднократно встречал тех, кто близко его знал или сталкивался с ним по службе, когда он молодым человеком служил в 1840-е гг. при кн. М. С. Воронцове. В газете «Кавказ» писали, что, находясь в Чир-Юрте в Дагестанской области: «командующий войсками встретил нескольких старых своих сослуживцев из нижних чинов Нижегородского драгунского полка, с которыми вспоминал былое время и тех из товарищей, которых уже не осталось в живых. Из числа жителей соседних аулов, пришедших поздравить главного начальника края с приездом, нашлось также несколько человек помнивших его полковым командиром и служивших при князе в составе милиции»²⁶.

Во время пребывания князя Дондукова в Карсе осмотр укреплений крепости освежили в нем «воспоминания о военных действиях прежней кампании, и его сиятельство во всех подробностях рассказывал окружающим его лицам некоторые эпизоды не-

²³ Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»... С. 1–2.

²⁴ Там же. С. 11.

²⁵ Там же. С. 29–30.

²⁶ Там же. С. 105.

удачного штурма Карса 15-го сентября 1855 г.»²⁷. Проезжая Карскую область, князь посетил селение Пеняк в Ольгинском округе, возле которого в 1855 г. русская кавалерия под командованием кн. Дондукова-Корсакова разбила турецкие войска, взяв в плен Ферик-Ахмета пашу и захватив четыре орудия. Как писали в газете «Кавказ»: «нашелся один из местных стариков бывший свидетелем этого события; князь разговаривал с этим почтенным очевидцем и обменялся с ним воспоминаниями о некоторых эпизодах Пенякского дела»²⁸. Эти встречи и воспоминания, которыми князь щедро делился с окружающими, должны были снова и снова указывать на то, что он «старый кавказец».

Образ «старого кавказца», долго служившего при Кавказском наместнике, светлейшем князе М. С. Воронцове, должен был стать основой для развертывания других образов, предусмотренных личным сценарием власти главноначальствующего на Кавказе.

Вторым по значимости образом для кн. Дондукова стал образ «отца-командира», который должен был соответствовать его должности командующего Кавказским военным округом. На следующий день после своего прибытия в Кавказский край 18 февраля в Батуме князь Дондуков, произведя смотр войскам, тут же обратился с речью к офицерам. В газете «Кавказ» писали: «Сегодня утром главноначальствующий генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков произвел смотр войскам. Обратившись к гг. офицерам, князь передал им поклон от бывшего наместника его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича и затем заявил, что гордится стоять во главе храброй Кавказской армии»²⁹.

Как командующий Дондуков-Корсаков публично проявлял особое внимание к состоянию войск, проводя в ходе своих поездок смотры расквартированным в разных местностях частям, а также проверяя их хозяйственную часть — госпитали, казармы и др. В Ленкорани князь, посетив казарменные помещения местной воинской команды, обратил внимание, что солдаты размещены в одной из бывших башен крепости, крайне тесном помещении, без достаточного количества света и воздуха, что неблагоприятно влияет на их здоровье. В итоге князь тут же приказал составить смету на по-

²⁷ Там же. С. 77.

²⁸ Там же. С. 85.

²⁹ Там же. С. 2.

стройку в ближайшие месяцы новых саманных казарм на 100 человек. Еще большее недовольство командующего вызвало состояние военного лазарета в Ленкоране, который был найден «в самом непозволительном виде». В газете «Кавказ» писали: «...балки и полы в нем до того сгнили, что между ними образовались щели, через которые невозможно иначе проходить как по проложенным на половицах досках. И в таком-то помещении лежат больные уже более полугода, в ожидании разъяснения вопроса: кто виноват в том, что здание только-что выстроенное, успело так скоро прийти в негодность. Его сиятельство остался крайне недоволен таким бюрократическим отношением к делу, с которым связаны здоровье и удобства больных, и отдал уже соответствующее приказание к безотлагательному приведению лазаретного здания в порядок»³⁰.

Это был не единственный случай, когда Дондуков во время «объезда» края личными распоряжениями пытался улучшить хозяйство и быт частей Кавказского военного округа. При осмотре расположения Пятигорского пехотного полка в г. Ардаган князь лично дал указанию инженеру, отвечавшему за реконструкцию казарм, «относительно устранения сырости в одной из казарм и приспособления верхнего этажа другой для помещения семейных обер-офицеров». Кроме того, Дондуков предложил в этом же году восстановить здание офицерского собрания полка³¹.

В свою очередь, должности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе должен был соответствовать образ «рачительного хозяина», который отдает все силы, чтобы добиться процветания края. 12 марта 1882 г. после торжественного въезда в Тифлис на встрече с представителями городской администрации кн. Дондуков-Корсаков публично заявил: «Державною волею, назначенный главным начальником Кавказа при новых условиях и в виду вызванных временем необходимых преобразований, я не скрываю от себя всех трудностей, сопряженных с предстоящей мне обширной, и быть может непосильной для меня задачей. В одном только могу смело уверить вас моим словом, которому никогда не изменял, что все, что у меня остается жизни, сил и способностей, я всецело и от всего сердца посвящаю служению родному, дорогому мне Кавказу...»³².

³⁰ Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»... С. 56.

³¹ Там же. С. 87.

³² Там же. С. 12–13.

В последующих поездках по Кавказу князь и его свита старательно работали над укреплением этого образа в сознании разных слоев местного населения края. Церемонии встречи с депутациями представителей от местного населения выстраивались в форме парадоксального монологичного диалога с обществом. Князь неизменно «ласково расспрашивал местных жителей об их нуждах с большим вниманием выслушивал заявления»³³. После чего, как правило, следовал насыщенный монолог главноначальствующего, который в первую очередь объяснял представителям «в какой мере просьбы их законны и могут быть приняты во внимание»³⁴.

В ряде случаев обращение князя Дондукова к депутациям от местного населения превращалось в грозное «отеческое внушение». Так, в газете «Кавказ» писали, что 16 мая главноначальствующий, зная о неоднократных жалобах на жителей селения Кирджалы за их воровство и грабежи, не принял от депутации этого села хлеб-соль и объявил, «что если они не намерены жить мирно и честно, не перестанут обижать своих соседей, то все селение Кирджалы без всякой пощады будет выселено из пределов Закавказского края»³⁵.

Часто монолог князя был наполнен советами местному населению, как правильно и доходно вести хозяйство, которые иногда имели анекдотичный характер. Во время объезда князем в начале сентября 1882 г. Терской области жители горной части Аргунского округа обратились к главноначальствующему с жалобами на малоземелье, в результате чего скотоводство служило единственным скудным средством к их существованию. В ответ Дондуков посоветовал депутации активно совершенствовать молочное скотоводство. «С этой целью, — писали в газете «Кавказ», — приводил им в пример карачаевцев и оставшихся в Кубанской области черкесские племена, которые столь успешно обратили деятельность свою на молочное хозяйство и, устроив общественные сыроварни вполне обеспечили этой новой промышленностью свое дотоле незавидное существование. Доход с коровы при разумном ведении дела в весьма короткое время возрос с 4-х руб. на 20, и сыры Карачая и долины Теберды в настоящее время ежегодно отправляются в весьма значительном

³³ Там же. С. 6.

³⁴ Там же. С. 69.

³⁵ Там же. С. 70.

количестве в Англию откуда распространяются по всем свету под видом настоящего честера»³⁶.

В рамках работы над образом «рачительного хозяина» князь во время поездок особо демонстрировал свой интерес к промышленным предприятиям края, а также различного рода техническим новинкам, которые могли содействовать дальнейшему росту промышленности на Кавказе. Дондуков последовательно посещал нефтяные, рыбные промыслы, коннозаводские хозяйства, шелководные питомники, стекольные заводы, бальнеологические курорты и т. д.

В первых числах мая, во время своего пребывания в Ленкорани, князь пожелал ознакомиться с устройством построенной недалеко от города паровой мукомольной мельницы. В газете «Кавказ» писали: «В трех четырех верстах от города его сиятельство остановился у паровой мукомольной мельницы, устроенной в прошлом году г. Неклюдовым, и осмотрел его заведение, расспрашивая хозяина как о технических приспособлениях, введенных на его мельнице так и о размерах ее производства. По заявлению Неклюдова, устроенная им мельница есть первая в Закавказье, выделяющая новейшим усовершенствованным способом ячневую крупу, количество которой может простираться в год до 48 т. пудов. Главноначальствующий выразил желание, чтобы владельцем мельницы были представлены условия, на которых он считал бы возможным поставлять выделяемую им крупу в войска округа»³⁷.

На рыбных промыслах в Джеватском уезде Бакинской губернии князь решил лично ознакомиться с различными рыболовными снастями и орудиями, а также с устройством плота, на котором производилась обработка свежей пойманной рыбы³⁸. Там же Дондуков, обратив внимание на жалобы местных жителей на обмеление dna реки Акуши, «высказал предположение о возможности устранить, или, по крайней мере, уменьшить неудобства, происходящие от наносов в Акуше, посредством применения на ней землечерпальной машины Базена, давшей весьма удовлетворительные в этом смысле результаты на Путиловском канале в Петербурге»³⁹.

³⁶ Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ»... С. 112.

³⁷ Там же. С. 56.

³⁸ Там же. С. 60.

³⁹ Там же. С. 59.

Устраивая в ходе «объезда» Кавказского края презентации власти, князь Дондуков-Корсаков не мог не учитывать тех изменений, которые должны были произойти в «императорском мифе», а также в общеимперском сценарии власти после убийства Александра II и воцарения Александра III. Презентации, выражавшиеся в различных церемониалах, были неотъемлемой частью политической культуры Российской империи. Смена правителя на троне обязательно сопровождалась разработкой нового сценария власти, т. е. символического, образного и вербального представления для подданных фигуры нового самодержца Российской империи.

Центральные темы сценария власти Александра III, согласно Ричарду С. Уортману, были заявлены в знаменитом манифесте от 29 апреля 1881 г., где сохранение «самодержавного правления» было представлено как следование исконно русской национальной исторической традиции. Император теперь своей персоной должен был воплощать исконные национальные черты русского народа⁴⁰. Как правило, именно коронация становилась ключевым событием в смене сценария власти российского императора. По меткому замечанию Уортмана, «Новый миф, подтвержденный коронацией, возвеличивал Александра как русского царя, который репрезентировал нацию без созыва земских соборов. Миф обозначил политику александровского царствования как «национальную» и возвеличил ее как реализацию исторических традиций, некогда преданных, и ныне вновь обретенных в народе»⁴¹.

Заявленные в Москве в ходе коронации новые символы и смыслы, как правило, затем транслировались уже на остальную территорию империи, повторяясь и закрепляясь в стандартных церемониях имперской официальной повседневности. Новый начальник Кавказского края должен был довести до сведения местной элиты и населения измененный «императорский миф» и новый императорский сценарий власти. Правда, поездки Дондукова по региону проходили за год до коронации. Но князь тесно общался с представителями так называемой «русской партии» в правящих верхах, например, с графом Н. П. Игнатьевым, поэтому в целом представлял себе контуры и содержание нового сценария власти. Поэтому неудивительно, что в первые же дни своего пребы-

⁴⁰ Ричард С. Уортман. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. М., 1995. С. 280–281.

⁴¹ Там же. С. 324.

вания на Кавказе князь поспешил озвучить один из его центральных тезисов о возвращении к русским историческим национальным обычаям. На Кавказе главным воплощением «русскости» являлись прежде всего Терское и Кубанское казачьи войска. В этом контексте становится понятной устроенная Дондуковым в феврале 1882 г. во время его пребывания в Екатеринодаре церемония возрождения старой казачьей традиции проведения «войскового круга».

Идею провести церемонию князь предложил во время посещения арсенала. В газете «Кавказ» писали: «В помещении, устроенном для хранения войсковых знамен и регалий, всемилостивейше пожалованных в разное время бывшим Черноморскому, Кавказскому линейному и ныне Кубанскому казачьим войскам, его светлость провел мысль о необходимости восстановить начинающий уже забываться обычай так называемых войсковых кругов, предложил почаще выносить войсковые регалии и таким путем поддерживать в казаках память о доблестных делах их славных предков»⁴².

Главнначальствующий не ограничился одними словами. 2 марта 1882 г., в день восшествия на престол Александра III, по желанию кн. Дондукова состоялся торжественный церемониал выноса войсковых регалий. «Во вторник, в день восшествия на престол Государя Императора Александра III, — говорилось в газете «Кавказ», — городские здания, и в особенности на главной — Красной улице, с раннего утра изукрасились множеством национальных флагов, а с 8 часов, сопровождаемое густыми толпами народа, открылось церемониальное шествие с войсковыми регалиями от места хранения их к войсковому собору. В конце процессии с регалиями следовал Наказной Атаман Кубанского казачьего войска генерал-адъютанта С. А. Шереметева следовали гг. генералы, штаб, обер-офицеры и чиновники военного ведомства. Шествие замыкалось взводом от Урупского конного полка с хором войсковых музыкантов впереди, который во все время движения церемониала исполнял народный гимн. По приближении к соборной площади, войска, назначенные в парад и выстроенные по особому указанию от юго-западного угла площади к западной паперти собора,

⁴² Сборник статей и сообщений газеты «Кавказ», касающихся деятельности на Кавказе генерал-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова. Выпуск 1–4. Тифлис, 1889. С. 25.

встретили процессию с отдаением воинской чести и затем войсковые регалии внесены были в церковь, где началось богослужение. В 10 часов утра последовал в собор его сиятельство главноначальствующий. ... По окончании литургии, на церковной площади под открытым небом перед войсками совершалось молебствие. Около аналая войсковые регалии образовали круг, в середине которого поместились главноначальствующий князь Дондуков-Корсаков со своей свитой, генерал-адъютант С. А. Шереметев, все генералы, штаб и обер-офицеры и классные чиновники. В это время церковная площадь представляла собой величественное зрелище. В середине выделялась группа разноцветных, тихо колыхавшихся знамен. Воздух наполнялся гармоничными звуками торжественных духовных гимнов. Тысячи народа с обнаженными головами и стройные ряды войск безмолвно возносили теплые молитвы и ниспослание долголетия ныне царствующему императору Александру III»⁴³.

Обратившись после молебна к присутствовавшим на церемонии генералам и офицерам, кн. Дондуков-Корсаков в своей речи еще раз особо подчеркнул необходимость возвращения славных традиций казачества, тем самым обращаясь к новому общеимперскому сценарию власти. В числе прочего князь заявил: «Мне особенно приятно в сегодняшней радостный для всей России день первой годовщины восшествия на престол ныне царствующего императора Александра III находиться под знаменами и в кругу войсковых регалий, всемилоостивейше пожалованных за подвиги воинской доблести славным войскам, бывшему Запорожскому, впоследствии Черноморскому, Кавказскому линейному, а потом, по слиянии этих двух войск, ныне Кубанскому казачьему войску. ... Служа в Донском войске, я привык видеть, что в торжественные дни казаки собираются в войсковые круги, куда и выносятся регалии войска. Воспоминанием о достославных подвигах своих отцов и дедов молодое поколение донцов воспитывало в себе воинский дух казачества, столь дорогого нашему отечеству. Я бы очень желал, чтобы и здесь, в Кубанском войске, восстановился существующий прежде обычай, чтобы почаще собирались войсковые круги и выносили регалии, дабы кубанцы, памятуя заслуги своих предков, навсегда оставались верными своему призванию храбрых защитников отечества ...»⁴⁴.

⁴³ Там же. С. 25–26.

⁴⁴ Там же. С. 27.

В итоге, как мы видим, состоявшийся весной-летом 1882 г. «объезд» Кавказского края князем А. М. Дондуковым-Корсаковым оказался многоплановой политической акцией, с помощью которой только назначенный главным начальником на Кавказе князь пытался решить по крайней мере две совершенно различные задачи. Вначале идея «объезда» использовалась Дондуковым как аргумент в пользу сохранения за ним на продолжительный переходный период широких административных полномочий, ранее принадлежавших кавказским наместникам. Потерпев неудачу, Дондуков, тем не менее, смог умело использовать «объезд» края не только для реализации широкомасштабной презентации имперской русской власти, но также для репрезентации себя как главного начальника Кавказского края через созданные им образы «старого кавказца», «отца-командира» и «рачительного хозяина». В целом презентации удалось на славу. Однако созданный Дондуковым позитивный образ себя как главного начальника края мог окончательно закрепиться в сознании населения Кавказа только под влиянием конкретных достижений его реальной политики в регионе.

А. А. Смирнов

СТРЕЛЬБА ИЗ ВИНТОВКИ НА ДАЛЬНИЕ ДИСТАНЦИИ В КАМПАНИЮ 1914 г. : К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВЫУЧКИ И ДИСЦИПЛИНЫ КАДРОВОЙ РУССКОЙ ПЕХОТЫ

Как известно, огневая подготовка стрелка-пехотинца имеет конечной целью выработать не спортсмена-снайпера, а *полевого стрелка* — который должен попадать в цель в боевой обстановке. Но, указывая в конце 1940-х гг. капитан лейб-гвардии Семёновского полка Ю. В. Макаров, «тонкая стрельба требует полного душевного спокойствия, т. е. условий не боевых, а полигонных. Из десяти человек один, когда он видит и чувствует, что в него стреляют, сможет совершенно невозмутимо подводить [цель. — А. С.] «через прорезь прицела на середину мушки», не дергать, а «обжимать» [спусковой крючок. — А. С.] и при спуске курка задерживать дыхание»¹.

Фактически ветеран Первой мировой поставил под сомнение целесообразность того, чем настойчиво занимались в русской армии накануне 1914-го, — целесообразность тщательной отработки «в полигонных условиях» (на стрелковых приборах и на стрельбище) подготовительных упражнений (прикладка, прицеливание, спуск) и огневых задач по стрельбе из винтовки.

Такому мнению противоречат, на наш взгляд, неоднократно имевшие место в боях 1914 года случаи успешной стрельбы кадровой русской пехоты из винтовок на дальние дистанции. Такими

¹ Макаров Ю. В. Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951. С. 182.

для 3-линейной винтовки образца 1891 г. считались тогда дистанции от 1300 шагов (924 метра) до 2700 шагов (1920 метров) при стрельбе тупоконечной пулей и до 3200 шагов (2275 метров) при стрельбе остроконечной пулей образца 1908 г. (До 1910 г. прицел трехлинейки и нарезан был на дистанции до 2700 шагов, но к началу Первой мировой более половины винтовок получили прицел, рассчитанный на стрельбу остроконечной пулей и нарезанный до 3200 шагов².)

Заметим, что на дальние дистанции из трехлинейки стреляли уже во втором и третьем случаях ее боевого применения³ — на Западном Памире, на урочище Вяз-Дара, во время Памирских походов 1891–1894 гг. 5 августа 1894 г.⁴ 12 туркестанских линейцев из Шах-Даринского отряда Генерального штаба штабс-капитана А. Г. Скерского вели там по команде начальника отряда залповый огонь с 2200, 2400 и 2700 шагов (1564, 1706 и 1920 метров) — заставив в результате афганских конников отказаться от попытки отрезать казачий разъезд. А 7 августа около 40 солдат Скерского (в основном из 4-го Туркестанского линейного батальона) залпами с 2000, а потом с 1600 шагов (с 1422 и 1138 метров) вынудили атаковавших русскую позицию на Вяз-Даре афганцев залечь за камнями и впредь наступать только перебежками⁵.

И, собственно, уже эти эпизоды доказали не только эффективность стрельбы из трехлинейки на дальние дистанции, но и возможность эффективной прицельной стрельбы из них *в условиях боя*.

В самом деле, в бою 7 августа 1894 г. туркестанские линейцы находились под обстрелом — но, тем не менее, исправно выставляли по команде офицера прицел, аккуратно целились и аккуратно же нажимали на спуск. Ведь, несмотря на повышенное по сравнению со стрельбой на ближние и средние дистанции рассеивание

² Федоров В. Г. История винтовки. М., 1940. С. 94; Федосеев С. Л. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009. С. 20–21.

³ Первый случай имел место 30 августа 1893 г., у западно-памирского же кишлака Имц, когда рядовые 2-го Туркестанского линейного батальона Фёфёлкин и Шахов, огнем которых управлял штабс-капитан 4-го Туркестанского линейного батальона К. А. Бржезицкий, стреляли с 900–1200 шагов по афганцам, атаковавшим рекогносцировочную партию Генерального штаба штабс-капитана С. П. Ванновского.

⁴ Все даты даны по старому стилю.

⁵ Тагеев Б. Л. Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире // Майер А. А., Тагеев Б. Л. Полуденные экспедиции. М., 1998. С. 337, 343–344, 346.

пуль, в цель они попадали (в бинокль было видно, как падают пораженные пулями афганцы), а залпы получались «дружные»⁶ — то есть такие, когда солдаты производят выстрел не просто одновременно, а одновременно с точностью до долей секунды. И то, и другое было бы невозможно без аккуратного нажатия на спусковой крючок. Спуск у трехлинейки был тугим, и при неумелом, резком нажатии («дергании») спусковой крючок освобождал шептало (а оно, в свою очередь, курок с ударником) тоже резко, с сотрясением всей винтовки — что, разумеется, снижало меткость стрельбы. И если пули даже при большом рассеивании попадали частью в цель и выпускались при этом одновременно с точностью до долей секунды, то, значит, на крючок нажимали правильно, т. е. плавно — «не дергая, а «обжимая»», «затаив дыхание». А это указывает на ту самую «невозмутимость» стреляющего, о невозможности добиться которой в бою писал Ю. В. Макаров...

Что же до кампании 1914 года, то нам удалось выявить следующие случаи ведения кадровой (т. е. обученной в мирное время) русской пехотой результативного винтовочного огня с дальних дистанций.

7 августа 1914 г., в сражении под Гумбинненом (в ходе Восточно-Прусской операции), близ деревни Матишкемен, полурота 3-й роты 106-го пехотного Уфимского полка (27-я пехотная дивизия III армейского корпуса 1-й армии, командир полуроты поручик Н. С. Бурлак) обстреляла с дистанции 3 000 шагов (2 133 метра) колонну германской пехоты, показавшуюся на гребне высоты. В результате колонна приостановила движение и залегла⁷.

16 августа 1914 г., в сражении на Гнилой Липе (составная часть Галицийской битвы), у села Фирлеув, 1-й батальон 46-го пехотного Днепровского полка (12-я пехотная дивизия XII армейского корпуса 8-й армии; командующий батальоном капитан М. П. Башков) с левого берега реки Гнилая Липа, с дистанций 2 000–2 400 шагов (1 422–1 706 метров), открыл огонь по окопам австрийских «императорских егерей» 3-го Тирольского егерского полка⁸ на правом берегу.

⁶ Там же. С. 346.

⁷ Пахалюк К. А. 27-я пехотная дивизия в сражениях в Восточной Пруссии (1914–1915 гг.) // Рейтар. 2012. № 1 (55). С. 170.

⁸ В отечественной литературе 3. Tiroler Jäger Regiment «Kaiserjäger» именуется также 3-м императорским егерским Тирольским, 3-м Императорским егерским и 3-м Тирольским стрелковым (Олейников А. В. Захвачены в бою. Трофеи рус-

«Роты пристрелялись, — вспоминал в 1929 г. генерал-майор М. П. Башков, — причем рикошеты отчетливо были видны на сухой глинистой почве перед окопами противника и за окопом [так в тексте. — А. С.]. [...] Огонь оказался очень действительным, было отчетливо видно, как целый сноп попаданий ложится на гребень окопов противника, а также перед ними и за ними; противник прекратил всякую стрельбу, и отдельные его стрелки пытались бежать назад в лес, но падали, сраженные нашими выстрелами». Перейдя реку и заняв окопы, днепровцы обнаружили в них «много раненых».

Раненый командир егерской роты на ломаном русском языке заявил Башкову, что южнотирольские немцы и итальянцы 3-го Тирольского егерского «отлично стреляют и считаются лучшими стрелками во всей австрийской армии, но, говорит, что ваши стрелки не уступают нам по стрельбе, что они [егеря. — А. С.] испытали на себе, когда нельзя было в течение продолжительного времени обстрела русскими их окопов высунуть головы и выйти из окопов»⁹...

17 августа 1914 г., в том же сражении на Гнилой Липе, западнее Рогатина, солдаты 15-й роты 76-го пехотного Кубанского полка (19-я пехотная дивизия XII армейского корпуса 8-й армии; командир роты капитан М. С. Мосцепан) с дистанций 1200–1500 шагов (853–1067 метров) «прикончили» выдвинутые было из зарослей кукурузы два венгерских пулемета так быстро, что те не успели открыть огонь. Утром 18-го русские осмотрели эти два «шварцлозе»; успевшие лишь вставить в них ленты пулеметчики все «лежали тут же, перебитые ружейным огнем»¹⁰.

20 августа 1914 г., в бою под Суходолами (южнее Люблина, в ходе той же Галицийской битвы), командир 2-й роты 81-го пехотного Апшеронского полка (21-я пехотная дивизия III Кавказского армейского корпуса 4-й армии) капитан В. А. Иванов, обнаружив австрийскую батарею, приказал своему 3-му взводу об-

ской армии в первой мировой. М., 2015. С. 276; *Нелипович С. Г.* Кровавый октябрь 1914 года. М., 2013. С. 691).

⁹ ГАРФ. Ф. Р-5956. Д. 36. Л. 23, 23 об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5956. Д. 41. Л. 109; *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Кн. 2. Т. 3. Галицийская битва: первый период (до 1 сентября н. ст.); Т. 4. Дни перелома Галицийской битвы (1–3 сентября н. ст.). М., 2014. С. 415.

стрелять ее с дистанции 1800 шагов (1280 метров), а 4-му — с 1900 шагов (1351 метр).

«Треснул очень дружный залп (как орех раскусили), — рассказывал в 1933 г. генерал-майор Иванов. — Такой же дружный залп 4-го взвода... Схватил бинокль и напряженно гляжу в выемку, где предполагаю неприятельскую батарею... Там поднимаются клубы пыли... Прицел хорош и наводка не дурна (недаром прошли сокращенный курс стрельбы во время мобилизации). Еще и еще залп с тем же прицелом и по тому же месту... Неприятельская батарея умолкла [...] Я увидел ясно в бинокль батарею австрийцев, отходящую и медленно поднимающуюся на кряж за оврагом, до нее было более 3000 шагов, и мы ей ничего сделать не могли... То, очевидно, была батарея, вначале ведшая по нас огонь очередями и которую мы заставили умолкнуть залпами 3-го и 4-го взводов»¹¹.

27 августа 1914 г., в конце Восточно-Прусской операции, в районе между Бяла и Лык (юго-восточная оконечность Восточной Пруссии), 2-й батальон 5-го Финляндского стрелкового полка (2-я Финляндская стрелковая бригада XXII армейского корпуса 10-й армии), начав с дистанции в 2000 шагов (1422 метра) давать такие, по воспоминаниям бывшего командира полка, генерал-лейтенанта Н. Н. Шиллинга, залпы, «как будто это было ученье, а не война; залпы спокойные, с выдержкой», заставил наступавшую германскую пехоту залечь¹².

29 сентября 1914 г., в ходе Варшавско-Ивангородской операции, в бою у Гуры-Кальварии, командир 2-го батальона лейб-гвардии Волынского полка (3-я гвардейская пехотная дивизия XXIII армейского корпуса 2-й армии) полковник П. П. Тишевский приказал командиру 6-й роты капитану М. В. Амеляновичу-Павленко¹³ обстрелять обнаруженную тем германскую батарею, стоявшую на открытой позиции. Капитан «хладнокровно, как на боевой стрельбе мирного времени», определил дистанцию, подал нужные команды, и рота открыла огонь с предельной для трехлинейки дистанции в 3200 шагов (2275 метров; в воспомина-

¹¹ Цит. по: Головин Н. Н. Указ. соч. С. 666–669. Указанные Ивановым прицелы 18 и 19 соответствовали дистанциям 1800 и 1900 шагов.

¹² ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 47. Л. 9 об., 13.

¹³ В литературе фамилия этого будущего генерал-поручика армии Украинской Народной Республики приводится в соответствии с правилами украинской орфографии — «Омельянович-Павленко».

ниях Тишевского значатся даже 3 200–3 400 шагов!). После первого же залпа расчеты орудий разбежались, и батарея прекратила огонь. А когда возобновила, ее обстреляли с той же, более чем двухкилометровой, дистанции уже три роты 2-го батальона (5-я, 6-я и 7-я) — и подавили окончательно¹⁴.

25 октября 1914 г., в ходе второго наступления в Восточную Пруссию, в бою под Гёриттенем (близ Шталюпёнена)¹⁵, 16-я рота 106-го пехотного Уфимского полка (27-я пехотная дивизия III армейского корпуса 10-й армии; командир роты капитан А. А. Успенский) вела огонь с дистанций 1700–1200 шагов (1209–853 метра) по показавшимся на фланге полка густым колоннам германцев. «Наш огонь стал наносить немцам огромные потери, — вспоминал в 1932 г. отставной полковник литовской службы А. А. Успенский. — В бинокль видел я, как немецкие колонны начали таять и наконец развертываться в цепи...»¹⁶ (Правда, вслед за уфимцами их обстреляла и 5-я батарея 27-й артиллерийской бригады.)

Не исключено, что к результативным случаям стрельбы из винтовок на дальние дистанции можно отнести и стрельбу 68-го лейб-пехотного Бородинского полка (17-я пехотная дивизия XIX армейского корпуса 5-й армии) в боях 13–14 августа 1914 г. под Тарноваткой, в ходе Томашовского сражения (составная часть Галицийской битвы). Согласно донесениям полка, 13 августа он вел огонь на дистанции до 3000 шагов (2133 метра; по-видимому, при стрельбе по отступавшим венграм), а 14-го — на дистанции до 2 500 шагов (1778 метров)¹⁷. Между тем известно:

— что перед войной 17-я дивизия стреляла отлично;

— что венгерская 39-я гонведная пехотная дивизия уже 13 августа понесла под Тарноваткой очень большие потери (около 50%; 11-й гонведный пехотный полк был почти уничтожен)¹⁸ и — что уже в первом своем бою в ту войну, 3 августа 1914 г., отражая набег венгерской 2-й гонведной кавалерийской дивизии

¹⁴ *Тишевский П. П.* Боевое крещение А. Гв. Волянского полка в Великую войну 1914–1917 гг. Авангардный бой 2-го батальона под Гурой Кальварией 29 сент. 1914 // *Вестник Волянца* (Белград). № 3. 20 февраля 1930. С. 12.

¹⁵ В русскоязычной литературе его именуют Шталуупененом или Сталуупененом; правильнее: Шталюпёнен (Stallupönen).

¹⁶ *Успенский А. А.* На войне. В плену. Воспоминания. СПб., 2015. С. 105.

¹⁷ *Кузнецов Б.* Действия частей 19-го армейского корпуса во встречном бою // *Война и революция*. 1935. № 4. С. 75–76, 87.

¹⁸ *Кузнецов Б. И.* Томашовская операция. М., 1933. С. 27.

на Владимир-Волынский, бородинцы продемонстрировали спокойную и уверенную — «с большою выдержкою» — стрельбу в условиях опасности (при виде мчащихся на них гусар)¹⁹.

Прочие же приведенные выше эпизоды — имевшие место на различных участках фронта, с участием полков из различных корпусов — прямо и наглядно свидетельствуют о том, что кадровые русские пехотинцы 1914 года были в состоянии стрелять в бою так же, как в полигонных условиях. Ветераны 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка (Кавказская гренадерская дивизия II Кавказского армейского корпуса 10-й армии) подтвердили это прямо: «Незабываемая картина первых боев! Какие спокойствие и выдержка, какой редкий прицельный огонь, когда каждый выцеливает... плавно нажимая на спусковой крючок, затаив дыхание... не моргнув глазом...»²⁰.

Тщательные прицеливание и спуск (и в результате эффективная даже на дальние дистанции стрельба) свидетельствуют не только о хорошей стрелковой выучке кадровых русских пехотинцев накануне Первой мировой войны, но и об их высокой дисциплинированности. Ведь именно привычка автоматически выполнять приказанное и позволяла стрелкам в бою аккуратно целиться и аккуратно же нажимать на спуск. Потому что у дисциплинированного стрелка внимание сосредоточивалось не на грозящей ему опасности, а на необходимости выполнить приказ — и выполнить так, как учили.

И действительно, тот же лейб-гвардии Волынский полк был самым дисциплинированным в своей 3-й гвардейской пехотной дивизии — которая и так славилась своей «каторжной» дисциплиной²¹. Представление о «волынской» дисциплине дает, например, эпизод маневров под Скерневицами в начале 1890-х гг., когда «буквально все полки дивизии залегли, столько солнечных ударов», а волынды продолжали идти²². Или эпизод Красносель-

¹⁹ Ярославцев М. Наш первый бой Великой войны. Владимир-Волынский бой 3-го августа (ст. ст.) 1914 года // Часовой (Париж). 1929. Август. № 15–16. С. 9.

²⁰ Лейб-эриванцы в Великой войне. Материалы для истории полка в обработке полковой исторической комиссии под ред. К. Попова. Париж, 1959. С. 29.

²¹ Арамилев В. В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося. 1914–1917 годы. М., 2015. С. 26.

²² Смердов В. Н. Отчет родному Л. Гв. Волынскому полку о прожитом старого Волынца. (Из воспоминаний Ген. Влад. Ник. Смердова. Варна, 1929) // Вестник Волынца (Белград). 16 августа 1930 г. № 4. С. 31.

ских маневров 1912 г. — когда в походной колонне волинцы шли в большем порядке, чем требовал устав (!), — «в ногу, строго равняясь, имея всех ефрейторов на своих местах, неся ружья строго по-уставному, со штыками, выравненными как по ниточке»²³.

Не случайно и в воспоминаниях А. А. Успенского мы находим свидетельства не только искусной стрельбы Уфимского полка, но и его высокой дисциплинированности. После тяжелого боя под Кляйн-Шонау в Восточной Пруссии в августе 1914 г. несмотря на страшное утомление, «все полевые посты, караулы и заставы точно заняли указанные» им места «и окопались, вполне приготавливаясь, в случае появления противника, встретить его. Чувство долга и присяги и старая дисциплина преодолевали все!»²⁴.

В расстрелявшей тирольских егерей 1-й роте Днепровского полка, по свидетельству командовавшего ею к началу войны М. П. Башкова, за весь мобилизационный период не было ни одного нарушения дисциплины не только кадровыми нижними чинами, но и призванными из запаса. Запасные, подчеркивал Башков, «все требуемое от них» проделывали «быстро и охотно»²⁵.

Таким образом, результативная стрельба кадровой русской пехоты из винтовок на дальние дистанции в кампанию 1914 г. служит не только подтверждением правильности организации огневой подготовки, но и лишним подтверждением правильности принятого в русской армии подхода к обучению и воспитанию солдата — подхода, при котором требовательность в боевой подготовке сочеталась с привитием обучаемому строгой дисциплины.

²³ Геруа А. Воспоминания командира полка // Вестник Волинца (Белград). 15 января 1931. № 5. С. 3.

²⁴ Успенский А. А. Указ. соч. С. 58–59.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 36. Л. 2, 13 об.

И. С. Ратьковский¹

КРУШЕНИЕ 1 СЕНТЯБРЯ 1918 г. СПЕЦПОЕЗДА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ Н. И. ПОДВОЙСКОГО: ВЕРСИИ СОБЫТИЙ

Сентябрьские террористические акты открывает пущенный 1 сентября 1918 г. под откос спецпоезд Высшей Военной инспекции (ВВИ), на котором ехал председатель ВВИ Н. И. Подвойский. Он уже ранее в 1918 г. лично столкнулся с проявлениями террора и терроризма. Летом Подвойский волновался за жену и своих детей, которые стали заложниками КОМУЧа. Они были захвачены в детской колонии-коммуне в селе Миловка Уфимской губернии. Путем переговоров состоялся обмен и ситуация разрешилась². Безусловно, что знал он и о расправах над партийными и советскими работниками в ходе наступления Чехословацкого корпуса летом 1918 г., когда жертвами стало до 5 тыс. человек³.

30 августа состоялось покушение на В. И. Ленина и по получении известия о нем, Подвойский незамедлительно телеграфировал в Москву:

«С ЮЖНОГО ФРОНТА. Родной наш вождь! Все войска южного фронта до нестерпимой боли поражены злодейством, совершенным над тобой подлыми наймитами англо-французской буржуа-

¹ Илья Сергеевич Ратьковский — кандидат исторических наук, доцент кафедры Новейшей истории России Института Истории СПбГУ.

² Степанов Н. Т. Подвойский. М., 1989. С. 274, 281–284.

³ Ратьковский И. С. Лето-осень 1918 года: хроника чехословацкого мятежа // Мир экономики и права. 2013. № 11–12. С. 47–55

зии, которая купила чехо-словаков и вместе с кулаками и казаками бросила их на войну с российской рабочей и крестьянской Республикой. Армия потрясена совершенным над дорогим главой Республики злодеянием, армия крепко стиснула в своих руках винтовки, пододвинулась к пулеметам и пушкам, затягивая врагов самым тесным кольцом, сплотилась вокруг своего вождя Ленина: «не отдадим нашей социалистической республики никому!». Кровь из ран вождя смоем все недуги и недостатки наши, осветит наши знамена, чтобы они победно развевались перед социалистической Республикой, когда мы принесем их в Москву на победоносных штыках. Смерть врагам! Да здравствует дорогой вождь рабочих и крестьян и молодой Красной армии!»⁴.

И вот буквально на следующий день после отправленной телеграммы целью уже других террористов стал его поезд. Указанный спецпоезд, состоявший из паровоза, вагона и платформы с автомобилем, направлялся из Балашова в расположение дивизии внеочередного формирования В. И. Киквидзе, когда в 8 км от г. Елани примерно в 7 часов вечера потерпел внезапное крушение. На полном ходу поезд сошел с рельсов, а следом за ним вагон и платформа с автомобилем. В результате крушения было много раненных. Так, по сообщению одной из местных газет, серьезно ранены, помимо Подвойского, были два железнодорожника и некоторые лица, бывшие с Председателем ВЦИК⁵.

Обстоятельства крушения вскоре были освещены и в других советских газетах. Следует отметить, что сообщения газет были противоречивы, отличаясь по ряду данных. Так, «Известия ВЦИК» через два дня поместила телеграмму из Балашова в которой указывалось, что Подвойский при крушении поезда был выброшен от толчка на железнодорожные пути и получил легкий перелом левой ноги и незначительные ссадины по лицу и рукам⁶. Согласно другому газетному сообщению по исследованию наркома Подвойского найдено: «ушиб области правой лопатки и правого пред-

⁴ С Южного фронта // Покушение на Ленина 30 августа 1918 года. Документы, воспоминания очевидцев, газетные материалы 1918 г., некоторые данные из процесса ЦК партии социал-революционеров, протоколы допроса Каплан и др. / Сост. П. Посвянский. Под ред. Н. Овсянникова и Ст. Кривцова. М., 1925. С. 130–131.

⁵ Известия Острогжского Уездного Совета. 1918. 10 сентября.

⁶ Известия ВЦИК. 3 сентября 1918 года.

ребрия, кожные ссадины левой ручной кисти. Со стороны сердца и легких никаких отклонений нет⁷». «Петроградская правда» же кратко сообщала, что Подвойский и Базилевич ранены в результате крушения поезда⁸.

Согласно советской официальной биографии Подвойского, изданной в серии «ЖЗЛ», он был выброшен с платформы поезда, где находился автомобиль. Там в автомобиле во время поездки находился Подвойский и военспец Базилевич. Незадолго до крушения они перешли из автомобиля на платформу. Подвойский получил контузию, перелом левой ноги и многочисленные ушибы. Сопровождавший Подвойского военспец Г. Д. Базилевич получил в результате крушения поезда сотрясение мозга и перелом ключицы⁹. О серьезности крушения вспоминал и комендант Кремля П. Д. Мальков: «Под Балашовом был пушен под откос поезд Подвойского, и Николай Ильич чудом уцелел»¹⁰. В любом случае налицо были серьезные ранения ответственных лиц. Вместе с тем, следует отметить, что восстановление здоровья Подвойского было достаточно скорым: уже «2 сентября утром, Подвойский, несмотря на сильную боль, принял краткий доклад по делам чрезвычайной важности, не терпящих отлагательств»¹¹. Через три дня после крушения он, используя костыли, уже работал самостоятельно.

Учитывая статус Н. И. Подвойского, наличие признаков теракта, вскоре было начато следствие по факту крушения поезда Председателя ВВИ. Материалы этого следствия отложились в фондах РГВА, частично и в других архивах, в т. ч. Санкт-Петербурга¹².

Достаточно быстро был установлен не случайный, а намеренный характер крушения поезда. Акт об осмотре места крушения поезда председателя Высшей военной инспекции Н. И. Подвойского от 4 сентября 1918 г. зафиксировал следующее:

«... Мы, нижеподписавшиеся, помощ[ник] комиссара эксплуатацион[ного] управ[ления] Нар[одного] к[омиссариата] п[утей] с[общения], состоящий при Высшей инспекции Чуб, член Викже-

⁷ Известия Острогжского Уездного Совета. 1918. 10 сентября.

⁸ Петроградская правда. 1918. 7 сентября.

⁹ Степанов Н. Т. Подвойский. М., 1989. С. 284.

¹⁰ Мальков П. Д. Воспоминания коменданта Кремля. М., 1987. С. 302.

¹¹ Петроградская правда. 1918. 7 сентября. С. 2.

¹² Выражаю глубокую благодарность С. С. Войтикову за представление архивных материалов РГВА.

дора Л. Цеховский, за начальника 14 дистанции Л. Цепушелов, начальник Балашовского участка тяги Э. Лопатко, и. д. ревизора 19-го участка М. Кашников, районный комиссар сл. движения Кудрявцев, районный комиссар сл. пути Кувардин, военный представитель Балашовского участка Анисимов — произвели расследование случая схода экстренного поезда народного комиссара товарища Подвойского на 280-й версте Тамбово-Камышинской линии 1 сентября 1918 года, причем выяснилось следующее: ... [паровоз] «оказался исправным, дней десять как вышел из малого ремонта» ... На основании вышеизложенного и опроса причастных лиц и свидетелей комиссия пришла к заключению, что причиной схода была злоумышленная выемка 13 костылей с наружной стороны правого рельса. Это заключение подтверждается характером картины схода, а именно: резким поворотом паровоза вправо, несмотря на прямую; легкостью, с которой был опрокинут правый рельс; целостью костыльных дыр; отсутствием срезанных костылей; полным отсутствием 13 костылей; совершенным неповреждением левого рельса на всем протяжении схода и нормальным положением внутренних костылей правого рельса на месте начала схода (совершенно не тронуты)»¹³. Схожее, хотя и более краткое, свидетельство сохранилось и в фондах ЦГА СПб: «Следственная комиссия установила наличие злоумысла: несколько десятков костылей были вынуты, вследствие чего поезд потерпел крушение. Перед поездом Подвойского другие поезда прошли благополучно»¹⁴.

Обстоятельства крушения уточнялись и в других документах следствия. С этой точки зрения важен доклад представителя ВВИ в НКПС Н. Чуба Управлению делами ВВИ, составленный не позднее 10 сентября 1918 г. В докладе отмечалось:

«Конфиденциально || В Управление делами Высшей военной инспекции || Доклад || Во исполнение данного мне поручения телеграммой 2/9 с. г. за № 10 439 о расследовании причин крушения экстренного поезда с наркомом военным — докладываю следующее: тщательное обследование технической стороны бесспорно говорит

¹³ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 67. Л. 5, 6. Подлинник — рукописный текст с автографами указанных в начале акта лиц; РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 67. Л. 23–24. Копия. Сокращенный вариант

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 45. Д. 5. Л. 91.

за то, что факт злого умысла неопровержим, что же касается вопроса, откуда мог исходить злой умысел, то об этом можно сказать так: поскольку этот случай можно отнести на счет населения прилегающей деревни, то самое энергичное и тщательное всестороннее обследование и допросы абсолютно не дали ничего и все говорит не за, а скорее против, так как население, поскольку это выяснилось на допросах, абсолютно не знало, кто такой «Подвойский» и на вопросы, знаете ли, кто такой пострадавший на крушении, зачастую отвечали «Подольский» — «Подвольский» и скорее [всего] можно сказать, что население и сейчас не знает. Что касается железнодорожной путевой охраны, то она, за исключением редких, также не знает, кто такой т. Н. И. Подвойский, и о прибытии на ст. Елань в тот день также совершенно никто не знал. Что касается осмотра пути, то он осматривался в обычном порядке. || Поскольку же можно относить этот случай на счет местных частей войск, то об этом можно говорить так: несмотря на то, что допроса в войсках не делалось и в самом начале следствия в комиссию явился сам командующий дивизией Киквидзе и заявил публично категорический протест против такого следствия, а на убедительную просьбу дать в комиссию своих представителей от частей войск, категорически отказался и пригрозил тем, что всем участникам расследования придется считаться с дивизией; к этому можно еще добавить, что разные противоречивые слухи, а также и то безучастное отношение военных представителей ст. Елань к крушению и пострадавшим в момент самого извещения о крушении, а также упорного утверждения несуществующих фактов, все это вместе взятое наводит на всякого рода размышления. Заканчивая свой доклад, я высказываю свое мнение за необходимость назначить негласно следственную комиссию из представителей политической и военной секции Высшей военной инспекции и уголовного и юридического отделов военкомов для дальнейшего обследования этого вопроса. || Все материалы расследования при сем прилагаются. || Представитель Народ[ного] комиссариата п[утей] с[об]щения] [в] В[ысшей] воен[ной] инсп[екции] || Н. Чуб»¹⁵.

Очевидно, что из данного документа вытекало, что следствие установило, что о продвижении спецпоезда Н. И. Подвойского знали только в дивизии Киквидзе, куда, собственно, и направлял-

¹⁵ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 79. Л. 21–21 об. Подлинник — машинописный текст с автографом; Там же. 79. Л. 22–22 об. Копия. Подпись Н. Чуба подлинная.

ся поезда. Это вызывало определенные подозрения в отношении командного состава дивизии в причастности к крушению. Однако следствие столкнулось вскоре с серьезным сопротивлением расследования обстоятельств крушения поезда. Практически оно было парализовано Киквидзе и его людьми. Все это было зафиксировано в материалах следствия. «Протокол комиссии по расследованию крушения экстренного поезда на 280 вер[сте] Тамбово-Камышинской линии 1 сентября 1918 года» свидетельствовал:

«Во время заседания [комиссии] явился командующий дивизией Киквидзе и заявил следующее: что он протестует против первой комиссии, установившей наличие факта злоумышленной порчи пути, последствием чего произошло крушение экстренного поезда т. Подвойского. Как он говорит, что он, хотя и не специалист по ж.-д. делу, но, по его мнению, крушение прошло от большой скорости поезда и недостаточной прочности пути. Что он, Киквидзе, находит неправильным действия при техническом осмотре представителей всех ведомств на месте крушения и что он, Киквидзе, громко заявляет, что всем членам — участникам осмотра — придется считаться с дивизией Киквидзе, так как установленная причина крушения ложится на его дивизию моральным пятном, хотя юридической виновности он, Киквидзе, не видит. На предложение комиссии дать своих представителей для участия в окончательном обследовании причин крушения он, Киквидзе, категорически отказался, мотивируя свой отказ тем якобы, что он находит, с одной стороны, следствие поздным, а с другой (для комиссии не понятное) — что он ей верит и будет не согласен с ее заключением»¹⁶.

Известный современный исследователь истории спецорганов России А. И. Колпакиди считает, что за событиями 1 сентября 1918 г. скрывалась акция возмездия анархистов Подвойскому за апрельско-майские разоружения анархистов в Курске и других городах, при которых были многочисленные жертвы. Им же в беседе с автором статьи на конференции 1997 г. в Санкт-Петербурге высказывалось мнение о возможной причастности к террористическому акту известного анархиста, героя гражданской войны А. Г. Железнякова. В указанный период он находился в расположении дивизии Киквидзе.

¹⁶ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 79. Л.24 об.

Следует отметить, что действительно Н. И. Подвойский весной 1918 года был причастен к целому ряду разоружений. Это вытекало из его недавно полученной должности. Учрежденная 24 апреля 1918 г., как подразделение Наркомата военных и морских дел, ВВИ предназначалась для инспектирования строительства частей и учреждений РККА. Председатель ВВИ Подвойский так определял ее задачи:

«Ревизия на местах существующих военных учреждений; установление определенного в декретах порядка военного управления; организация и меры по подъему боевого духа и настроения среди действующих военных отрядов». На практике функции были шире: от проверки работы военных отделов местных (преимущественно — окружных) Советов и оказание помощи в формировании местных военкоматов до «переформирования» отрядов, сведение их в новые регулярные части Красной армии¹⁷.

Отметим, что учреждение ВВИ произошло вскоре после разоружения анархистов 12 апреля 1918 г. в Москве и аналогичных акций по стране¹⁸. Поэтому ВВИ в начальный период своей деятельности участвовала и в реформировании вооруженных анархистских отрядов. Большую роль в подавлении анархистского движения в Курске сыграла ВВИ во главе с Н. И. Подвойским. Схожая ситуация в Витебске не потребовала вмешательства центральных военных органов, дело ограничилось применением местного латышского и польского отряда. В каждом из городов имелись более чем тысячные вооруженные отряды анархистов, принимавших участие в антисемитских погромах, налетах и самосудах. Фактически оба города: Курск с 10 апреля, а Витебск с 30 апреля — находились под их временным контролем. Были приняты жесткие меры подавления, включая военную поддержку латышских частей, для восстановления порядка в этих городах. Так, в Витебске в ходе боев, по официальным советским данным, бы-

¹⁷ *Войтиков С. С.* Становление центрального аппарата советского военного ведомства (март-август 1918 г.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2. С. 196.

¹⁸ *Ратьковский И. С.* Разоружение анархистов в Москве в апреле 1918 г. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (23). С. 24–31.

ло убито 7 человек и 20 ранено¹⁹. События в Курске разворачивались не столь драматично, но и там после завершения разоружения анархистов принят ряд карательных мер. Для восстановления дисциплины в воинских частях и гарнизоне города Подвойскому пришлось прибегнуть к расстрелам²⁰. Согласно советской прессе, расстрелянных в этих городах было относительно немного. Анархисты же говорили о массовых и необоснованных расстрелах, что могло в дальнейшем послужить основой для организации теракта против Подвойского осенью 1918 г.

Следует отметить, что и Киквидзе, и Железняков в 1918 г. не были однозначно контролируруемыми советской властью военными деятелями. Дивизия Киквидзе часто находилась в противостоянии руководству, в том числе в вопросах ее управления и снабжения. Сама дивизия также отличалась особым составом. С одной стороны, основу 16-й стрелковой дивизии РККА, носившей до 14 октября 1918 г. имя своего первого командира В. И. Киквидзе, составили части Юго-Западного фронта старой армии²¹. С другой стороны, в дальнейшем пополнение дивизии Киквидзе было особым так, в ее состав были включены арестованные мобилизованные солдаты в ходе подавления июньского тамбовского восстания 1918 года. В дальнейшем дивизия будет также участвовать в октябрьском 1918 года подавлении выступления в том же Тамбове. Интересные данные приводит в этом плане воронежский исследователь В. Ю. Рылов, опубликовавшего Докладную записку бывшему адъютанта Киквидзе Ф. Ф. Стржалковского²².

Между тем существовала четкая линия ВВИ на создание регулярных войск типового наполнения. Данная линия предусматривала наполнение дивизии военными специалистами, определенной техникой, а также полную подконтрольность военному руководству фронта. Отрицательное же отношение Киквидзе к военспецам было хорошо известно.

¹⁹ *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.; Л., 1927. С. 186.

²⁰ *Степанов Н. Т.* Подвойский. М., 1918. С. 253–254; *Борман А. А.* Москва-1918 (из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 126.

²¹ *Акулишин П. В.* Первая мировая война и трансформация вооруженных сил России в XX веке // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 165.

²² *Рылов В. Ю.* Антоновское восстание в документах государственного архива Воронежской области // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 6.

Возможно, что имевшийся конфликт отчасти и был урегулирован в августе 1918 года. Во всяком случае, во второй половине августа ВВИ ходатайствовала о снабжении дивизии Киквидзе и присылки в нее военспецов перед Москвой. 17 августа 1918 года Московский окружной военный комиссар Н. И. Муралов получил отношение зампреда ВВИ Г. Г. Ягоды (исполнял обязанности управляющего делами ВВИ) с просьбой «в[есьма] спешно» выслать на фронт для дивизии Киквидзе через Н. И. Подвойского, находившегося на тот момент в Балашове, 50 пулеметчиков, 100 артиллеристов, 2 инструкторов для легкой и одного для тяжелой артиллерии (из бывших офицеров), 3-х техников-артиллеристов, 5 медицинских врачей и даже 4-х делопроизводителей хозяйственной части²³. Данный документ можно рассматривать и как достижение компромисса между Подвойским и Киквидзе и как пример силового продавливания решения ВВИ.

Отметим неоднозначные отношения между Киквидзе и Подвойским. Причиной этому была целенаправленная политика Подвойского по подчинению Киквидзе и его дивизии. Важным моментом была и разжигаемая вражда между ними, организованная представителем белого подполья в Царицыне военспецом А. Л. Носовичем. Он вспоминал:

«С Киквидзе пришлось ладить и играть на его давнишнюю вражду с Мироновым. Так пришлось поступить и с последним. С Киквидзе и Сиверсом были взяты самые верные ноты. Подвойский не терпел их за великокняжество, а я насколько я нападал на Сиверса совместно с Сиверсом и Подвойским, настолько я поддерживал Киквидзе в разговорах с ними против их на него нападок. Такого рода политика дала очень хорошие результаты²⁴».

Как справедливо указывал С. Рабинович, «играя на недоверии одних, на обиженном самолюбии других, он добивался желательных для себя результатов»²⁵. Интерес представляет также фраг-

²³ Телеграфная лента с распоряжениями Московского военкомата по поводу исполнения просьбы ВВИ // РГВА. Ф. 25 883 Оп. 3. Д. 16 Л. 23.

²⁴ Ганин А. Бывший генерал А. Л. Носович и белое подполье в Красной Армии // Журнал Российских и Восточноевропейских исследований. 2017. № 2. С. 23.

²⁵ Рабинович С. Иностраный шпионаж в СССР в годы гражданской войны // О методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. М., 1937 : <https://document.wikireading.ru/69939>.

мент воспоминаний А. Л. Носовича, в котором он писал о планах фронтовых командиров организовать убийство Н. И. Подвойского²⁶. Возможно, это было бы учтено следствием, так как планы, озвученные «заговорщиками» во время телефонных переговоров, Носович раскрыл руководству Царицына. Другое дело, что сам Носович был под подозрением и все, что исходило от него, воспринималось с сомнением. Поздней осенью 1918 г., после октябрьского бегства Носовича, 6 ноября К. Е. Ворошилов и В. П. Межлаук в телеграмме Я. М. Свердлову писали:

«Мы неоднократно указывали на явную контрреволюционность Носовича, однако обычная невнимательность наших товарищей дала ему возможность и на этот раз ускользнуть от кары и принять командование неприятельскими силами. Мы полагаем, что в настоящий момент необходимо принятие ряда экстренных мер по отношению к ближайшим соратникам Носовича, занимавшим вместе с ним видные посты: генералу Снесареву, освобожденному из-под ареста и командующему западной завесой, и в особенности Ковалевскому — начальнику штаба южного фронта, открыто заявлявшему (что может быть подтверждено Сталиным и Серго Орджоникидзе), что „с казаками он не воюет“. Совершенно необходимо и неотложна чистка южного фронта и замена всех шифров, так как факт беспрепятственного прохождения Носовича не только через нашу линию, но и неприятельскую, ясно указывает на сношения Носовича с неприятелем во время нахождения его в штабе фронта»²⁷.

Поэтому подозрение к Носовичу, а позднее, его разоблачение как агента антибольшевистского подполья, обесценивало эти данные, и они не были востребованы.

Причастность к данному покушению конкретных террористических лиц или групп в тот период не была установлена, и оно трактовалась как проявление эсеровского терроризма. Так, оно упоминалось среди прочих в сентябрьском перечне терактов 1918 г. против лидеров большевистской партии в резолюции Петросовета:

²⁶ Ганин А. Бывший генерал А. Л. Носович и белое подполье в Красной Армии. С. 24.

²⁷ Рабинович С. Иностраннный шпионаж в СССР в годы гражданской войны.

«Покушение на тов. Ленина, убийство тов. Володарского и Урицкого, покушение на тов. Зиновьева, покушение на штаб 3-ей Армии, взрыв воинского поезда под Балашовым, взрыв Курского вокзала в Воронеже — все эти злодеяния организованы партией правых эс-еров²⁸.

Однако данная трактовка вызывает обоснованное сомнение в достоверности подобной постановки вопроса. Наиболее вероятным все же представляется организация теракта со стороны Киквидзе или Железнякова, а возможно и ими. Однако, обстоятельства их возможного участия в 1918 г. не расследовались, в том числе, учитывая вскоре последовавшее перемещение дивизии Киквидзе. Имеются лишь указания на череду конфликтов Подвойского и Железничкова-Киквидзе в августе 1918 г. В первую очередь речь идет о конфликте Подвойского и командира 1-го Еланского советского стрелкового полка Железничкова.

«Прибывшие из Москвы с инспекцией товарищи И. Кондурушкин и Р. Рог в докладе от 26.08.18 «О политическом положении на Донском фронте» обратили внимание на т. н. «донской штаб», в котором присутствие большевиков является чисто символическим, а члены штаба постоянно конфликтуют с вышестоящими инстанциями. Касательно Железнякова, совмещавшего должность комполка с должностью пом.нач.штаба войск Донской Сов. Республики сказано: «Другое столкновение произошло по поводу 1-го Еланского советского полка, командиром которого был назначен тов. Чикванаем (начальник штаба войск Донской Республики, левый коммунист) тов. Железняков (анархист). Приступивши к исполнению обязанностей, тов. Железняков увидел, что полк поставлен в затруднительное положение в материальном отношении... Руководствуясь этим, тов. Железняков послал с ведома тов. Чикваная тов. Подвойскому телеграмму: «От имени солдат Революционной армии объявляю, что вы отвечаете за лишения солдат и за смерть каждого из них, и требую немедленной высылки всего необходимого». Ответом со стороны тов. Подвойского был приезд тов. Александри с приказом об аресте тов. Железнякова и сдаче им всего оружия... Исполнение приказа об аресте было поручено тов. Киквидзе

²⁸ Покушение на Ленина 30 августа 1918 года. С. 111.

(л. с. р.), от чего последний отказался, и приказ не был выполнен. Лично от себя тов. Чикваная ничего не предпринимал, и вместе с тем началась в полку антисоветская пропаганда, вследствие чего полк разбежался. Носились слухи, что Железняков на митинге солдат заявил, что тов. Подвойский желает прихода Краснова, для чего отзывает Еланский полк и оголяет фронт, что это сумолаиновщина и т.д... Ясно определилось, что «Донской штаб» является авантюрой и рассадником контрреволюционного построения...». Явившихся за Железняковым конвойных разогнала выставленная в противовес рота. Ряд авторов предлагает усиленный вариант развития событий — теперь для ареста Железнякова направляют взвод. Его спасло вмешательство Киквидзе, который в ответ поднял в ружье целый батальон. Понимая, чем все кончится, Киквидзе убедил Железнякова податься «в бега». Что тот и сделал. Решением Н. И. Подвойского Железняков объявляется вне закона, что равносильно вынесению смертного приговора»²⁹.

Впрочем, сама дивизия и ее командир осенью 1918 г. оказались под особым надзором ВВИ. Свои претензии были и у Киквидзе. Обе стороны обвиняли друг друга в различных преступных намерениях. На наш взгляд, это было продолжением августовско-сентябрьских событий 1918 года. Вновь вопрос стоял не только об подчинении и контроле дивизии, но и судьбах конкретных людей, возможным их физическом устранении. Об этом ярко свидетельствует октябрьский доклад политического отдела дивизии В. И. Киквидзе Военно-политическому отделению Оперода Наркомвоена с протестом против внедрения агентуры в дивизию Высшей военной инспекцией. Учитывая значение документа, впервые обнаруженного известным московским историком С. С. Войтиковым, и то, что документ ранее не публиковался, приведем его полностью.

«Доклад политического отдела дивизии В. И. Киквидзе Военно-политическому отделению Оперода Наркомвоена с протестом против внедрения агентуры в дивизию Высшей военной инспекцией

²⁹ Ромадин С.. «Лежит под курганом, заросшим бурьяном...», или к вопросу о судьбе командира бронепоезда» // Military Крым. Военно-исторический портал: <http://mil.sevhome.ru/voenistor/garzhdwoina/krasarmygrw/s-romadin-kramatorsk-lezhit-pod-kurganom-zarosshim-burjanom-ili-k-voprosu-o-sudbe-komandira-bronepoezda>.

Борисоглебск 16 октября 1918 г.

Доклад политического отдела дивизии Киквидзе в политический отдел при Оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам.

После расформирования политического отдела дивизией КИКВИДЗЕ начальником дивизии президиум данного отдела выехал в Москву для выяснения создавшегося положения в ЦК ПАРТИИ и ЦИК и возбуждения вопроса об образовании в войсковых частях на фронте политических отделов.

Вопрос принципиально не был решен при нас, так как мы вынуждены были выехать для дальнейшего продолжения работ по оздоровлению, поднятию боеспособности и организации политической жизни в дивизии.

Прибыв в Балашов, мы нашли здесь всех коммунистов из дивизии КИКВИДЗЕ. Оказалось, что с отъездом президиума политическая работа в дивизии стала совершенно не возможна.

КИКВИДЗЕ созвал дивизионное собрание (большинство представительствовало своему подбору) и на нем принял все меры, чтоб восстановить дивизию против коммунистов, называя их «белоручками» и обвинял их даже в безотчетной растрате 20-ти тысяч рублей.

Политическая секция при ВВИнспекции вместо того, чтобы властным голосом сказать, что политическая работа должна вестись, что коммунистическая партия — это рабоче-крестьянская партия [и что] тот, кто препятствует налаживанию политической жизни, безотчетно расхищает народное добро и не заботится о боеспособности, тому нет места в рядах КРАСНОЙ АРМИИ.

Вместо этого политическая секция дошла до того, что послала для подпольной работы в дивизии КИКВИДЗЕ одного или двух коммунистов.

Где это видано, чтобы в СОВЕТСКОЙ РОССИИ, в СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА посылались коммунисты для подпольной работы?

А все это происходит из боязни начальника дивизии КИКВИДЗЕ. Наша группа коммунистов назначалась то в одно дело, то в другое дело и, наконец, назначили всех в продовольственный отряд, но не пришлось поработать и здесь, так как бригада СИВЕРСА отступила в беспорядке, сдавая без боя все позиции перед кучкой казачков. Тов. ПОДВОЙСКИЙ отправил нас туда экстренно.

Из нас были назначены т. ПОДВОЙСКИМ бригадный комиссар и два полковых комиссара.

Дело вел т. БАЛАНДИН не совсем тактично. Призвали в вагон комиссаров полков и СИБЕРСА и заявили, что они должны сдать свои дела, так как арестованы и должны немедленно выехать для дачи показаний в Балашов, по обвинению в происшедшем отступлении.

Тов. БАЛАНДИН положился на СИБЕРСА, как на коммуниста, но стоило только им выйти из вагона, войти в помещение станции, как тотчас же появился караул у телеграфного аппарата, чтобы не дать нам возможности переговариваться с ПОДВОЙСКИМ, а через некоторое время явился один из командиров с заявлением, что если вы обвините командный состав в отступлении, то давайте нам командиров полков, батарей, батальонов, ротных, ротных, взводных, отделенных — мы все поедем в Балашов.

Узнав, что мы сменили только высший состав, оба «полковника» НАХАМЕНКО и ПОТАПЕНКО потеряли всякую сдержанность, ругали ВВИ, грозили снять войска с позиций и идти брать Балашов и бить ВВИ орудиями.

ПОТАПЕНКО категорически заявил, что он уходит, но его полк за ним уйдет из окопов, как и вся бригада.

Высшим командным составом бригады вечером было спешно созвано совещание командиров, на которое нас приглашали, вернее, приказали явиться.

Было темно. Нас посадили в грузовик и с вооруженным отрядом привезли в село Кардаил к штабу, вокруг которого стояло около 200 лошадей. Вошли. Комната и прихожая были переполнены, всего заседало около 400 человек. Шум и крики мгновенно прекратились: председатель предложил им покинуть собрание в виду того, что они не решили всех вопросов. Дали по две свечки и заперли БАЛАНДИНА в одну, а нас в другую комнату. Но для того чтобы мы не могли в продолжение всего нашего заключения слышать громких, резких речей, стучали и топтались в дверях, но им не удалось все же достичь своей цели.

Выступали командиры полков НАХАМЕНКО и ПОТАПЕНКО и другие, которые в своих речах доказывали свою неповинность в произошедшем отступлении бригады. Обвиняли всецело военных руководителей, В[ысшую] в[оенную] инспекцию — «гнездо контрреволюционных генералов» — упирали в особенности на СЫТИНА и ИВАНОВА.

После каждой громкой речи все единогласно шумно требовали расстрелять всех военных руководителей, снятия частей и похода на Балашов для уничтожения ВВИнспекций.

Наконец, призвали нас и потребовали объяснения у БАЛАНДИНА, почему он, коммунист, взялся исполнить контрреволюционный приказ ПОДВОЙСКОГО о смещении командного состава, бригадного командира и двух командиров полков, ареста их и предания суду. Говорить положительно не давали. Ораторы с пеной у рта и со слезами на глазах фанатически доказывали, что это присланы бывшие жандармы и офицеры, смерть им...

Толпа с гулом подхватила возгласы и требовала поголовного нашего расстрела.

БАЛАНДИН держался на собрании очень тактично, не уронил своего достоинства, достоинства представителя СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Но на деле ничего не добился, т. к. ему приходилось парировать удары и на его слова не обращалось никакого внимания.

Неожиданно сообщили, что ПОДВОЙСКИЙ требует к телеграфу БАЛАНДИНА, собрание решило послать для контролирования переговоров начальника штаба. Атмосфера еще более сгустилась, т. к. БАЛАНДИН уехал, его один представитель командир знал как коммуниста. Начали все кричать и требовать расправы с «жандармами», но никто не решался начать, хотя некоторые были с винтовками, мы же все безоружны.

В разгар бушевания кровожадных противников выступил один коммунист, ездивший в Оперативный отдел. В горячей, пламенной речи, ударяя себя кулаком с грудь, со слезами на глазах он обрушился на ВВ Инспекцию.

Тов[арищи], я был в Оперативном отделе, говорил с т. ВАСИЛЬЕВЫМ. Он шлет нашему доблестному дорогому т. СИБЕРСУ привет. В[ысшая] в[оенная] инспекция упраздняется, поэтому ей не надо подчиняться. Вся власть переходит к Донецкому совету, который приехал организовать т. ЖЕРНОВЕЦКИЙ.

Долой В[ысшую] в[оенную] инспекцию! Смерть всем жандармам, офицерам, генералам и военным руководителям...

Да... еще, товарищи, здесь есть товарищи, ездившие в Москву и в ВВ Инспекцию, товарищи, которые хотят сперва убрать т. СИБЕРСА, а потом КИКВИДЗЕ.

Я не буду называть их, но если собрание попросит, то назову; и т. д. и т. д.

Настроение совершенно обострилось, толпа вплотную обхватила нас, но никто не решался начать, видя полное спокойствие и непоколебимость. Командир полка предложил нам резолюцию — ар-

ствовать нас, как заложников, до окончательного выяснения вопроса. Резолюция была принята. Но после принятия резолюции 10 человек закричали: «Смерть изменникам!», «Расстрелять жандармов!» ...

Но, наконец, т. ЕГОРЕЙЧЕНКОВУ удалось добиться слова.

Внятно и громко разъяснил, что он сам лично — офицер-поручик — и может быть, по их мнению, контрреволюционер, но работает он уже давно в партии. Просидел 2,5 месяца во время Корниловщины, арестованный братом Корнилова за большевистскую агитацию и теперь только что возвратился из германской тюрьмы, где просидел 6,5 месяцев, так как был арестован в г. Ровно во время передвижения немцев на Украину. Все остальные коммунисты, рабочие Петрограда и Москвы, все не имели чина выше унтер-офицерского. Тишина была полная. Внимательно слушали; так внимательно, как ни одного из своих ораторов. В канцелярии переменили решение и отпустили на все четыре стороны.

Дальнейший ход переговоров неизвестен. Знаменательно только, что представители из Высшей военной инспекции пошли на перемирие с СИВЕРСОМ, который когда-то уже был, как слышно, объявлен вне закона.

Выехали. На одной станции встретили 2 полка из Тамбова, направляющие к СИВЕРСУ для удаления силой «самостийников-анархистов» командиров.

Но их остановили. ПОДВОЙСКОГО же просил БАЛАНДИН дать боевую задачу СИВЕРСУ. Пусть узнают все, что такие части, как СИВЕРСА и КИКВИДЗЕ подвинутся, если противника нет, но стоит только показаться сотне казаков, как немедленно и в беспорядке откатятся назад на несколько верст. Это истина.

Таким образом, мы напрасно проехали к СИВЕРСУ и возвратились в Балашов, куда к тому времени приехал ЖАРНОВЕЦКИЙ.

Вместе с его отрядом мы поехали к КИКВИДЗЕ, но тов. ЖАРНОВЕЦКИЙ после личных переговоров с КИКВИДЗЕ счел неудобным и нетактичным ставить нас на прежнее место, КИКВИДЗЕ заявил, что ни за что не согласен принять в дивизии прежних коммунистов, поэтому там оставили петроградскую группу, а нас отправили в Поворино в 2-ю Курскую пехотную дивизию, где мы образовали политический отдел Поворинского фронта. Библиотека, взятая из Москвы для дивизии КИКВИДЗЕ, находится при политическом отделе и используется местными войсковыми частями.

Ордер на 500 рублей на приобретение книг из магазина «КОММУНИСТ» не использован, так как не успели благодаря спешного выезда. Дальнейший ход событий описан в следующем докладе³⁰.

Председатель политического отдела Поворинского фронта А. Егорейчиков».³¹

Очевидно, что конфликт стоял на пороге перерастания в войсковой бунт и был погашен только в последний момент. Вместе с тем, не следует говорить, что конфликт был исчерпан. Скоро Киквидзе погиб при загадочных обстоятельствах. Его гибель 11 января 1919 г. связывалась либо с шальной ночной пулей противника, либо с намеренным физическим устранением, которое было организовано советскими властями. Так, можно указать на имеющуюся версию убийства Киквидзе питерскими чекистами:

«Тов. Киквидзе <...> был очень популярен в красноармейских массах, что крайне беспокоило коммунистов, не имевших возможности ни арестовать его как левого эсера, ни сместить с военного поста. Незадолго до смерти Киквидзе попались в руки документы о подготовке на него покушения тайной боевой дружиной, приехавшей из Питерской ЧК»³².

Каких-то документов Петроградской ЧК, которые могли бы подтвердить эту версию, на данный момент автору статьи обнаружить не удалось. Карьера же Подвойского, в т. ч. из-за последствий крушения для здоровья, пошла вниз. «Политическая близорукость» Подвойского, не заметившего контрреволюционность Носовича, также сыграла свою роль. Его вскоре выслали на Украину, но там он уже обладал гораздо меньшими полномочиями. Прошел почти год с покушения на Подвойского. 6 августа 1919 года Политбюро и Оргбюро рассмотрело пунктом № 9 вопрос о Подвойском. Политбюро приняло решение перевести его на работу в Главное управление военными учебными заведениями в качестве заведующего³³.

³⁰ В деле отсутствует.

³¹ РГАСПИ. Ф. 289 Оп. 1 Д. 9 Л. 103–103 об. Подлинник — машинописный текст с автографом

³² Кремль за решеткой (Подпольная Россия). Берлин, 1922. С. 209.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 18. Л. 2.

Н. А. Зяц

«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН»: К ИСТОРИИ ПРОПАГАНДЫ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

История гражданской войны включает в себя множество аспектов, которые ныне нуждаются в полноценном исследовании. Одним из них является вопрос использования пропаганды обеими сторонами в условиях гражданской противоборства. В то время, как в советское время основное внимание уделялось изучению идеологическо-пропагандистской работы большевиков, ныне исследователи все чаще обращаются к исследованию агитационной работы антибольшевистских правительств¹. Эта тема еще далека от исчерпанности в связи с ее недостаточной разработанностью и содержит множество второстепенных сюжетов, мало известных даже специалистам. Данная статья ставит целью исследовать один из них — малоизвестную историю фальсификации «делетов о национализации женщин». В общих чертах она была из-

¹ См., например: *Кребс Т. В.* Советская Россия в изображении белогвардейской печати (по материалам Омских газет) // Омский научный вестник. 2009. № 3 (78). С. 36–38; *Молчанов Л. А.* Информационно-агитационные учреждения Белой Сибири (1918–1920 гг.) // Белая гвардия: альманах. М., 1998. № 2. С. 17–23; *Шевелев Д. Н.* Осведомительный аппарат Российского правительства адмирала А. В. Колчака: структура, основные направления деятельности, специфика пропагандистского дискурса // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь десятилетия. Самара, 2009. С. 278–289; *Кириченко Е. В.* Структура аппарата пропаганды антибольшевистского движения на юге России в 1919 году // Научный журнал КубГАУ. № 113 (09). 2015. С. 1–11.

ложена А. Велидовым в начале 1990-х², однако с тех пор появилась возможность дополнить ее на основе изучения прессы белого движения и зарубежных правительств, а также сходными примерами, которые ярко показывают суть пропагандистского противостояния того времени.

В начале марта 1918 г. в Саратове от имени Саратовской федерации анархистов был опубликован «Декрет об отмене частного владения женщинами», очень напоминавший декреты Советов. Он включал в себя преамбулу и 19 параграфов. Провозглашая отмену социального неравенства и законных браков, он объявил, что с 1 мая 1918 года все женщины в возрасте от 17 до 32 лет (кроме имеющих более пяти детей) считаются достоянием народа и определил правила регистрации женщин и порядок пользования ими от имени клуба анархистов. Мужчины имели право пользоваться одной женщиной «не чаще трех раз в неделю в течение трех часов» со свидетельством о принадлежности к «трудовой семье». За бывшим мужем сохранялся внеочередной доступ к своей жене; в случае противодействия его лишали права на пользование женщиной. Каждый «трудовой член», желающий пользоваться «экземпляром народного достояния», обязан был отчислять от своего заработка 9 процентов, а мужчина, не принадлежащий к «трудовой семье», — 100 рублей в месяц, что составляло от 2 до 40 процентов среднемесячной заработной платы рабочего. Из этих отчислений создавался фонд «Народного поколения», за счет которого выплачивались вспомоществование национализированным женщинам в размере 232 рублей, пособие забеременевшим, содержание на родившихся у них детей (их предполагалось воспитывать до 17 лет в приютах «Народные ясли»), а также пенсии женщинам, потерявшим здоровье. Декрет вызвал бурное негодование в городе. Вскоре анархисты выпустили листовку с опровержением о причастности к нему. Вскоре ими был убит владелец чайной, некий М. Уваров, бывший черносотенец, который, как выяснилось, был его автором³.

Однако далее декрет получил широкое хождение. В апреле 1918 г. он неожиданно был расклеен в Самаре. Свидетелем этих

² Велидов А. «Декрет» о национализации женщин. История одной мистификации // Московские новости. 1990. № 8.

³ Велидов А. С. К истории ВЧК-ОГПУ: без вымысла и купюр. СПб., 2011. С. 432–435.

событий стал корреспондент газеты «Indianapolis news» Оливер Сэйлер, сочувствовавший анархизму. Во время короткого пребывания в Самаре он видел широкое распространение «декрета» на улицах. Местные анархисты с негодованием отрицали свое авторство и выдали ему печатное опровержение. Сам Оливер, правда, считал, что автором провокации были большевики, готовившие разгром анархистов — но это лишь его предположение, довольно сомнительное, учитывая, что конфликты большевиков и анархистов в то время были стихийными и неорганизованными⁴. В апреле сообщение о декрете было опубликовано в московских антисоветских газетах. Тогда же одна из них, кадетская «Заря России», опубликовала сообщение об аналогичном предложении из Хвалынского. Ссылаясь на местные «Известия», газета утверждала, что некая гражданка Федорова предложила декрет по уезду о национализации женщин с 18 лет и ее регистрации в бюро «Свободной Любви» при комиссариате призрения, где она может выбрать мужчину от 19 до 50 лет в сожители, как и они могут выбрать ее. Дети от подобных союзов поступают в распоряжение государства. До того все покушения на несовершеннолетних девушек караются как государственное преступление для уничтожения разврата и проституции. По словам редакции, Федорова утверждала, что такой проект уже реализован в Луге, Колпино и других местах⁵. Вскоре появились сообщения об идентичном декрете во Владимире⁶. Далее декрет начал распространяться по всей провинции. В мае его опубликовал ряд антисоветских газет, таких как «Вечерняя жизнь», «Трудовая копейка», «Друг народа», «Газета для всех», «Уфимская жизнь», «Вятский край» и много других⁷. Все это становилось обычно поводом для выпусков опровержений, делаемых советскими властями, и закрытия подобных газет.

Однако ход обвинения в половой распущенности советских властей был дан. Уже в 1919 г. была сфабрикована еще одна, не менее популярная, фальшивка. Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков» при главнокомандующем Дени-

⁴ *Oliver M. Saylor. Russia, White Or Red. Boston, 1919. P. 187–189.*

⁵ *Думова Н., Трухановский В. Милюков и Черчилль против Советской России. М., 1989. С. 4–44; Заря России. № 1. 17 (4) апреля 1918 г.*

⁶ «Декреты» и «проекты». Социализация женщин. Пг., 1918. С. 4–6.

⁷ *Соболев П. Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977. С. 207.*

кине сохранила дело о «социализации женщин» в Екатеринода-ре. Согласно ее данным, весной 1918 года расклеили напечатан-ный в «Известиях» Совета декрет, по которому девушки от 16 до 25 лет подлежали «социализации». Инициатором идеи яко-бы был комиссар по внутренним делам еврей Бронштейн. Ман-даты на социализацию выдавались им, командиром конного от-ряда Кобзыревым, главнокомандующим Ивашевым «на имя крас-ноармейцев, так и на имя советских начальствующих лиц». При-водился и сам мандат с текстом: «Предъявителю сего товарищу Карасееву предоставляется право социализировать в городе Ека-теринодаре 10 душ девиц возрастом от 16-ти до 20-ти лет, на ко-го укажет товарищ Карасев». Карасев якобы был «комендан-том дворца», в котором работал Бронштейн. Мандат удостоверен подписью главкома Ивашева и печатью войск Северокавказской республики. Дело уверяло, что красноармейцами было схвачено больше 60 девиц — «главным образом из буржуазии и учениц». Часть из них была убита и изнасилована: «Так, например, ученица 5-го класса одной из екатеринодарских гимназий подверглась из-насилованию в течение двенадцати суток целою группою красно-армейцев, затем большевики подвязали ее к дереву и жгли огнем и, наконец, расстреляли»⁸.

Разоблачить фальшивку нетрудно. Главнокомандующим вой-сками Северного Кавказа были последовательно А. И. Автономов, К. И. Калнин и И. А. Сорокин — а не некий Ивашев⁹. По всей ви-димости, автор фальшивки имел в виду военного комиссара горо-да Н. П. Иванова, с начала мая 1918 г. возглавлявшего чрезвычай-ный штаб обороны Кубано-Черноморской республики, ликвидиро-ванный спустя месяц¹⁰. Комиссариат же внутренних дел республики возглавлял Я. Полуян, в горсовете такого поста не было¹¹. Очеви-дно, подразумевался М. Бронштейн, который был заместителем ко-

⁸ Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следствен-ной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю. Фель-штинского. М., 1992. С. 108–109.

⁹ Революция и гражданская война в России. 1917–1923: Энциклопедия. Т. 2. М., 2008. С. 382

¹⁰ Сенцов А. А. Рождение Кубано-Черноморской республики (1917–1918): Из исто-рии становления советской государственности. Краснодар, 1984. С. 115, 117, 150; Ладоха Г. Очерки Гражданской войны на Кубани. Краснодар, 1923. С. 92.

¹¹ Осадчий И. П. За власть трудового народа: Историко-документальный очерк о борьбе за власть Советов на Кубани и Черноморье (1917–1920 гг.). Красно-дар, 1987. С. 118

миссара юстиции по армии¹². Однако окончательно автор фальшивки ошибся с печатью войск Северокавказской республики. Она была провозглашена только на I съезде Советов Северного Кавказа 5–7 июля, объединив до этого отдельные Терскую, Ставропольскую и Кубано-Черноморскую советские республики¹³.

Тем не менее, все эти фальшивки получили большое хождение за границей. В ноябре 1918 г. военный кабинет Великобритании дал распоряжение собирать материалы о жестокостях большевиков для полной и скорейшей публикации. Это совпало с организацией пропаганды у Деникина. 18 декабря 1918 г. на заседании Особого совещания было постановлено «образовать комиссию с судьёй во главе из юристов, общественных деятелей, военных чинов, а также представителя английской миссии, возложив на неё собирание материалов о зверствах большевиков в Севастополе, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Ставрополе и Минераловодском районе, в целях использования означенных материалов для агитации за границей, ассигновав на первоначальные расходы комиссии 20 000 р.»¹⁴. Видимо, не без их стараний сообщения о «национализации женщин» были получены союзниками.

Уже 11 января командующий британской военной миссией и главком войск союзников в северной России генерал Пуль сообщил в Лондон: «Имеются сведения, что комиссариаты свободной любви учреждены в нескольких городах и порядочных женщин подвергают порке за отказ подчиниться; декрет о национализации женщин введен в силу и проведено несколько экспериментов по национализации детей». Такое же сообщение было передано преподобным Б. Ломбардом лорду Керзону 23 марта. Оба донесения вошли в составленную при участии Черчилля и Керзона «Белую книгу» о преступлениях большевизма, которая в апреле была представлена в парламент. В феврале в Лондоне видными белоэмигрантами (П. Н. Милюков, П. Б. Струве, М. И. Ростовцев, А. В. Тыркова-Вильямс) был создан «Комитет освобождения России», получавший финансовую поддержку от Колчака и Дени-

¹² Кубанская ЧК: Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях. Краснодар, 1997. С. 25; Сенцов А. А. Указ. соч. С. 118.

¹³ Революция и гражданская война в России. 1917–1923: Энциклопедия. М., 2008. Т. 2. С. 420, 421; Т. 4. С. 62.

¹⁴ Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине: сентябрь 1918-го — декабрь 1919 года. М., 2008. С. 86–87.

кина. Он занялся пропагандой в пользу свержения большевизма, распространяя фотоконии «мандата»: «По словам английского профессора В. Гуда, именно она служила «наиболее сильным средством, возбуждавшим дикое возмущение против большевизма»». При этом должность Иващенко была с ошибкой переведена как «главный комиссар». Однако, как отметили британские отзвывы в печати, на копиях не имелось ни грифа, ни печати, ни даты — ничего, что удостоверяло бы их подлинность¹⁵. Это означает, что печать денкинские пропагандисты были вынуждены поставить уже после, для большей достоверности подделки.

В то же время, в феврале—марте 1919 г., в США прошло заседание слушаний комиссии Сената США, т. н. комиссии Овермана, о положении дел в России, которая, по сути, должна была закрепить в общественном мнении необходимость продолжения интервенции. На ней выступило множество людей, которые сообщали самые разные слухи о красном терроре в России. Свидетельства о «социализации женщин» там тоже играли большую роль¹⁶. Так, 17 февраля выступил свидетель Роджер Симмонс, бывший в России с экономической миссией: «Он заявил, что красивые женщины от 17 до 32 лет являются в России «общественным достоянием». Те, кто будут сопротивляться, будут объявлены «врагами народа»». Симмонс ссылался на книгу путевых очерков Оливера Сейлора «Россия: белая или красная». Через неделю после госдепартамент заявил, что все это ложь, так как в книге Сейлора именно опровергался «декрет». Сам Сейлор на слушаниях комиссии опроверг сообщения о национализации. Но к тому времени клевета успела обойти много газет¹⁷. Так, например, о «социализации женщин» было рассказано в журнале «New Europe» от 31 октября 1919 г., где были опубликованы «декреты» Владимира и Хвалынского, причем первоначально журнал ошибочно именовал последний как Ноолинску, видимо, из-за созвучия со словом «хулиган». Однако, как указали критики, и тут журнал не привел ни текста декретов, ни даты¹⁸.

¹⁵ Думова Н., Трухановский В. Милюков и Черчилль против Советской России. М., 1989. С. 118–119.

¹⁶ Лан В. США — от первой до второй мировой войны. М., 1976. С. 75.

¹⁷ Орлова Р. Страх в империи доллара (Октябрьская революция и американская реакция. Красный психоз в США. 1919–1920 гг. Факты и документы // Прометей. № 4. 1967. С. 388–389.

¹⁸ Asia and the Americas. Т. 20. 1920. Р. 145.

Интересно, что бытовали разные варианты фальшивок, явно созданные с учетом «поправок». Так, техасская газета «El Paso Herald», ссылаясь на материалы Лондонского комитета, опубликовала текст екатеринодарского «мандата», но в нем Карасев изменен на Бояринова, главком Ивашев на «президента Зиновьева», а печать войск республики на печать «первого революционного советского полка»¹⁹. Через шведскую газету о «мандате» узнал Троцкий и посвятил ему несколько слов в книге «Терроризм и коммунизм», тоже указав, что на нем нет даты. Там же он опроверг похожий мандат, опубликованный в Лозанне: «Совет уполномочивает настоящим тов. Григория Сареева по его выбору и приказанию реквизировать и привести в казармы для надобностей расположенного в Мурзиловке, Брянского уезда, артиллерийского дивизиона 60 женщин и девушек из класса буржуазии и спекулянтов. 16 сентября 1918 г.» По его словам, в ходе проведенного по его приказу расследования выяснилось, что деревня Мурзиловка вообще не существует²⁰.

С особенным удовольствием в 1919 г. подхватила клевету колчаковская пропаганда. Донесение генерала Пуля было опубликовано в нескольких газетах²¹. Вскоре оно дополнилось многочисленными «свидетельствами» от внутренних корреспондентов, чем тема насилия большевиков над женщинами была значительно развита. Так, газета «Отечественные известия», ссылаясь на советские издания, утверждала, что в Уфе «в последнее время многие из красноармейцев вступили в законный брак с прельстившимися их материальным благополучием девушками», причем обязательно венчались в церкви, несмотря на оставшихся в тылу жен. «... Живут чисто животною жизнью и ни о каком ни умственном, ни нравственном совершенствовании нисколько не помышляют», — иронизировала газета и обвиняла также красноармейцев в воровстве с мастерством профессиональных преступников²². В Кизеловских копиях на Урале красные якобы выпустили уголовных каторжан: «Грабеж — повальный. Насилование женщин и подростков — всеобщее. Все победители пьяны во главе с комиссарами. Даже красноармейцам и коммунистам за своих това-

¹⁹ El Paso Herald. 4 октября 1919 г.

²⁰ Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 97–99.

²¹ Русская речь. № 41 (114). 25 февраля 1919; Военные ведомости. № 86. 15 марта 1919.

²² Русская речь. № 92 (165). 7 мая 1919.

рищей, жгущих «для потехи» дома, лавки, живых людей — становилось часто стыдно. Кроме «стенки», здесь особенно процветали несколько дней подряд ножевая и штыковая расправа, а далее всевозможные изощренные пытки. Красивых женщин разыгрывали попросту в орлянку. А когда какая-нибудь одна нравилась сразу многим, ее объявляли «коммунальным достоянием»²³.

Сообщалось газетами и о многочисленных примерах угроз и убийств женщин, не желавших выходить замуж за «комиссаров». Анонимная «московская беженка» отдельно посвятила статью в газете «Русская речь» тяжелому положению женщин у большевиков, откровенно ссылаясь на подобные «декреты» и дополняя их собственными домыслами: «Я читала, что в Самаре большевики мобилизовали всех девушек 18–19 лет, для личных услуг красноармейцам и для уборки их казарм. Всякому ясно, что значат «личные услуги» и какое новое преступление творят эти разнузданные, пьяные звери над беззащитными, молодыми женщинами или девушками»²⁴. Для закрепления эффекта та же газета вскоре сообщила об убитой в Белебее за отвержение ухаживаний гимназистке, чье тело нашла американская миссия²⁵. Другие беженцы рассказывали, что красные загоняют женщин в «политические клубы» для удовлетворения красноармейцев: «По словам некоторых граждан г. Сарапула, вполне заслуживающим доверия, красные дикари утопили в течение зимы 1918–1919 года 183 женщины и девушки за нежелание ответить на их гнусные предложения»²⁶. Стоит ли говорить, что все эти утверждения ничем не подтверждены...

Интересно, что подобные слухи, распускаемые антикоммунистическими элементами, явно бытовали и на советской территории. Так, в феврале 1919 года Ленин получил жалобу на комбед деревни Медяны Чимбелевской волости Курмышевского уезда, который отдавал девушек «своим приятелям, не считаясь ни с согласием родителей, ни с требованием здравого смысла». Проверка Симбирской губчека показала, что национализация женщин не вводилась, а авторы жалобы проживают в Петрогра-

²³ Русская речь. № 180 (253). 23 августа 1919.

²⁴ Русская речь. № 96 (1169). 11 мая 1919.

²⁵ Русская речь. № 97 (170). 13 мая 1919.

²⁶ Широких Т. Почему мы ушли от красных: ответ ижевского крестьянина-рабочего «ожидающим» и «безразличным» сибирякам. Омск, [1919]. С. 4.

де²⁷. Яро антисоветски настроенный известный ученый Питирим Сорокин уже в эмиграции утверждал, будто распущенность «проводится в «Союзах коммунистической молодежи», среди учащаяся, где половая вольность не только не тормозится, а скорее поощряется» и также ссылался на приведенные декреты²⁸.

Окончательно клевета была опровергнута американским посланником в России Уильямом Буллитом, который выступал за мирные отношения с Советской Россией. В показаниях перед комитетом по международным отношениям Сената 12 сентября он решительно отверг эти выдумки²⁹. В конце 1919 г. свое опровержение в форме брошюры «Национализация женщин. Подлинная история лжи» выпустила Британская социалистическая партия. Тем не менее, «декрет о национализации» еще не раз публиковался заграничной печати, не раз принимался даже советскими авторами за реальное правотворчество, а уж после распада СССР получил широкое хождение наравне с другими антисоветскими мифами.

Сама история этого декрета, несмотря на его курьезность, отражает совершенно реальный факт — радикализм антикоммунистического сопротивления того времени, который пытался представить революционные процессы как угрожающие самим основам цивилизации и наиболее близких каждому обычному человеку бытовых идеалов: собственности, дисциплины, порядка, любви, веры, прогресса. Этим достигалась цель демонизации и «расчеловечивания» противника, как отвергающего самые элементарные социальные нормы существования. В этом отношении представители русской контрреволюции ничем не отличались от своих исторических предшественников: «В ответ на Французскую революцию и последующее восстания XIX века консерваторы и контрреволюционеры создали демонологию угрозы установленному порядку. Эта угроза приняла воображаемую форму жестокой и нередко безликой толпы, нападающей на буржуазные понятия класса, собственности — и пола»³⁰. Хотя подобная пропаганда

²⁷ Литвин А. Л. Красный и белый террор в России: 1918–1922 гг. М., 2004. С. 112.

²⁸ Сорокин П. Социология революции. М., 2005. С. 121.

²⁹ The Bullitt Mission to Russia. New York: Huebsch, 1919. P. 50, 59.

³⁰ Герварт Р., Хорн Дж. Большевизм как фантазия: страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917–1923 гг.) // Война во время мира: Военно-политические конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М., 2014. С. 63.

не приобрела в дискурсе антибольшевистских правительств доминирующего положения, она вполне отвечала ее основному духу — акцентированию на жестокости большевиков, их насилиях, антирелигиозности и разрушительных для народа корыстных наклонностях. Поэтому история «декретов», таким образом, имеет значение как пример ожесточения в годы гражданской войны и более широко — как пример глобального идеологического противостояния своей эпохи.

Автор благодарит Евгения Шацкого
за помощь в написании статьи.

Кирилл Шевченко

ЧЕХОСЛОВАКИЯ, 1968: ЦУГЦВАНГ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

В иерархии «магических восьмёрок» чешской истории 1968 год занимает одно из ведущих мест — наряду с 1918, 1938 и 1948 годами. Хотя 1968 год — в отличие от 1918 или 1938 — не был напрямую увязан с вопросом существования чешской государственности или физического выживания чешского народа, события Пражской весны оказали и продолжают оказывать колоссальное влияние не только на исторические судьбы чехов и словаков, но и на развитие всех остальных стран бывшего социалистического блока. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что советский танк, умело превращённый в зловеющий бренд СССР и России с момента подавления Пражской весны, продолжает эффективно использоваться магами политического пиара для демонизации уже современной России. Опытные политические лозманы продолжают умело ловить уже слабые ветры Пражской весны в паруса своих кораблей, быстро и комфортно доставивших постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы в НАТО и Евросоюз — вопреки прочно забытой ныне риторике лидеров восточноевропейских демократических революций о некоем «третьем пути» и целесообразности одновременного роспуска НАТО и Варшавского договора. После чехословацкой «бархатной революции» 1989 г. и распада Чехословакии в 1993 г. рождённый Пражской весной и всячески раскручиваемый бренд в виде советского танка энергично

и креативно использовался политтехнологами для мобилизации чешского общественного мнения за вступление Чехии в НАТО и за размещение в Чехии американского радара ПРО.

Шок от Мюнхена-1938, от последовавшей за ним нацистской оккупации и от унижительного протекторатного существования породил колоссальное по силе стремление чешского общества к преодолению их последствий. Именно это предсказуемо и надолго стало определяющим фактором чехословацкой политики после национальной трагедии 1938–1939 гг., в огромной степени обусловив быстрое вхождение Чехословакии в орбиту советского влияния и предопределив изначально высокий кредит доверия к тем политическим партиям, которые выступали против Мюнхена наиболее активно, прежде всего, к коммунистам. В известном смысле можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что не только драматичное выселение трёхмиллионного немецкого меньшинства из послевоенной Чехословакии, но и события февраля 1948 г. были производными от событий сентября 1938 года. Ряд чешских интеллектуалов подчеркивает, что существовала непосредственная причинно-следственная связь между выселением немецкого меньшинства из Чехословакии в послевоенные годы и установлением в стране коммунистического режима в 1948 году¹.

Жёсткий формат взаимоотношений с СССР в рамках формировавшегося социалистического лагеря и навязывание советской модели социализма с её многочисленными социально-экономическими и политическими изъянами, в определённой мере обусловленное как логикой усиливавшейся «холодной войны» и конфронтацией между Западом и Востоком, так и рвением местных коммунистических ортодоксов, быстро разочаровали чехословацкую общественность. Среднее и старшее поколение чехов хорошо помнили демократические свободы и либеральную атмосферу Первой республики. Тем сильнее был шок чехословацкой общественности от волны широкомасштабных политических репрессий в 1949–1954 гг. с большим числом смертных приговоров; при этом последняя волна репрессий против «словацких буржуазных

¹ Čítanka odsunutých dějin. Uspořádali Petr Pithart a Petr Příhoda. Praha, 1998. S. 6.

националистов», в ходе которых был осуждён и активный участник Словацкого национального восстания Г. Гусак, имела место уже после смерти Сталина. Стремительное механическое копирование советской экономической модели, в результате чего уже «в 1951 г. 99% всех производственных мощностей принадлежало социалистическому сектору»², привело к «резкому снижению эффективности» экономики и к серьёзным диспропорциям между отраслями промышленности, обусловив нарастание экономических трудностей, недостаток потребительских товаров и, как следствие, недовольство населения³.

Генератором критики системы и оформления реформистских идей в Чехословакии стала опиравшаяся на наследие Первой республики научная и творческая интеллигенция, давшая знать о себе на XIII съезде КПЧ в 1966 г., где из уст экономиста О. Шика прозвучала фраза о необходимости широкой демократизации общества. Это вызвало нервную реакцию первого секретаря ЦК КПЧ и президента страны А. Новотного и присутствовавшего на съезде в качестве гостя Л. И. Брежнева. В 1967 г. выразителями оппозиционных настроений выступили чехословацкие писатели и пражские студенты, ставшие головной болью для Новотного и его окружения. На IV съезде чехословацких писателей в июне 1967 г. писатель И. Клима, критикуя существовавшие цензурные ограничения, заявил, что «чехословацкое государство легализовало предварительную цензуру сто лет спустя после её отмены австро-венгерской монархией»⁴. Здесь же было публично зачитано письмо А. Солженицына съезду советских писателей с жёсткой критикой социалистической системы. Съезд чехословацких писателей в 1967 г. стал своеобразной прелюдией к событиям 1968 года⁵.

Знаковая отставка Н. С. Хрущёва в октябре 1964 г., имевшая место почти сразу после его громкого визита в Чехословакию на празднование юбилея Словацкого национального восстания в августе 1964 г., стала мощным ударом по позициям А. Новотного, активизировав его противников из числа коммунистиче-

² Шик О. Весеннее возрождение — иллюзии и действительность. М., 1991. С. 65.

³ Там же. С. 83.

⁴ Šmíd M. Rozhlas, noviny a televize v období Pražského jara // Pražské jaro 1968. Literatura — Film — Média. Praha, 2009. S. 40.

⁵ Uhde M. Rok 1968, jak se jevil z Brna // Pražské jaro 1968. Literatura — Film — Média. Praha, 2009. S. 45.

ской номенклатуры. В результате длительных закулисных интриг на пленуме ЦК КПЧ в январе 1968 г. первым секретарем в качестве устраивавшей всех компромиссной фигуры был избран А. Дубчек, после чего процесс реформ стал набирать обороты, хотя ему, по признанию хорошо информированного современника, предшествовала «делёжка кресел». ⁶ Впрочем, ряды КПЧ не были едины. Один из идеологов Пражской весны выделял среди членов компартии «ультрареакционеров», «реакционеров», «консерваторов» и «реформаторов»; при этом именно реформистская часть коммунистической номенклатуры, быстро установив контроль над СМИ, сумела навязать свои правила игры оппонентам, постепенно вытесняя их с ключевых позиций в государстве.

Попытки реформирования сложившейся в Чехословакии системы под лозунгом «социализма с человеческим лицом», предпринятые архитекторами Пражской весны в 1968 г., судя по всему, были изначально обречены на провал. Движение обновления и реформ «было инициировано внутри компартии Чехословакии группами номенклатурной элиты... Очевидно, А. Дубчек и другие руководители обновленного руководства КПЧ в глубине души наивно полагали, что на примере своей страны докажут КПСС необходимость пересмотра социалистической теории и практики» ⁷. Очень скоро Пражская весна перестала быть только проектом реформистской части руководства компартии Чехословакии. По словам известного чешского историка П. Чорнея, студенческие годы которого пришлось на конец 1960-х гг., Пражская весна не являлась делом только компартии, поскольку «всё чехословацкое общество подняло голову, обрело надежду... и мечтало о свободе» ⁸. Впрочем, российский историк Н. Платошкин полагает, что реформы поддерживала в основном «творческая гуманитарная интеллигенция», тогда как рабочие и крестьяне относились к ним в целом более критически. ⁹

Существенным источником реформистских настроений в среде руководства КПЧ являлись как малопривлекательная проза советских реалий, так и размахистые хрущёвские инновации. Обучавшиеся в СССР чехословацкие коммунисты, являвшиеся политиче-

⁶ Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 125.

⁷ Мусатов В. А. Россия и Восточная Европа. Связь времен. М., 2008. С. 125–127.

⁸ Čornej P. Pražské jaro 1968 // Pražské jaro 1968. Literatura — Film — Média. Praha, 2009. S. 12.

⁹ Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6 (42). С. 29.

ской элитой страны, были вынуждены скорректировать свои изначально завышенные и зачастую идеализированные представления о Советском Союзе после знакомства с уровнем и качеством жизни рядовых советских граждан, с советской бюрократической системой с её ярко выраженным репрессивно-номенклатурным началом и с общим состоянием советского общества. «Вместо того, чтобы вернуться ещё более убеждёнными сталинистами, мы, всё ещё оставаясь сталинистами, оказывались уже с червоточиной, — вспоминал о своей учёбе на юрфаке МГУ в 1950-е годы один из идеологов Пражской весны З. Млынарж, занимавший в 1968 г. должность секретаря ЦК КПЧ. — На нас теперь не действовало главное заклинание официальной партийной политики — универсальность и обязательность советского образца. Советский Союз утратил для нас свой авторитет как совершенный образец для подражания»¹⁰. В число ярких воспоминаний от учёбы в Москве у Млынаржа вошли застолья и откровенные разговоры в общежитии со студентами-фронтовиками с большим количеством водки, реальная угроза быть раздавленным в толпе во время прощания со Сталиным в мартовские дни 1953 г., а также учебная практика в органах советской прокуратуры. Огромное влияние на чехословацких реформаторов в рядах КПЧ, по словам Млынаржа, произвел «взорвавший затхлую атмосферу» доклад Хрущёва о культе личности Сталине на XX съезде КПСС, после которого «КПЧ пережила шок, а затем начались споры и дискуссии»¹¹. Млынарж отмечал впоследствии, что «переворот в моём мышлении произвела именно хрущёвская критика Сталина»¹².

Аналогичные эмоции после своей поездки в Москву в 1954 г. в составе делегации пражской Высшей партийной школы испытывал и О. Шик, один из авторов чехословацких экономических реформ в 1960-е годы. Гнетущее впечатление на Шика, тогда правоверного коммуниста, произвели не столько всеобщая бедность, нехватка товаров и «длинные очереди хмурых людей», что он основанно связывал с разрушительными последствиями войны, сколько «существование больших социальных различий, привилегий для партийных чиновников» и высокомерное отношение номенклатуры к простому населению. В итоге, по словам Шика,

¹⁰ Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 28.

¹¹ Там же. С. 33–35.

¹² Там же. С. 41.

опыт от поездки в Москву «лишил нас всяких иллюзий»¹³. Любопытно, что впечатления советских учёных от посещения социалистической Чехословакии были противоположными. Известный отечественный историк-славист, профессор МГУ Л. П. Лаптева, впервые побывавшая в ЧССР в 1962 г. на длительной научной стажировке, вспоминала впоследствии, что была немало удивлена «относительной свободой» местной научной жизни в сравнении с СССР. По словам Лаптевой, «все имели возможность открыто выражать свои мысли и не бояться. Издавалось большое число научных журналов, существовала возможность широкого обмена мнениями...»¹⁴.

Принятая в апреле 1968 г. руководством КПЧ «Программа действий» была направлена на постепенный демонтаж тоталитарной системы, на внедрение элементов рыночной экономики и на прокладывание пути к «политической демократии»¹⁵, при этом одним из авторов этой программы был выпускник юрфака МГУ З. Млынарж. Однако руководство стран Варшавского договора, обеспокоенное реформами в Чехословакии как небезопасным прецедентом, было категорически против любых экспериментов. С точки зрения Л. И. Брежнева в Москве, В. Ульбрихта в Берлине, В. Гомулки в Варшаве и Т. Живкова в Софии, подобные эксперименты могли поставить под угрозу внутриполитическую стабильность и единство социалистического лагеря в условиях противостояния с Западом, войны США во Вьетнаме и напряженных отношений с Китаем. Настороженное отношение лидеров соцстран к процессам в ЧССР подогревалось ростом критических настроений и радикализма в чехословацкой прессе, освобожденной от цензуры в марте 1968 года. По словам авторитетного чехословацкого современника, в 1968 г. «СМИ сореволювались друг с другом в разоблачении белых и чёрных пятен недавней истории, время от времени демонстрируя склонность к сенсациям и бульварщине»¹⁶; при этом, как отмечает современный российский историк, «якобы демократические СМИ развернули информационно-психологический террор против тех, кто имел мнение, отличное от мнения реформаторов... Люди, которых тра-

¹³ Шук О. Указ. соч. С. 78.

¹⁴ Ševčenko K. Život ve službách slavištiny. Ludmila Pavlovna Laptěvová (9. září 1926–16 května 2016) // Slovanský přehled. 2016. Číslo 2. S. 375.

¹⁵ Млынарж З. Указ. соч. С. 52.

¹⁶ Čornej P. Op. cit. S. 12.

вили, не имели возможности ответить... Газеты опровержений не печатали...».¹⁷ Немалое раздражение консерваторов вызывало и проявившееся в исторической публицистике стремление к полной реабилитации эпохи Первой республики. Историки критиковали «чёрно-белые оценки Т. Г. Масарика и группы реалистов в чешской политической жизни, обусловленные политическими и идеологическими потребностями»¹⁸, подчеркивая, что во время Первой республики «были обеспечены широкие гражданские права независимо от национальности и конфессиональной принадлежности и был проведён ряд прогрессивных социальных реформ»¹⁹. Подобная расстановка акцентов вряд ли могла вызвать восторг у тогдашних советских дипломатов из посольства СССР в Праге, тем более, что среди них были и профессиональные историки-слависты, весьма чуткие к любым «уклонам», противоречащим «генеральной линии»...

Я. Кадар, опытный реформатор и автор успешной модели венгерского «гуляшного социализма», вначале положительно воспринявший Пражскую весну, к июлю 1968 г. был также от неё не в восторге, «опасаясь победы ревизионистов в компартии Чехословакии и раскола в социалистическом блоке»²⁰. Важной причиной резкого охлаждения отношений между Будапештом и Прагой было поведение эмансипированных чехословацких СМИ, которым пьянящий «воздух свободы» вскружил голову после отмены цензуры в марте 1968 года. Появление в чехословацкой прессе материалов, посвящённых годовщине казни И. Нады, в которых «Имре Надя подняли до уровня гуманиста и провозвестника демократического социализма»,²¹ вызвало сильнейшее раздражение Кадара и его окружения. В результате отношения между пражскими реформаторами и Будапештом были испорчены, хотя Венгрия потенциально могла стать посредником между остальными странами социалистического блока и Чехословакией.

Ярко выраженный медиациентризм Пражской весны с самого начала стал мощным раздражителем в отношениях между Прагой и лидерами стран Варшавского договора. Если вначале Дубчек,

¹⁷ Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6 (42). С. 31.

¹⁸ *Kořalka J.* *Národ bez státu// Naše živá i mrtvá minulost.* Praha, 1968. S. 150.

¹⁹ *Olivová V.* *Op. cit.* S. 191–192.

²⁰ *Williams K.* *The Prague Spring and its Aftermath: Czechoslovak Politics, 1968–1970.* Cambridge, 1997. P. 110.

²¹ *Мусатов В. А.* Указ. соч. С. 158.

снят с прессы цензурный намордник, успешно использовал её для укрепления своих позиций в аппаратной борьбе, то впоследствии пресса стала создавать ему всё больше проблем внешнеполитического характера, по поводу чего Дубчек неоднократно сожалел и даже возмущался. В ходе конфиденциальной встречи с Дубчеком в г. Комарно в Южной Словакии 17 августа 1968 г., т. е. за несколько дней до вторжения, Кадар настоятельно рекомендовал своему чехословацкому собеседнику «точно выполнить договорённости, достигнутые в Чиерне-над-Тисой и в Братиславе. Избегая намёков на грядущее вторжение, Кадар повторил, что если социализм подвергается угрозе, как в 1956 г. в Венгрии, то это становится предметом озабоченности всех партий. Если их первая встреча в январе была тёплой и сердечной, — отмечает британский исследователь К. Уильямс, — то встреча в августе прошла в атмосфере отчуждения и холодности»²².

Некоторые лидеры социалистических стран демонстрировали более негативное отношение к Пражской весне и лично к Дубчеку, чем Брежнев, усиливая у московского руководства неприятие чехословацких реформ. Уже в ходе первомайской демонстрации в Праге в 1968 г. за поведением Дубчека пристально следила восточногерманская «Штази», фиксируя и анализируя каждое движение чехословацкого лидера. Участие в пражской первомайской демонстрации различных общественных организаций, возникших на волне демократизации, стало для руководства ГДР весомым доказательством ползучей контрреволюции в ЧССР²³. Примечательно, что ещё в июле 1968 г. на встрече в Варшаве руководитель ПНР Владислав Гомулка требовал от Брежнева «не опоздать с вводом войск» в ЧССР, упрекая советского лидера за то, что тот слишком долго «запрягает»²⁴. После своей встречи с Дубчеком 13 августа 1968 г. руководитель ГДР Вальтер Ульбрихт в разговоре с послом СССР в ГДР с пролетарской прямоотой охарактеризовал Дубчека как «хитрого буржуазного дипломата, который говорит одно, но думает и делает другое»²⁵.

²² Williams K. Op. cit. P. 110.

²³ Pauer J. Praha 1968. Vpád Varšavské smlouvy. Pozadí — Planování — Provedení. Praha, 2004. S. 48–49.

²⁴ Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия, 1968. Свидетельство командарма. М., 1998. С. 211.

²⁵ Williams K. Op. cit. P. 109.

Идеологи Пражской весны платили лидерам Польши, ГДР, Болгарии и СССР той же монетой. «Вальтер Ульбрихт и Владислав Гомулка представляли тогда собой злобных, тщеславных, выживших из ума стариков... Живкову тогда было всего 55 лет, но он отличался исключительной тупостью...»²⁶, — так нелицеприятно отзывался о лидерах стран ОВД секретарь ЦК КПЧ З. Млынарж после встречи глав социалистических государств в Братиславе 3 августа 1968 года. Автор чехословацкой экономической реформы и бывший узник концлагеря Маутхаузен О. Шик, занимавший летом 1968 г. пост заместителя главы правительства ЧССР, не без доли интеллектуального снобизма характеризовал советский генералитет как «самоуверенный, высокомерный и ограниченный, который преследовал только свои цели»²⁷. Впрочем, только «свои цели» преследовали и лидеры Пражской весны, озабоченные демократизацией, но игнорировавшие военно-политические вопросы, составлявшие главный предмет внимания руководства стран ОВД. Разногласия между Кремлем и пражскими реформаторами объяснялись не только расхождениями в интерпретации марксизма-ленинизма, но и явными ментальными различиями, что, впрочем, не помешало чехословацкому руководству попросить в мае 1968 г. у правительства СССР крупный кредит в валюте для закупок потребительских товаров на Западе, отказавшись при этом от получения данного кредита продовольствием. В подобных условиях Пражская весна вряд ли имела шансы перерасти в плодоносящее политическое лето. Вместо лета пришёл «мороз, ударивший из Кремля»...

Решение о вторжении давалось Москве нелегко. Уже с весны 1968 г. Брежнев испытывал растущее давление союзников по ОВД, настаивавших на военном решении «чехословацкой проблемы»; при этом наибольшее неприятие Пражская весна вызывала у лидеров ГДР и ПНР В. Ульбрихта и В. Гомулки. Как свидетельствовал один из ключевых участников вторжения в Чехословакию генерал армии А. М. Майоров, командовавший в то время 38-й армией Прикарпатского военного округа в звании генерал-лейтенанта, секретную карту-приказ о вторжении в ЧССР за подписью министра обороны СССР маршала А. А. Гречко он получил в штабе Прикарпатского округа во Львове ещё 12 апреля 1968 года²⁸.

²⁶ Млынарж З. Указ. соч. С. 171–172.

²⁷ Шик О. Указ. соч. С. 263.

²⁸ Майоров А. М. Указ. соч. С. 19.

По мнению некоторых исследователей, важной причиной, побудившей лидеров стран Варшавского договора к вторжению в Чехословакию, было их восприятие поведения руководства ЧССР как неоднократное и грубое нарушение неписаных правил номенклатурной этики²⁹. Примечательно, что в ходе своих телефонных разговоров с Дубчеком 9 и 13 августа 1968 г., т. е. за неделю до вторжения, Брежнев эмоционально взывал к обещаниям Дубчека, укоряя «Сашу» за невыполнение принятых им на себя обязательств и даже за обман³⁰. Особый гнев Брежнева вызывало поведение чехословацкой прессы, продолжавшей лихую кавалерийскую атаку на консерваторов-«неостаинистов», и кадровое бездействие Дубчека в отношении Цисаржа и Кригеля, на увольнении которых давно настаивала Москва; при этом повлиять на СМИ и произвести кадровые изменения Дубчек обещал советскому руководству еще с весны 1968 года, подтвердив эти обещания в ходе переговоров в Чиерненад-Тисой в конце июля 1968 года.

Ещё одной важной причиной вторжения являлась обеспокоенность лидеров ОВД резко снизившейся боеспособностью Чехословацкой народной армии и брожением в среде чехословацкого военного руководства, выявленных в ходе учений армий Варшавского договора «Шумава» в Чехословакии в июне 1968 года. О разложении ряда подразделений чехословацкой армии и о «заросших травой полигонах» писал в своих мемуарах участник событий генерал-лейтенант А. М. Майоров. При разборе учений с участием подразделений чехословацкой армии 29 июня 1968 г. в Миловице имел место инцидент, когда в присутствии главнокомандующих Объединённых вооружённых сил ОВД маршала И. И. Якубовского и представителя Войска Польского генерала брони Ф. Сивицкого разгневанный президент Чехословакии Людвик Свобода публично назвал чехословацких участников учений «швейками» за их демонстративно пассивные действия³¹.

В ходе учений «Шумава» Л. Свобода, в прошлом боевой офицер и генерал с богатым военным опытом, неоднократно публично заявлял о том, что ему стыдно за провальные действия чехословацкой армии. Во время финального разбора учений «Шумава» и последующего фуршета произошел острый словесный кон-

²⁹ Williams K. Op. cit. P. 110.

³⁰ Ibidem. P. 106.

³¹ Майоров А. М. Указ. соч. С. 72.

фликт между президентом Чехословакии Свободой и советским генералом Майоровым, с одной стороны, и ведущими идеологами Пражской весны Ф. Кригелем и Й. Смирковским, с другой стороны³². Демонстративно пацифистская речь Кригеля вызвала крайне негативную реакцию представителей армий Варшавского договора. Комментируя выступление Кригеля, врача-гинеколога по специальности, генерал брони Войска Польского Ф. Сивицкий сказал в частной беседе с генерал-лейтенантом Майоровым, что Кригелю следует взять в руки медицинский пинцет и заняться своими прямыми профессиональными обязанностями, а не лезть в политику³³. В ходе доверительного общения с коллегами из чехословацкой армии у советских офицеров сложилось впечатление, что сторонники Варшавского договора и СССР среди командного и политсостава чехословацких вооружённых сил подвергаются систематической травле со стороны политического руководства страны и становятся жертвами хорошо организованной кадровой чистки. Более того, начальник политуправления Восточного военного округа ЧССР генерал-майор С. Кодай, критически относившийся к деятельности пражских реформаторов, сообщил своим советским собеседникам в конфиденциальной беседе в июле 1968 г., что ему приходят письма с угрозами физической расправы³⁴. Информация подобного рода не была единичной. В итоге ход и результаты военных учений «Шумава», ставших своего рода «разведкой боем», не обещали ничего хорошего для реформистской части политического руководства Чехословакии³⁵.

Болезненную реакцию советского командования вызывали хорошо скоординированные публикации эмансипированных чехословацких СМИ, которые порой демонстрировали чудеса креатива и недюжинный полёт творческой фантазии, предвосхитив поведение демократической прессы СССР в разгар «перестройки». Так, в июле 1968 г. после учений «Шумава» газета «Оломоуцке новины» поведала читателям о зверском нападении трёх советских солдат на некую Милушку К., мирно собиравшую грибы на Либавском полигоне. По утверждению газеты, несчастная Милушка К. была избита и изнасилована советскими военнoслужащи-

³² Майоров А. М. Указ. соч. С. 117.

³³ Там же. С. 116.

³⁴ Там же. С. 140.

³⁵ Pauer J. Op. cit. S. 90–95.

ми; при этом один из нападавших «был болен гонореей, второй имел вшей»³⁶. Данная леденящая кровь информация о свирепых и вшивых дикарях в советской военной форме, страдающих к тому же венерическими болезнями, оказалась упитанной газетной уткой, а внезапно исчезнувшая «Милушка К.» — вымышленным персонажем, однако полноценного опровержения, на котором настаивало советское командование, опубликовано так и не было. Генерал-лейтенант Майоров, не сумев оценить искромётный «креатив» прогрессивных оломоуцких журналистов, воспринял происшедшее как «явную грубую фальсификацию, рассчитанную на наивного обывателя, чтобы вызвать в нём ненависть»³⁷. Характеризуя поведение чехословацких СМИ в июле 1968 г. в отношении оставшихся на территории ЧССР подразделений Советской Армии после учений «Шумава» и приводя примеры откровенно оскорбительных публикаций, Майоров вспоминал, что «мы ощущали нарастающую антипатию, даже враждебность...»³⁸.

Негативные впечатления высших военных представителей стран Варшавского договора от положения в чехословацком обществе, в армии и в военном руководстве страны влияли на лидеров стран социалистического блока, убеждая их в необходимости силовой акции. Крайне отрицательно лидеры стран ОВД восприняли интервью чехословацким СМИ в июле 1968 г. секретаря ЦК КПЧ генерала Прхлика, курировавшего силовые структуры ЧССР. В своем интервью Прхлик «сообщил точные данные о советских войсках, участвовавших в манёврах, а также критиковал односторонность Варшавского Договора, в руководстве которого были преимущественно советские офицеры. Он также говорил о необходимости пересмотра организационной структуры Варшавского Договора»³⁹. Комментируя это выступление, подтвердившее худшие опасения руководства ОВД, газета «Красная звезда» констатировала 23 июля 1968 г., что Прхлик хочет оторвать Чехословакию от Варшавского договора⁴⁰.

Еще ранее в Праге с лекциями перед членами альтернативных политических структур в лице «Клуба-231» и «Клуба активных беспартийных» выступил Збигнев Бжезинский, занимавший

³⁶ Майоров А. М. Указ. соч. С. 128.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 145.

³⁹ Шик О. Указ. соч. С. 268.

⁴⁰ Там же.

в то время должность профессора Колумбийского университета и консультанта президента и Госдепа США по Восточной Европе. Прибыв с политгастролями в Прагу 14 июня 1968 г., Бжезинский, политически грамотный на внучатой племяннице Э. Бенеша, в своих лекциях «напрямую инструктировал чехословацких оппозиционеров», указывая на необходимость «перехватить инициативу у компартии, создавая собственные политические структуры»⁴¹. Примечательно, что опубликованный в чехословацкой прессе 27 июня 1968 г. нашумевший манифест Л. Вацулика «Две тысячи слов» обнаруживал явные следы влияния лекций Бжезинского, что было немедленно замечено и в Москве, и в других столицах ОВД. В частности, на это обстоятельство обратил внимание бдительный глава ГДР В. Ульбрихт на совещании руководителей коммунистических и рабочих партий в Варшаве 14 июля 1968 года.⁴² Впрочем, как замечает современный российский историк А. Замостьянов, в ходе своих пражских гастролей сам Бжезинский «вряд ли верил в успех этой провокации. Главное — разжечь, а потом выгодным образом прокомментировать, что и было сделано».⁴³

12 августа 1968 г. на аудиенции у Брежнева в Москве генерал-лейтенант Майоров, к мнению которого по поводу ситуации в ЧССР в Кремле внимательно прислушивались, озвучил крайне тревожный для руководства ОВД сценарий возможного развития Чехословакии. По словам Майорова, «через месяц-два ЧНА [Чехословацкая народная армия. — К. Ш.] будет полностью разложена. Стараниями тройки Кригеля, Млынаржа, Цисаржа... В одно прекрасное утро ... под Чопом, Мукачево, Ужгородом могут быть выброшены 82-я и 101-я воздушно-десантные дивизии войск НАТО. А через Чехию и Словакию пойдут к ним на соединение пятый и седьмой армейские корпуса США... В ночь перед выброской воздушных десантов будет оформлено марионеточное правительство Чехословакии. Оно объявит о нейтралитете, о выходе из Варшавского Договора и обратится с просьбой к НАТО защитить страну от советского вторжения»⁴⁴. Эти же мысли Май-

⁴¹ Тростин Е. Пражское лето пана Бжезинского // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6 (42). С. 17.

⁴² Там же.

⁴³ Замостьянов А. Миф о 1968-м // Литературная газета. 2018. № 25–26 (6649). С. 16.

⁴⁴ Майоров А. М. Указ. соч. С. 192–193.

оров высказал и в ходе своей конфиденциальной встречи с руководителем Польши В. Гомулкой в ночь с 12 на 13 августа 1968 г. под Варшавой; при этом Гомулка не без раздражения отметил, что он давно предупреждал Брежнева о подобной опасности⁴⁵. Поскольку военно-политическая оптика была для Москвы главной при анализе положения в ЧССР и поскольку венгерские события 1956 г. были свежи в памяти, мнение авторитетного советского генерала, прошедшего в Чехословакии около двух месяцев и лично участвовавшего в учениях «Шумава», руководство ОВД восприняло серьёзно. К середине августа 1968 г. Москва окончательно убедилась в том, что выпускник Высшей партийной школы при ЦК КПСС А. Дубчек не сможет стать «чехословацким Кадаром». На экстренной встрече глав государств ОВД 18 августа 1968 г. Брежнев с сожалением констатировал, что Дубчек перешёл на «сторону правых» и что политические средства воздействия на руководство ЧССР исчерпаны. Оказавшись в явном цугцванге в августе 1968 г., руководство ОВД приняло решение о том, что военное вмешательство является все же «меньшим злом».

Известный чешский историк-медиевист П. Чорней, анализируя внешнеполитические аспекты Пражской весны, провёл остроумную параллель между положением Дубчека и его окружения в 1968 г. и положением чешского короля Вацлава IV в 1418–1419 гг., когда римская курия настоятельно требовала от короля Чехии срочно покончить с нараставшей «гуситской ересью» в стране, угрожая в противном случае крестовым походом⁴⁶...

Вторжение армий Варшавского договора в ЧССР в ночь на 21 августа 1968 г., помимо прочего, было вызвано ещё и стремлением опередить как запланированный на сентябрь 1968 года XIV съезд КПЧ, где ожидалась неприемлемая для Москвы окончательная кадровая победа реформаторов, так и крупномасштабные манёвры НАТО в пограничных с Чехословакией областях ФРГ. Насильственное подавление Пражской весны было тактическим военным успехом, но стратегическим и имиджевым провалом его инициаторов. Изначально запланированная попытка Кремля создать просоветское «революционное рабоче-крестьянское правительство» во главе с А. Индрой и В. Биляком полностью провалилась; советское руководство было вынуждено

⁴⁵ Там же. С. 209–211.

⁴⁶ Čornej P. Op. cit. S. 14.

в условиях оккупации и массовых протестов начать сложные переговоры с Дубчеком и другими лидерами Пражской весны, которые из первоначально интернированных заключенных быстро превратились в партнёров по переговорам. Советская бронетехника и солдаты на улицах чехословацких городов вызвали взрыв эмоций и массовые протесты. Орган чехословацкой компартии газета «Руде право» опубликовала 27 августа 1968 г. статью известного литератора и «символа чехословацкого соцреализма» Я. Дрды, призывавшую население не давать незванным гостям «ни капли воды». Военнослужащие стран ОВД характеризовались в статье как «оккупанты» и «ночные грабители»⁴⁷. Один из ключевых деятелей Пражской весны не без удовлетворения отмечал, что «народ был страшно озлоблен против русских и коллаборационистов», констатируя, что первоначально все реформаторы были «беззаботны, видя, как беспомощны оккупанты перед колоссальным сопротивлением нашего народа»⁴⁸. Действительно, на ряде августовских фотографий 1968 г. лица сидящих на броне танков советских солдат выглядят куда более растерянными и испуганными, чем лица из окружавшей их протестующей толпы.

Помимо дискредитации самой идеи «социализма с человеческим лицом», вооруженная интервенция усилила легитимность диссидентского движения в ЧССР, обеспечив его более широкой социальной базой, укрепила диссидентский «интернационал» всех соцстран, включая СССР, и дала основания для превращения «доктрины Брежнева» в долгоиграющее пугало международной политики. Примечательно, что первое организованное «явление советских диссидентов народу» имело место в конце августа 1968 г., являясь выражением протеста против советского вторжения в ЧССР. С этого времени советский танк превратился в расхожий символ СССР, в яркий и щекочущий нервы бренд, активно используемый в политике и в рекламной коммуникации. Впоследствии, уже после «бархатной революции» 1989 г. и распада Чехословакии в 1993 г., этот всячески раскручиваемый и умело поддерживаемый бренд энергично и весьма креативно использовался политтехнологами для мобилизации чешского общественного мнения за вступление Чехии

⁴⁷ Rudé právo. 27 srpna 1968. Mimořádné nečíslované vydání.

⁴⁸ Шук О. Указ. соч. С. 298.

в НАТО и за размещение в Чехии американского радара ПРО. Что же касается подавления Пражской весны, то в одном из своих последних интервью «профессор Бжезинский подчеркивал, что ещё в 1968 году увидел в пражских событиях «начало конца коммунистической системы, так как на поверхность вышли её ужасающие внутренние противоречия». Советский Союз постепенно окружил кольцом кризисов, одним из первых звеньев в котором оказалась Чехословакия»⁴⁹.

Установившийся в Чехословакии после подавления Пражской весны режим «нормализации» во главе с Г. Гусаком и его последователями небезуспешно проводил политику «кнута» по отношению к диссидентам и политику «пряника» по отношению к населению; при этом гусаковская ЧССР в 1970–1980-е годы по уровню и качеству жизни населения относилась к числу самых благополучных стран социалистического блока. Режим «нормализации» в ЧССР уверенно продержался до осени 1989 г., когда, по иронии судьбы, пал в огромной степени в результате позиции перестроечного руководства СССР во главе с однокурсником Млынаржа по МГУ Горбачёвым, лишний раз продемонстрировав зависимость чехословацкой политики от внешнего фактора. В отличие от 1968 г., в 1989 г. из горбачёвского Кремля в направлении Пражского Града исходил уже не мороз, а нечто противоположное. По ироничному выражению писателя Ю. Полякова, в это время некогда грозный КГБ «из цепного пса целостности превратился в клуб улыбчивых вуайеристов»⁵⁰, которые в нужное время прекрасно поладили с не менее улыбчивыми пражскими диссидентами. Тёплые волны «нового политического мышления», питавшиеся, в том числе, и творческим наследием Пражской весны, вскоре захлестнули и СССР, и ЧССР, аукнувшись там «бархатной революцией» 1989 г. с её всепобеждающе-наивным лозунгом «правды и любви», повергающих «ложь и ненависть». Идеи Пражской весны, впрочем, после 1989 г. оказались невостребованными в новых политических условиях, а её герои стали воспри-

⁴⁹ Тростин Е. Пражское лето пана Бжезинского // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2018. № 6 (42). С. 17.

⁵⁰ Литературная газета. 2018. 9–15 мая. № 18. С. 4.

ниматься в чешском обществе как старомодные и чужаковатые романтики, бездарно упустившие возможность реформирования существовавшей системы⁵¹.

Советский Союз, до основания размытый бурными волнами «перестройки», распался в декабре 1991 г., не дотянув до своего 70-летнего юбилея ровно один год; при этом на полузабытом ныне референдуме о судьбе СССР 17 марта 1991 г. 76%, т. е. подавляющее большинство его участников, высказалось за сохранение единого государства. Чехословакия, безуспешно попытавшись сохранить государственное единство чехов и словаков в виде федеративной ЧСФР, окончательно распалась в январе 1993 г., дав жизнь двум независимым государствам — Чехии и Словакии, которые, вновь по иронии судьбы, смогли достичь определенного уровня взаимной интеграции только в формате Евросоюза в качестве его полноправных членов. Как и в случае с СССР, распад Чехословакии произошел вопреки мнению большинства чехов и словаков, выступавших за сохранение единого государства, что отразилось в данных опросов общественного мнения. Ностальгия по «старым добрым временам», когда «Прага была нашей общей столицей», и сейчас нередко даёт о себе знать среди населения Восточной Словакии.

В это же время набирал силу распад Югославии, который приобрёл наиболее затяжные, трагические и кровавые формы. Челоколюбивые вожди «бархатной революции» в ЧССР весьма креативно и неординарно продемонстрировали свой лучезарный гуманизм, дружно поддержав натовские бомбардировки Югославии и заняв крайне избирательную позицию в отношении этнических чисток на Балканах в 1990-е годы. Видимо, утомленные «невыносимой легкостью бытия» «бархатные» революционеры и революционерки всерьез полагали, что вожделенные «правду и любовь» на Балканы могут принести исключительно североатлантические бомбы и ракеты с урановой начинкой. Начавшийся в 1990-е годы рукотворный демонтаж Потсдамской системы, проходивший не без квалифицированной и своевременной помощи заботливых западных политических менеджеров, привел к стремительному распаду многонациональных славянских государств — СССР, Чехословакии и Югославии, до неузнаваемости изменив

⁵¹ Uhde M. Rok 1968, jak se jevil z Brna // Pražské jaro 1968. Literatura — Film — Média. Praha, 2009. S. 47.

политическую карту Европы и сделав её более мозаичной, конфликтной и управляемой.

Славянам «легче ненависть, нежели любовь»; славяне «скорее разлучаются, нежели сходятся», «славянский мир от своих злочастных разделений и раздоров представляет теперь... одни развалины»⁵², — самокритично писал знаменитый словацкий мыслитель и политический деятель Людовит Штур в своей известной работе «Славянство и мир будущего» в середине XIX века. Диагноз, поставленный Штуром более полутора столетия назад, судя по всему, продолжает сохранять свою актуальность.

⁵² Штур Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. М.: В Университетской типографии, 1867. С. 3.

УРАЛЬСКАЯ РЕСПУБЛИКА: ПОРАЖЕНИЕ И РЕВАНШ ЭДУАРДА РОССЕЛЯ (1993)

27 октября 1993 года Свердловская область перестала существовать. Областной совет народных депутатов принял Конституцию Уральской республики. Этот день стал датой образования нового субъекта Российской Федерации, а 31 октября 1993 года конституция вступила в силу. Для Среднего Урала началась новая жизнь. Правда, ненадолго. В Москве новую республику не признали, а провозгласивший себя врио её губернатора, глава администрации Свердловской области Эдуард Россель был отправлен в отставку.

Свою республику, Южно-Уральскую, пытались создать и в соседней Челябинской области. В то же время, что и в Свердловской. А в перспективе могла появиться Большая Уральская республика, объединяющая несколько регионов Урала. Об этом представители регионов договорились 14 сентября 1993 года. Процессы шли и за пределами Урала. Были планы создать Приморскую республику, декларацию о провозглашении республики принял Вологодский областной совет. Но всё это осталось на стартовом уровне. Команде же Эдуарда Росселя и председателя областного совета народных депутатов Анатолия Гребенкина (именно они — «родители идеи») удалось пройти практически весь путь. Дело оставалось за малым — одобрением Москвы. Но его так и не последовало.

СТОЛИЧНЫЕ БАТАЛИИ

Единого мнения о том, сколько времени существовала Уральская республика, нет. Некоторые полагают, что она родилась 1 июля 1993 года. Именно тогда Свердловский областной совет народных депутатов объявил о её создании. Ещё одной датой считается 27 октября 1993 года, день принятия конституции нового субъекта Российской Федерации. И в решении облсовета чёрным по белому записано: считать днём образования республики именно 27 октября.

Но начнём с самого начала. 25 апреля 1993 года в стране прошёл всероссийский референдум о доверии президенту Борису Ельцину, об отношении граждан к социально-экономической политике, которую с 1992 года осуществляли Ельцин и правительство, а также о том, нужно ли проводить досрочные выборы президента и народных депутатов. Впервые о необходимости подобного референдума заявил Ельцин в своём выступлении на VII Съезде народных депутатов, где депутаты категорически отказались назначать Егора Гайдара председателем Совета министров — правительства Российской Федерации. Напомним, тогда компромиссной кандидатурой на этот пост стал Виктор Черномырдин. А по итогам съезда было принято решение провести 12 марта 1993 года референдум по новой Конституции России.

На том же съезде была принята поправка в существовавшую на тот момент Конституцию РСФСР 1978 года. Статья 121.6 предусматривала, что полномочия президента Российской Федерации «не могут быть использованы для изменения национально — государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно». Эта поправка сыграла свою роль в сентябре-октябре 1993 года, когда Ельцин издал свой указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе», одним из пунктов которых значилось прекращение деятельности Съезда и Верховного Совета.

Позднее срок проведения референдума был сдвинут на 11 апреля 1993 года. Но события марта 1993 года внесли свои коррективы. На внеочередном VIII Съезде депутаты отказались проводить референдум. Ельцин в долгу не остался. 20 апреля в своём телеобращении он провозгласил «особый порядок управления страной»

(ОПУС). Заявил о том, что действие Конституции приостанавливается, а на 25 апреля назначается референдум о доверии президенту. Спешно собранный внеочередной IX Съезд попытался отменить Ельцина от должности. Не удалось — не хватило совсем немного голосов. Попытка убрать председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова также провалилась. Итогом стало согласие Съезда на проведение 25 апреля референдума. На него и были вынесены четыре вопроса: (1) о доверии президенту; (2) об одобрении проводимой им и правительством социально-экономической политики, а также о том, нужно ли проводить; (3) досрочные выборы президента и; (4) досрочные выборы народных депутатов. Президентская вертикаль и союзники Ельцина развернули в СМИ широкую пропагандистскую кампанию, навязывая избирателям необходимые Ельцину ответы на названные вопросы (в порядке очереди): *да, да, нет, да*.

БИТВА ЗА ПОЛНОМОЧИЯ

В Свердловской области, на малой родине Ельцина, его всячески поддерживали в противостоянии с депутатами. Средний Урал вообще долгое время считался «локомотивом» демократических реформ. Не подвели уральцы и 25 апреля. Борис Ельцин получил полную и безоговорочную поддержку земляков. И не замедлил отреагировать.

«Срочная. Екатеринбург. Администрации Свердловской области. Дорогие земляки! Сердечно благодарю вас за горячую поддержку, которую вы оказали мне в политике преобразований в России. В этот ответственный момент вновь, как не раз бывало в прошлом, жители Свердловской области, Екатеринбурга заняли чёткую и ясную позицию. Всегда верил и верю в вас, в принципиальную поддержку уральцев, Ваша твёрдая поддержка придаёт мне силы и уверенность для дальнейшего проведения реформ. Здоровья, счастья вам, дорогие земляки! Б. Ельцин. Москва», — говорилось в его телеграмме свердловчанам.¹

Отметим, ещё в начале 1993 года и речи не было ни о какой Уральской республике. Но в регионах России прогрессировало явное недовольство. 27 января «Областная газета» — издание

¹ Областная газета. Екатеринбург. 30 апреля 1993. С. 1

Совета народных депутатов и администрации Свердловской области — опубликовала материал Натальи Пономарёвой под заголовком «Рудить страной из Москвы невозможно». Речь в ней шла о встрече членов правления Союза губернаторов России, в который входил и Эдуард Россель, с председателем Верховного Совета России Русланом Хасбулатовым и с председателем Совета министров России Виктором Черномырдиным. Встреча прошла 20 января 1993 года в Москве.

«Первое, конечно, о чём зашёл разговор в «Белом доме» [тогда в этом здании размещался Верховный Совет], — это видимое невооружённым глазом неравенство субъектов федерации — областей и республик. Хасбулатов недовольство губернаторов подержал, но объяснил, что из 21 республики только 3–4 получили «сверхправа» законно, остальные же «выколачивают себе льготы частным образом из правительства». Он об этом знает, но уже «устал бороться», — заявил тогда Наталье Пономарёвой пресс-секретарь Росселя Александр Левин. А фразу, которая была вынесена в заголовок публикации, произнёс лично Черномырдин. Он выразил готовность наделить правами местную власть, «но не механически». Обращает на себя внимание ещё один абзац из данной публикации. Приводим его полностью:

«Одним из последних документов, разработанных свердловчанами вместе с правительством Гайдара, было постановление об особом статусе области. Но где-то в недрах совминовских канцелярий его потеряли. Хорошо, что наш предусмотрительный губернатор носит с собой второй экземпляр — вручил его принародно главе правительства», — сообщил Александр Левин журналистам «Областной газеты».

19 февраля 1993 года та же «Областная газета» опубликовала отчёт с пресс-конференции председателя облсовета Анатолия Гребенкина. На ней тоже была затронута проблема взаимоотношений Свердловской области с Москвой. Публикация называлась «Как уважать себя заставить?». «Другая проблема в наших взаимоотношениях с центром — это до сих пор не осуществлённое разделение полномочий в сфере так называемого совместного ведения. Разработанный более полугодя назад проект дополнительного соглашения между органами власти РФ и Свердловской области в Верховном Совете встречает сильное сопротивление. Нас, оказывается, даже причисляют к сепаратистам, заявляя, что мы разваливаем Россию. Облсовет в последнем варианте соглашения отка-

зался от некоторых позиций, таких, например, как ратификация областью принимаемых ВС законов, оставив более мягкий вариант — согласительные комиссии на стадии предварительной разработки проектов. Но вообще-то наш Совет не ставит «целью» выбить соглашение именно для себя — гораздо важнее разработать единый для всех областей России механизм взаимоотношений с верхами», — написала автор отчёта Наталья Пономарёва. В день выхода этой публикации в Новосибирске собрались на своё очередное совещание руководители советов республик, краёв и областей России. И Пономарёва ожидала, что там этот вопрос поставят в жёсткой форме. «А то, похоже, никто наши записанные в Федеративном договоре права всерьёз воспринимать не собирается. Куда уж дальше, если председателя облсовета даже не поставили в известность о проводящейся у нас [антикриминальной] операции «Сигнал». Если власти России грубо нарушают Федеративный договор, то стоит ли ждать, что его будут выполнять другие?» — вопрошает Пономарёва.

В Федеративном договоре речь шла о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти России и субъектами федерации. 31 марта 1992 года были подписаны три части Федеративного договора. Одна из них касалась республик в составе России, вторая — автономной области и автономных округов в составе России. Третью подписали представители органов власти краёв, областей, а также городов Москвы и Санкт-Петербурга. Подписи поставили представители практически всех регионов России, кроме Татарии и Чечено-Ингушетии. Затем его одобрил Съезд народных депутатов — в апреле 1992-го положения договора были включены в действовавшую на тот момент Конституцию РСФСР 1978 года. Республики, по сути, стали суверенными государствами в составе России. А края и области так и остались административно-территориальными образованиями.

Свердловские проекты по вопросам совместного ведения и разграничения полномочий так и застряли в Верховном Совете и в Совете министров. А затем последовали события марта 1993 года, о которых выше уже говорилось. VIII Съезд отменил решение о проведении референдума по проекту новой Конституции. В ответ на это 20 марта Ельцин выступил с телеобращением, в котором заявил о приостановлении действия Конституции и о намерении провести 25 апреля референдум о доверии прези-

денту. Спешно созванный внеочередной IX Съезд пытался отрешить Ельцина от должности, а после безуспешной попытки сделать это был вынужден согласиться на проведение референдума.

УРАЛЬСКИЙ ОПРОС

Событиями в Москве не замедлили воспользоваться на Урале. И назначили свой не референдум, но опрос. Решение принял малый совет Свердловского облсовета. Вопрос был предложен о равноправии Свердловской области с республиками в составе Российской Федерации. Вот как это обосновали:

«Если граждане ответят на него положительно, областной Совет начнёт новый виток борьбы за равноправие. Оказалось, что без опоры на народное мнение получается плохо. Мы ведь, хоть и являемся формально субъектом РФ, и Федеративный договор подписали, но реальных возможностей улучшить собственную жизнь пока не получили. Совет и администрация области давно пытаются разными способами убедить московских чиновников расстаться с некоторой частью полномочий и передать их низам. Те, естественно, не хотят». При обсуждении вопроса о том, проводить опрос или нет, некоторые депутаты высказали мнение, что всё это напоминает памятную всем борьбу РСФСР во главе с Ельциным против союзного центра — руководства СССР во главе с Горбачёвым. Журналисты согласились, что сходство есть. «Конечно, напоминает, но, видимо, в России никакая власть без борьбы с собственным народом жить не может. Значит, если права не дают, будем их отвоёвывать»².

Опрос в итоге провели. И опубликовали результаты прямо под приветственной телеграммой Бориса Ельцина свердловчанам, о которой речь шла выше. На вопрос «Согласны ли вы с тем, что Свердловская область по своим полномочиям должна быть равноправна с республиками в составе Российской Федерации?» из проголосовавших 2 млн 279 тыс. 686 свердловчан (66,19% от всех избирателей) «Да!» сказали 83,36%. Если же считать от общего количества избирателей, то идея приравнять область к республике получила поддержку 55,17% свердловчан, имеющих право голоса. Таким образом, народная поддержка была уже

² Равноправия хотите? // Областная газета. Екатеринбург. 20 апреля 1993. С. 1.

в кармане «родителей» Уральской республики. Но и после этого, судя по публикациям в той же официальной «Областной газете», они не спешили с кардинальными мерами. Пожалуй, даже бытовало мнение, что от этого опроса Свердловская область ничего не получит, о чём и было заявлено на одном из майских заседаний малого облсовета. «Небольшой на первый взгляд вопрос о мерах по реализации Федеративного договора в области вызвал довольно резкие возражения прокуратуры. Вообще-то никакой проблемы тут на самом деле нет. К сожалению, нет. Ибо, несмотря на результаты проведённого в области опроса (напомним, что более 83% высказались за предоставление нам как субъекту федерации равных прав с республиками), их остаётся только принять к сведению. Дело в том, что в коротком промежутке между решением провести опрос и самим опросом Верховный Совет взял и лишил малые областные советы права законодательной инициативы. Удивляться, впрочем, нечему, с нашими законодателями и не такое бывает. Сами дали — сами взяли. Остаётся только «принять к сведению» это очередное проявление всевластия высшего органа законодательной власти и бороться за свои права дальше»³.

В той же публикации речь шла и о том, что областная прокуратура решила оспорить проведение опроса в суде. Якобы при его назначении были нарушены сроки. На момент выхода публикации Свердловский облсуд уже отказался признать правоту прокуратуры. Впрочем, как отмечалось в публикации, «никаких реальных результатов область от этого не получит в любом случае».

Правда, совсем уж руки областная власть не опускала. В конце мая 1993 года на одном из круглых столов обсуждалось, каким образом Свердловская область может добиться равноправия с республиками. На тот момент в России обсуждалось два проекта Конституции страны. И, как отмечал Гребенкин, оба они «практически не уделяют внимания областям и краям, оба далеки от идеи федерализма». Тогда же были озвучены и возможные варианты повышения статуса. Тот же Гребенкин констатировал, что «в нынешней ситуации отношения между федерацией, автономиями и областями напоминают шаткое трёхэтажное строение без лестничных пролётов», а «по всем вопросам, возникающим у субъектов федерации (бюджет, пользование недрами и т. д.) приходит-

³ Наталья Пономарёва. Кто дал — тот и взял // Областная газета. Екатеринбург. 21 мая 1993. С. 1.

ся обращаться вверх». «Положительный ответ, полученный при опросе, позволяет нам принять Устав области, согласно которому мы можем в порядке законодательной инициативы выдвигать свои предложения в Конституции, тем более что ВС за год не разработал документов по совместной компетенции субъектов федерации», — сказал Гребенкин.

На этой встрече были названы и возможные пути повышения статуса области. Предполагалось, что регион получит статус свободной экономической зоны. Ещё один вариант — «директивный путь», когда федеральные власти передают часть своих полномочий региону. Также было озвучено предложение повысить статус решениями облсовета. Один из участников даже посоветовал разработать вариант управления областью в условиях суверенности, вдруг пригодится. Прозвучала и инициатива добиваться повышения статуса совместно с другими субъектами федерации. «Нужно укреплять союз областей, укреплять региональную власть», — отмечали участники дискуссии⁴.

А пока надежды были возложены на Конституционное совещание, где планировалось выработать проект Конституции России. Было представлено два варианта: президентский и тот, что подготовила конституционная комиссия. 1 июня 1993 года в Верховном Совете перед этим событием прошло совещание депутатов всех уровней. От Свердловской области на выступление записался руководитель делегации области, председатель депутатского контрольного комитета областного совета Анатолий Матросов. Но слова ему не дали. «Областная газета» опубликовала текст несостоявшегося выступления. «Суверенизация районов, подписание Федеративного договора, ставшего составной частью действующей Конституции, дало толчок к развитию и расширению роли регионов в построении российской государственности. Однако жёсткая линия центра в вопросах бюджетного устройства, налоговой политики, в вопросах уровня собственности и права распоряжения ею на территориях краёв, областей привела и - через Федеративный договор и Конституцию — закрепила неравенство субъектов федерации», — заявил Анатолий Матросов. «Фактически в более изощрённой форме — через существующую Конституцию — творится насилие над большин-

⁴ Татьяна Косинская. От полномочий не откажемся // Областная газета. Екатеринбург. 28 мая 1993. С. 1.

ством субъектов федерации: регионами, областями, краями — в угоду меньшинства: республик, автономий — таких же субъектов федерации», — продолжил Матросов. Руководитель делегации Свердловской области отметил, что «одной из важнейших задач в будущем государственном устройстве России, закреплённых будущей Конституцией, должно быть утверждение и закрепление реального равенства всех суверенных субъектов федерации во всех областях: в политической, социально-экономической, финансовой, бюджетной и других». Для этого Анатолий Матросов предлагал исключить из будущей Конституции «зону совместного ведения». По его мнению, «необходимо более полно и чётко сформулировать уровни компетенции федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов федерации». «Мы убедились, что разработкой механизма совместного ведения как конституционной нормы Верховный Совет РФ заниматься не собирается, т. к. отдельные представители депутатского корпуса России до сих пор считают, что естественные требования регионами самостоятельности в решении вопросов, затрагивающих их основные права, видите ли, «разрушают Россию», — заявил Матросов. Он также напомнил о том, что Свердловская область ещё в декабре 1993 года внесла в Верховный Совет предложения о механизме совместного ведения. Но они были «замаринованы» Верховным Советом. В связи с этим к заявлениям председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова о том, что Верховный Совет готов подписывать соглашения даже с поселковыми советами, Матросов отнёсся с большой долей недоверия. «Если за целый год ВС не принял ни одного законодательного акта о механизме разграничения предметов ведения и механизме совместного ведения, а за полгода не удосужился рассмотреть проект соглашения Свердловской области о разграничении предметов ведения, то можно сделать вывод, что это кому-то выгодно. Единственно, кому это НЕвыгодно — краям и областям России, представляющим интересы 85 процентов россиян, проживающих на этих территориях», — сказал Матросов. «Мы считаем недопустимым нарушение паритетности субъектов федерации в высших органах представительской власти независимо от силового давления, оказываемого республиками на федеральные структуры власти. Мы считаем недопустимым, чтобы такие регионы, как Урал, оставались всего лишь дойной коровой для большинства автономий и для громадной армии федеральных чиновников, научив-

шихся только отнимать и делить не своё. Мы считаем недопустимым такое устройство Российской Федерации, при котором занижается и делается вторичной (или даже третичной) роль российских территорий и искусственно раздувается роль национальных территорий. Это ослабляет, а не усиливает Россию и, к сожалению, может продолжить политику насилия центра по отношению к якобы равноправным и суверенным субъектам федерации», — отметил Матросов. «Мы считаем, что становление российской государственности начинается становлением сильных регионов, поэтому будущая Конституция должна закрепить как правовую норму не только декларативное равноправие субъектов федерации, но и механизм реализации их прав», — заключил Матросов⁵.

Пристальное внимание его несостоявшемуся выступлению мы уделили, потому что в нём, по сути, показаны основные претензии руководства Свердловской области к федеральному центру. Заседание в Верховном Совете, на котором Матросов собирался сделать этот доклад, прошло в преддверии Конституционного совещания. Оно открылось 5 июня 1993 года в Москве. На нём планировалось выработать проект Конституции России. Свои предложения представили и свердловчане, и эти предложения вполне созвучны тем, что озвучил Матросов. В работе Конституционного совещания приняли участие глава администрации Свердловской области Эдуард Россель, председатель Свердловского областного совета Анатолий Гребенкин и другие представители Среднего Урала. Рассматривали два проекта Конституции: президентский и тот, что представила конституционная комиссия. Эдуард Россель о ходе обсуждения поначалу высказался весьма положительно:

«Обсуждение идёт конструктивно, без митинговщины. В результате приходим к той редакции статьи, которая устраивает большинство. Правда, замечу, что обсуждение проектов мы начали с тех разделов, по которым мнения в основном совпадают. Противоречия наблюдаются в подходах к государственному устройству России. Своё мнение на этот счёт я высказывал неоднократно и постараюсь провести его и на совещании. В основу должен быть положен территориальный принцип деления России, который бы гарантировал равные экономические и политические права всем

⁵ За равенство субъектов Федерации // Областная газета. Екатеринбург. 11 июня 1993. С. 1.

субъектам федерации. Кстати, эту позицию поддерживают многие главы администраций областей и краёв»⁶.

Судя по последующему развитию событий, прийти к компромиссу по этому вопросу так и не удалось. 16 июня та же «Областная газета» опубликовала корреспонденцию Виталия Клепикова «Закон законов созревает». Основная часть публикации о том, что нынешний Основной Закон не работает и необходима новая Конституция. Автор прогнозирует скорый референдум по Конституции. Есть там слова и о борьбе краёв и областей за равноправие с республиками: «Республиканские власти страстей не разжигают, но упорно не хотят, чтобы в политическом отношении Свердловская область была равна, например, Башкортостану. А края и области «второсортными» быть не желают. И вот уже Вологодская область официально объявила себя республикой...»⁷.

Дальнейшее развитие событий было легко предугадать. Представители краёв и областей так и не добились равноправия с республиками. И начали объявлять о создании республик. Не осталась в стороне и Свердловская область. Более того, лишь ей, пожалуй, из всех и удалось довести процесс практически до конца.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ УРАЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

22 июня «Областная газета» опубликовала отчёт с пресс-конференции Эдуарда Росселя под заголовком «Даёшь Уральскую республику!...». «Может быть, мы назовём её по имени автора — Росселия? И будут у нас большая страна Россия и ещё одна республика чуть поменьше. Если объединятся в неё все области Большого Урала, то жить наверняка будем хорошо: потенциал региона таков, что его вполне хватит на всех. И объединяться-то ведь будем не на ровном месте. Урал исторически сформировался как единое экономическое пространство». К выводу о необходимости повышения статуса области «таким вот нетрадиционным пу-

⁶ Рассматриваются два проекта // Областная газета. Екатеринбург. 11 июня 1993. С. 1.

⁷ Виталий Клепиков. Закон законов созревает // Областная газета. Екатеринбург. 16 июня 1993. С. 2.

тём» Эдуарда Росселя привела «наша безрадостная действительность», а непосредственным толчком стал «ход конституционного процесса». Ранее, 12 июня 1993 года, Россель выступал на Конституционном совещании и напомнил собравшимся о том, что Россия всегда делилась не по национальному, а по территориальному признаку. Губернии были насильственно ликвидированы только большевиками, и ныне учреждённая ими система доходит до абсурда: «Области объявляют себя республиками, а те, в свою очередь, хотят выходить на международный уровень, вплоть до ООН. А ведь народы в России давно перемешаны». «Равенства с республиками — в экономике, политике и законотворчестве — требуют сегодня абсолютно все области и края. Но так же решительно этому сопротивляются республики: они всегда были дотационными и жили, по существу, за счёт нас и других развитых регионов. Значит, и по новому Основному Закону мы должны будем кого-то содержать и считаться неким образованием второго сорта? Но чем наша 5-миллионная область хуже, например, 350-тысячной Калмыкии?» Отметим, что в целом Россель высоко оценил ход Конституционного совещания. При любом раскладе это — «определённый шаг в развитии демократии», — сказал глава администрации Свердловской области. «Но процесс-то хорош, а вот предлагаемые и поддерживаемые верхами идеи нас явно не устраивают. Так что если права не дают — будем брать. Конечно, окончательное решение должны принять Советы, и хорошо бы сделать это быстро. Впрочем, есть и некоторые основания для сомнений. Что скрывать, наша область хоть и получает меньше других, в политическом плане далеко не рядовая. И столь решительный поступок «президентской вотчины» может побудить на подобные действия и других. Но иного пути сегодня нет. Такова логика развития России: её будущее — за крупными регионами. Кстати, флаг, гимн и собственное гражданство заводить не будем. А вот собственную Конституцию примем (благо, над её прообразом — уставом области — работа ведётся давно).» Конечно, в руководстве области задумывались и о последствиях такого шага. Варианта, что недовольный президент снимет Росселя с работы, тоже не исключали. Но подогревала их поддержка, которую жители региона высказали 25 апреля в ходе областного опроса. «Ну а если за нормальную заботу о процветании вверенной ему территории он всё же пострадает, то вспомним, какова всегда на Урале судьба обиженных начальством — их просто выбирают куда-ни-

будь выше — во главу «республики Росселии», например, Уральской республики, словом».⁸

Свою пресс-конференцию провёл и председатель облсовета Анатолий Гребенкин. Заголовок опубликованного 23 июня 1993 года в «Областной газете» отчёта был красноречив: «Отступать некуда». По словам автора материала Натальи Пономарёвой, каждый из руководителей области к выводу о необходимости повышать статус области пришёл самостоятельно. Россель и Гребенкин говорят о необходимости этого «в одних и тех же выражениях», только с разным темпераментом. Гребенкин при этом оговорился, что выражает личную позицию, предстоит убеждать депутатов облсовета. Перспективы одобрения депутатами инициативы о повышении статуса области до республики он оценил в «50 на 50». И заявил, что в случае одобрения облсоветом готов к борьбе за признание республики федеральными властями. Он не исключил, что эта борьба будет длительной и сложной. «Иного, увы, не дано ситуацией. В проекте новой Конституции предлагается просто игра слов: вместо «административно-территориальных» напишут «государственно-территориальные» образования, а всё прочее останется прежним. Мы стоим на пороге серьёзных решений, и проблема не в том, что сделаем что-то не одобренное верхами, а в том, что слишком долго ничего не делали. Дождаться можно ведь и такого, например, как проект, предложенный Республикой Калмыкией. В нём фигурируют всего 22 субъекта федерации: сначала 21 республика, начиная с самой Калмыкии, и 22-й — вся остальная Россия. С точки зрения некоторых глав республик такое строение государства было бы идеальным». Также Гребенкин рассказал журналистам о том, что 14 июня 1993 года представители Свердловской, Челябинской, Пермской и Курганской областей обсудили возможность создания единой республики на Урале. Идея всем понравилась, смущала только потеря статуса теми субъектами, которые решат объединиться в мини-федерацию. Готового решения здесь нет, но Гребенкин выразил уверенность в том, что оно найдётся, и ничьи права ущемлены не будут. При этом председатель Свердловского областного Совета народных депутатов назвал несостоятельными обвинения в развале России. «Мы видим тенденцию, видим, к чему ведёт

⁸ Н. Леонова. Даёшь Уральскую республику!.. // Областная газета. Екатеринбург. 22 июня 1993. С. 1.

продолжение сталинско-абудлатиповской национальной политики, и не можем просто прятать голову в песок», — сказал Гребенкин⁹.

Затем Россель поделился идеей создания Уральской республики с одним из авторов проекта новой Конституции Сергеем Алексеевым. Об их встрече «Областная газета» поведала читателям 29 июня. Глава администрации Свердловской области предположил, что две, три, четыре или может даже больше территорий объединятся, «создав федерацию областей»¹⁰. А 1 июля 1993 года состоялась большая сессия Свердловского областного Совета народных депутатов. На ней была принята Декларация об изменении статуса Свердловской области. «За» проголосовали 149 депутатов, против — 20. Ещё двое воздержались. Ещё за месяц до этого такой поворот событий казался невозможным. Теперь же провозглашение Уральской республики стало свершившимся фактом. Почему именно Уральская, — объяснил Анатолий Гребенкин. Планировалось, что другие регионы Большого Урала со временем, возможно, войдут в её состав. При этом ни об объявлении суверенитета, ни тем более о выходе из состава России речи даже близко не шло. Ожидания были другими: «более рационально распоряжаться природными ресурсами, финансами, собственностью, проводить цивилизованную, налоговую политику, значимую социальную поддержку населения»¹¹.

Номер официальной «Областной газеты» с торжественной шапкой «Провозглашаем Уральскую республику» и с текстом декларации вышел 6 июля 1993 года. Президент России Борис Ельцин так и не прокомментировал этот решительный шаг Свердловского облсовета. Глава его администрации Сергей Филатов на встрече с журналистами объяснил это молчание тем, что главы государства нет в стране. Впрочем, свою позицию Филатов высказал. Провозглашение Уральской республики он назвал ударом по конституционной реформе. Параллельно выяснилось, что подобное решение ожидается и по Приморской республике. «Я не могу приветствовать таких шагов», — процитирова-

⁹ Наталья Пономарёва. Отступить некуда // Областная газета. Екатеринбург. 23 июня 1993. С. 1.

¹⁰ А почему бы не губерния? // Областная газета. Екатеринбург. 29 июня 1993.

¹¹ Борис Тимофеев. Чьи уши за суверенным забором // Уральский рабочий. Екатеринбург. 3 июля 1993. С. 1.

до его официальное государственное информационное агентство ИТАР-ТАСС¹².

О том, что после провозглашения Уральской республики не поступало никакой реакции из Москвы, позднее на пресс-конференции заявил и Россель. Впрочем, по его словам, Борис Ельцин ранее поддерживал стремление Урала к экономической самостоятельности и к приобретению равных с другими субъектами федерации прав¹³.

Руководители Свердловской области признали: принятие декларации в том числе является и элементом политического давления на «неразумных политиков». В случае уравнивания в Конституции всех субъектов федерации необходимость в Уральской республике просто бы отпала. Но пока этого чуда не произошло, регион был готов к борьбе. Решение облсовета должен был утвердить Съезд народных депутатов, двумя третями голосов. Но Россель с Гребенкиным не очень надеялись на то, что это случится, и искали другие варианты. Также Эдуард Россель поручил подчинённым начать работу над Конституцией Уральской республики и проработать структуру исполнительной и представительной власти. Проекты соответствующих документов осенью планировалось вынести на сессию облсовета. А пока Свердловская область таковой и оставалась. И Россель подписывался не иначе, как «глава администрации Свердловской области».

О своей позиции по поводу провозглашения Уральской республики заявили и руководители других регионов Урала. Оказалось, что глава администрации Пермской области Борис Кузнецов и председатель Пермского облсовета Михаил Быстрянец не поддержали решение Свердловского облсовета. Аналогичную позицию заняли главы администраций Оренбургской и Челябинской областей Владимир Елагин и Вадим Соловьёв¹⁴.

А затем заявление распространил пресс-секретарь президента России Вячеслав Костиков. По его словам, «поспешные действия» ряда областных советов вызывают обеспокоенность Ельцина: «Оценив сложившуюся ситуацию, президент считает, что решения Свердловского Совета, равно как и принятое несколько

¹² Погрозили пальчиком. Пока // Уральский рабочий. Екатеринбург. 6 июля 1993. С. 1.

¹³ Борис Тимофеев. За руку не кусай кормящую // Уральский рабочий. Екатеринбург. 6 июля 1993. С. 1.

¹⁴ Дезавуируют. Отмежёвываются. Ставят вопросы // Уральский рабочий. Екатеринбург. 7 июля 1993. С. 1

ранее решение Вологодского Совета несвоевременными и предлагает им самим приостановить свои решения до согласования этих вопросов в ходе дальнейших этапов конституционного совещания». В том же заявлении констатируется, что действия ряда краёв и областей стали «в значительной мере реакцией на настойчивые действия тех республиканских лидеров, которые упорно настаивают на расширении статуса республик, что ведёт, по сути дела, к установлению конфедеративных отношений в рамках России». Напомним, что ранее об этом же заявляли и свердловские руководители. Похоже, что президент, наконец, услышал представителей краёв и областей. О действиях лидеров некоторых республик в заявлении Костикова, в частности, говорится: «Это опасный и неприемлемый путь, не имеющий ничего общего с демократизацией отношений внутри федерации. Настойчивость в этом направлении может вызвать неадекватную реакцию проживающего в этих республиках русского большинства, которое, естественно, обеспокоено судьбой единого Российского государства»¹⁵.

Председатель Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий Александр Яковлев не исключил, что решения Свердловского облсовета являются тактическим шагом за уравнивание субъектов федерации в правах. Он выразил уверенность в том, что «Конституционному совещанию вполне по силам разрешить так называемый «свердловский прецедент» и снять те противоречия, которые сегодня наблюдаются между центром и субъектами федерации»¹⁶. А 12 июля 1993 года о своей позиции заявил и Борис Ельцин. Произошло это во время его доклада на Конституционном совещании. Приведём этот фрагмент полностью:

«Не могу не сказать о недавнем решении Свердловского и Вологодского областных Советов. Думаю, всем, в том числе руководителям областей и краёв, необходимо проявлять величайшую осторожность при решении вопросов, затрагивающих федеративное устройство. Скажем прямо. Статус республики — это прежде всего форма учёта интересов народов или этнических групп, давших название республикам. Подчёркиваю — это весьма деликатный вопрос. Всей огромной России каждый из народов является меньшинством. Статус рес-

¹⁵ Ельцин — против? // Уральский рабочий. Екатеринбург. 8 июля 1993. С. 1.

¹⁶ Лучше быть богатым и здоровым // Уральский рабочий. Екатеринбург. 10 июля 1993. С. 1.

публики позволяет, например, установить второй государственный язык наряду с государственным языком России, республиканское гражданство. Всё это — признанные в мире средства строительства демократической федерации. Говорят, что Конституционное совещание инициировало процесс «республиканизации». Ссылаются и на экономические привилегии, по мнению многих, связанные со статусом республики. Но давайте уж расставим все точки над «i». Наша беда в том, что, заключив Федеративный договор, мы не создали механизм его реализации. Этот пробел надо незамедлительно законно исправлять. Согласно проекту новой Конституции, республики, области и края в экономической сфере полностью равноправны. У них могут быть какие-то вопросы, претензии к текущей работе правительства. Что ж, давайте обсуждать эти вопросы. Но сначала вынесем их за скобки конституционного процесса. В проекте новой Конституции ни о каких экономических привилегиях речи нет. Так о чём же тогда спор? О каких «особых правах»? Ну неужели уральцы, например, хотели бы у себя установить какой-то ещё «государственный» язык, кроме русского? Явно решения и Вологодского, и Свердловского, и последовавших их примеру областных Советов поспешны. Все мы несём ответственность за целостность России. Это то, чем никогда нельзя рисковать. И никому»¹⁷.

В СМИ появились сведения о грядущей отставке Росселя. «Комсомольская правда» 13 июля опубликовала сообщение информационного агентства «Интерфакс» со ссылкой на вице-премьера Сергея Шахрая, который, находясь в городе Саяногорске, заявил, что документы об отставке Росселя уже готовы, а сам он отозван из Латинской Америки, где находился в командировке. Впрочем, пресс-секретарь Росселя Александр Левин поставил факт этого заявления под сомнение и отметил, что в администрацию области никаких документов по этому поводу не поступало¹⁸. Затем последовала реакция областной прокуратуры. Надзорное ведомство опротестовало решение Свердловского облсовета об объявлении области республикой и потребовало отменить, как противоречащее закону¹⁹. Казалось, отставка Росселя неминуема. Но её не произошло. Прокуратура также не смогла победить депу-

¹⁷ Так о чём же спор? // Уральский рабочий. Екатеринбург. 14 июля 1993. С. 1.

¹⁸ Враньё или ошибка? // Уральский рабочий. Екатеринбург. 15 июля 1993. С. 1.

¹⁹ Аргумент прокурора // Уральский рабочий. Екатеринбург. 24 июля 1993. С. 1.

татов. А 29 сентября 1993 года Свердловский облсовет на внеочередной сессии принял за основу проект Конституции Уральской республики. Позднее этот проект был опубликован в ведущих областных газетах, началось всенародное обсуждение. Этим же решением были утверждены принципиальные основы государственного устройства Уральской республики. Она провозглашалась как составная часть единой России, на её территорию распространялся суверенитет Российской Федерации. Парламентом республики было названо Законодательное собрание, а исполнительную власть должен был возглавлять губернатор²⁰. Также на этой внеочередной сессии был утверждён состав рабочей группы по доработке проекта Конституции. В неё вошли 25 депутатов областного совета. В итоге за почти месяц в рабочую группу поступило более 500 предложений и замечаний. Более 50 страниц поправок, предложений и уточнений к проекту рассмотрели эксперты Института философии и права Уральского отделения Российской Академии Наук во главе с директором института Анатолием Гайдой. Более 70 поправок было принято. Наконец, 27 октября 1993 года областной Совет народных депутатов принял решение «О проекте Конституции Уральской республики». За это решение проголосовал 171 депутат. Приводим их решение полностью:

«Заслушав и обсудив доклад руководителя рабочей группы по доработке проекта Конституции Уральской Республики П. И. Мальцева, Свердловский областной Совет народных депутатов РЕШИЛ:

1. Принять Конституцию Уральской Республики и утвердить Декларацию Свердловского областного Совета народных депутатов (прилагается).
2. Опубликовать Конституцию Уральской Республики в «Областной газете» в течение недели.
3. Назначить выборы в Законодательное Собрание Уральской Республики на 12 декабря 1993 года.
4. Внести предложение Конституционному Совещанию о включении в перечень республик в составе России в проекте Конституции Российской Федерации Уральскую Республику как субъекта федерации.

²⁰ Конституция Уральской республики (вторая редакция). Проект // Уральский рабочий. Екатеринбург. 13 октября 1993. С. 3.

5. Объявить 27 октября Днём образования Уральской республики. Председатель областного Совета А. Гребенкин»²¹.

В утверждённой Советом Декларации говорилось: «Свердловский областной Совет народных депутатов, действуя от имени граждан России, проживающих на территории Свердловской области, и выражая их волю, принимает Конституцию Уральской Республики»²². 30 октября 1993 года Конституция и Декларация были официально опубликованы и 31 октября Конституция вступила в силу. На 12 декабря были назначены выборы губернатора и двухпалатного парламента — Законодательного собрания, состоявшего из 28 депутатов Республиканской думы и 21 депутата Палаты представителей. Преамбула Конституции Уральской республики звучала так:

«Мы, граждане России, проживающие на территории Уральской республики, сознавая свою ответственность перед Россией и её народом, исходя из принципов равноправия субъектов Российской Федерации и необходимости сохранения целостности Российского государства, утверждая права и свободы человека как высшее достижение, стремясь обеспечить достойную жизнь, гражданский мир и согласие, равные права российских граждан, преисполненные решимости создания демократического общества и правового государства, выражая свою волю, ПРИНИМАЕМ НАСТОЯЩУЮ КОНСТИТУЦИЮ»²³.

В Конституции было заявлено, что Уральская республика — это «правовое, демократическое, социальное, светское государство с республиканской формой правления» (часть 2 статьи 14). Отметим, вокруг слова «государство» при подготовке проекта разгорелись жаркие споры. Некоторые эксперты предлагали заменить его на «государственно-территориальное образование». В Конституции отмечалось, что Уральская республика не имеет ни собственной армии, ни собственной денежной единицы, не устанавливает таможенных границ и своего гражданства. Также было заявлено, что Уральская республика не претендует на пра-

²¹ Областная газета. Екатеринбург. 30 октября 1993. С. 1.

²² Декларация о принятии Конституции Уральской республики // Областная газета. Екатеринбург. 30 октября 1993, с. 1

²³ Конституция Уральской республики // Областная газета. Екатеринбург. 30 октября 1993. С. 1.

во выхода из Российской Федерации. «Территория Уральской Республики является неотъемлемой частью единой территории Российской Федерации» (часть 1 статьи 17). Возглавлять Уральскую республику должен был всенародно избираемый губернатор. На территории республики признавалось верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов, принимаемых по предметам ведения Российской Федерации. На территории Уральской республики они имели прямое действие. А законы и иные нормативные акты Уральской республики не могли противоречить федеральным законам, принятым по вопросам, относящимся к ведению Российской Федерации. «В случае противоречия между федеральным законом и актом, изданным в Уральской Республике, действует федеральный закон» (часть 2 статьи 29).

31 октября 1993 года увидел свет указ № 1 Губернатора Уральской республики. В соответствии с ним Эдуард Россель провозглашал себя исполняющим обязанности губернатора Уральской республики. Также в номере «Областной газеты» за 3 ноября 1993 года было опубликовано его обращение к жителям Уральской республики. Приведём его фрагмент: «Наша Конституция отлична от конституций республик в составе России тем, что признаёт верховенство российского права и федеральной государственной власти как общего над частным. В то же время закреплённые в Конституции Республики положения, устанавливающие её самостоятельность по предметам ведения республики, позволяют с уверенностью заявить о создании условий для успешного развития экономики республики и процветания народа».

Он также добавил, что своим решением уральцы дают «центральной власти, государствам в составе России, а также краям и областям пример правильного подхода к вопросам федерализма». «Своим решением мы говорим «нет» федерации, основанной на союзе суверенных государств. Своим решением мы говорим «нет» федерации на основе самоопределения наций. Мы также говорим «нет» федерации из неравноправных субъектов. Своим решением мы говорим «да» суверенному, федеративному, единому государству — Российской Федерации — с крепкой центральной властью и децентрализованным, ответственным управлением в регионах»²⁴.

²⁴ Обращение Эдуарда Росселя к жителям Уральской Республики // Областная газета. Екатеринбург. 3 ноября 1993. С. 1.

РАЗВЯЗКА

Руководство Свердловской области прошло практически весь путь к созданию республики. После назначения выборов в Законодательное собрание Уральской республики было утверждено и опубликовано в «Областной газете» временное положение о выборах. К ним началась подготовка. Дело оставалось совсем за малым — включить Уральскую республику в проект Конституции Российской Федерации, который предполагалось вынести 12 декабря 1993 года на всероссийский референдум. Если бы это произошло, в 2018 году свердловчане отмечали бы 25-летие со дня создания Уральской республики. Однако Москва не торопилась включать в проект Конституции Российской Федерации «самопровозглашённую» Уральскую Республику. Уже в начале ноября 1993 года стало понятно, что там она не появится. 10 ноября 1993 года в «Областной газете» был опубликован отчёт с пресс-конференции Эдуарда Росселя под оптимистичным заголовком «Де-факто есть. Де-юре — будет!». «В тексте проекта новой Конституции упоминания об Уральской Республике нет, но это не должно нас останавливать. Главное, считает губернатор (вернее, и.о. губернатора республики) — в нас самих. Фактически Уральская Республика существует, со временем её признают и де-юре. К нашим документам, в первую очередь к Конституции, многие относятся благожелательно, внимательно изучают, в том числе и зарубежные государства. Но есть и серьёзные противники (главный из них — С. Филатов)»²⁵. 9 ноября 1993 года Свердловский областной Совет народных депутатов на внеочередной сессии принял закон «О референдуме Уральской Республики» и на 12 декабря 1993 года назначил референдум с одним вопросом — о принятии населением Конституции Уральской Республики. На этот шаг депутатов подтолкнуло отношение центрального руководства. На Среднем Урале посчитали, что для придания Уральской республике большего веса в глазах федерального руководства Конституция должна быть одобрена не только облсоветом, но и населением. На том же заседании депутаты обсудили вопрос о выборах губернатора и утвердили соответствующий закон. Выборы губернатора тоже были назначены на 12 декабря

²⁵ Наталья Пономарёва. Де-факто есть. Де-юре — будет! // Областная газета. Екатеринбург. 10 ноября 1993, с. 1.

1993 года. Однако этим планам не суждено было сбыться. 9 ноября 1993 года вышел указ Бориса Ельцина № 1874 «О прекращении деятельности Свердловского областного Совета народных депутатов». Приведём его фрагмент:

«В связи с неоднократным нарушением Свердловским областным Советом народных депутатов Конституции Российской Федерации и законов Российской Федерации, выразившимся в провозглашении Свердловской области Уральской Республикой и принятии Конституции Уральской Республики, что означает изменение в одностороннем порядке конституционно-правового статуса Свердловской области и присвоение областным Советом полномочий представительного (законодательного) органа государственной власти республики в составе Российской Федерации, постановляю: 1. Считать решения Свердловского областного Совета народных депутатов от 1 июля 1993 г. «О статусе Свердловской области в составе Российской Федерации» и от 27 октября 1993 г. «О Конституции Уральской Республики» не имеющими юридической силы с момента их принятия. 2. Прекратить деятельность Свердловского областного Совета народных депутатов и полномочия народных депутатов этого Совета со дня вступления в силу настоящего указа». Указ вступал в силу с момента подписания, 9 ноября. Главе администрации Свердловской области предписывалось назначить выборы в представительный орган области и утвердить соответствующее положение о выборах. Правда, Эдуарда Росселя это уже не касалось. 10 ноября 1993 года указом № 1890 «О главе администрации Свердловской области» он был освобождён от должности. В качестве основания указывалось, что Россель «совершил действия, направленные на неисполнение Указов Президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и от 9 октября 1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», существенно превысил полномочия»²⁶.

После этих указов журналистский коллектив «Областной газеты» выступил с заявлением, в котором говорилось, что Борис Ельцин «всё больше и больше утрачивает контакт со своими избирателями, всё меньше и меньше представляет себе ситуацию в регионах, всецело полагаясь на мнение приближённых функционеров,

²⁶ Областная газета. Екатеринбург. 12 ноября 1993. С. 1.

преследующих, вопреки их лицемерным заявлениям, не благоую цель сохранения единства России, а некие собственные интересы». По мнению журналистов, Борис Ельцин «определённо взял курс на закручивание гаек, на политику жёсткой руки» и сделал шаг «к обострению ситуации в российском обществе, к началу конфронтации с собственным народом, нанесён чувствительный удар по выборным перспективам демократических сил»²⁷.

ЗНАЧЕНИЕ УРАЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Уральская республика не была признана федеральным центром. Но свою роль она, несомненно, сыграла в масштабах всей страны. Назначенный временно исполняющим обязанности главы администрации Свердловской области Валерий Трушников в первом же своём интервью в новом качестве обратил внимание на то, что «в только что опубликованном проекте Конституции РФ, в статье 5, появился тезис о равноправии, равенстве всех субъектов Федерации. И предусмотрено законодательное право областей. Думаю, что в этом есть позитивный смысл проделанной работы»²⁸. Что же касается Росселя, то 11 ноября он был избран президентом экономической Ассоциации Уральского региона. 12 декабря 1993 года его избрали членом Совета Федерации. 10 апреля 1994 года он был избран депутатом Свердловской областной думы, которую и возглавил. Затем под редакцией уже упоминавшегося выше Анатолия Гайды был разработан Устав Свердловской области. В него вошли основные положения Конституции Уральской Республики. Официально были закреплены всенародно избираемый губернатор, двухпалатный парламент²⁹. 20 августа 1995 года Россель был избран губернатором Свердловской области — и оставался им вплоть до 23 ноября 2009 года.

²⁷ От редакции // Областная газета. Екатеринбург. 12 ноября 1993. С. 1.

²⁸ *Виталий Клепиков*. Жизнь продолжается. Трудная жизнь... // Областная газета. Екатеринбург. 11 ноября 1993. С. 1.

²⁹ Весной 1996 года в регионе впервые прошли выборы депутатов двухпалатного Законодательного собрания. Двухпалатный парламент в Свердловской области действовал вплоть до конца 2011 года.

М. М. Гершзон

БЫЛИ ЛИ НАШИ ПРЕДКИ СЧАСТЛИВЕЕ?

J.-L. Beaucarnot. Nos ancêtres étaient-ils plus heureux?
Paris, 2017

В 2017 году в свет вышла книга французского историка, генеалога Жана Луи Бокарно «Были ли наши предки счастливее?». Автор — один из самых известных во Франции генеалогов, достаточно давно занимающийся генеалогической тематикой. В аннотации к книге он даже указан как «Pape de la Genealogie». Ж.-Л. Бокарно — автор целого ряда книг по генеалогии, передач на телевидении и радио. Его наиболее значительные работы: «Азбука генеалогии», вышедшая в 1992 году (второе издание — 1996), «Генеалогия: инструкция по использованию», «Кем были наши предки», «Дайте заговорить именам», «Как жили наши предки».

Последняя, рецензируемая здесь, книга Бокарно затрагивает нерядовые вопросы и в этом смысле более значительна по сравнению с важными, но частными вопросами генеалогии того или иного рода (семьи). Она представляет определенный интерес и для отечественного читателя, тем более что в последние годы интерес к частной истории, истории семьи, рода растет из года в год. В России выходят книги по генеалогии. Однако нет трудов авторитетных исследователей, в которых бы рассматривались глобальные вопросы, подобные тем, которые пытается разобрать в своей книге Бокарно. Его книгу можно отнести к категории научно-популярных, она не является академическим трудом (в частности, и потому, что в ней отсутствуют ссылки на архивные документы,

и использованную литературу, не указаны рецензенты и т. п.). Говоря о предках, автор прежде всего имеет в виду предков тех, кто жил на территории современной Франции. Собственно, в самом начале он задается вопросом: «счастливы ли французы?» (р. 7), говорит о том, что Франция, согласно данным ООН за 2016 год, находится на 32 месте по уровню счастья. Какой-либо четкой нижней хронологической рамки в книге не обозначено, есть упоминание о французском средневековье. Верхней хронологической рамкой является нынешний день.

Книга разделена на десять глав. Главы, в свою очередь, разделяются на части. Автор пытается разобрать повседневную жизнь французов — предков и современников со разных точек зрения: способов коммуникации, уровня комфорта и уюта, роли общества и семьи в жизни, состояния гигиены, уровня здравоохранения, способа заработка на жизнь, роли досуга и развлечений в жизни предков и современников, роли миграции (как внутренней, так и внешней), изменения в ментальности и т. п.

Автор начинает рассмотрение повседневной жизни со сравнения того, как передвигались предки и современники. Он указывает, что передвижения предков, как правило, ограничивались размерами собственной деревни. Ныне же каждый француз, при желании, может путешествовать по всему миру. Бокарно задается вопросом, почему предки путешествовали. Он говорит о том, что в прежние времена путешествовали, главным образом, купцы и ремесленники. Именно поиск работы определял маршрут движения (р. 15). А время движения определяли сезоны. Так, ремесленники-каменщики собирались в дорогу по весне. Позднее в поисках работы во Францию начали проникать итальянские каменщики, впоследствии польские шахтеры. Путешествие, чтобы заработать, жить и выжить — так было в прежние времена. Автор отмечает, что с XIX века начинается т. н. сезонная миграция. Иностранцы, миграция из-за рубежа были долгое время почти неведомы жителям Франции. За исключением Парижа, куда с времен Реставрации стали прибывать польские и немецкие евреи (р. 323). После, в конце XIX века пошла волна миграции итальянцев. Затем последовали мигранты из северной Африки и из других частей бывшей французской колониальной империи. Автор, упоминая об этих волнах миграции, не пишет, изменили ли они жизнь местных жителей и, если да, то в какой степени. Говоря о том, что ранее иностранная миграция затронула в основном Париж, автор не сооб-

щает, что в настоящее время иностранные мигранты проживают во всех крупных и средних городах, являясь в них вполне ощутимой составляющей.

Тем не менее, говоря о передвижениях французов, автор не упоминает миграционные потоки, которые были во времена колонизаций. Например, Америки. Не упоминает он и о том, что французы вынужденно «путешествовали» во время войн. Например, во время наполеоновских войн или (еще большее количество французов), во время Первой Мировой войны. Не рассматриваются и миграционные потоки, связи с иностранными государствами, влияние иностранцев на повседневную жизнь французов. Существовали ли они? В наше время, безусловно, существуют. Главным образом, посредством телевидения, кино, интернета. Если взять телевизионный аспект, то достаточно много передач на французском телевидении являются в той или иной мере калькой передач иностранных, прежде всего, американских. Рассматривая путешествия французов в средневековый период, автор говорит о внутренних границах, паспортах, отсутствии развитой сети гостиниц или постоялых домов. Не было также привычных нам сегодня средств транспорта. Первым средством передвижения для простолюдина были... ноги (р. 24). Средняя скорость передвижения составляла 2 км/ч (15–16 км за пять с половиной — шесть часов). Передвигаться на лошади было очень дорого. И, в любом случае, с помощью лошади могло передвигаться лишь очень ограниченное количество людей. Появление дилижанса, затем железной дороги позволило перемещаться значительным группам людей гораздо быстрее и на большие расстояния. Но в любом случае, путь на дилижансе из Лиона в Париж (расстояние 500 км) в XVIII веке составлял пять с половиной дней. Нередкими были сильные опоздания. Не было развитой сети дорог — в 1789 году их было всего 30 000 км. В настоящее время во Франции более 700 000 км дорог. Автор упоминает и о том, что отдельное время занимало и приготовление к путешествию (выбор средства передвижения и маршрута до пункта назначения). В сравнении с тем, что сейчас покупка билета посредством интернета и выбор маршрута (по крайней мере, внутри страны) занимает несколько минут. Ранее путешественника на пути подстерегали разные опасности и страхи. Нередкими были нападения на путешественников. С появлением автомобилей резко возросла смертность в результате аварий. Печальный рекорд во Франции в этом смысле был заре-

гистрирован в 1972 году — 18 000 смертей в год, в настоящее время 3 000 в год.

Другие барьеры для путешествия внутри страны — значительные различия языка в разных регионах. Бокарно приводит пример, что Расин (жил в середине — второй половине XVII века), оказавшись в районе Лимузена (регион на юго-западе центральной части Франции), понял, что не знает языка этого региона (р. 21). Среди препятствий к передвижениям Бокарно называет также ксенофобию. Всё это затрудняло передвижение предков на какие-либо дальние расстояния даже внутри страны. Автор приходит к справедливому выводу, что путешествия в прошлых веках сильно отличались от передвижений в наши дни. Главное отличие: путешествия были редкими, медленными, с минимальным уровнем комфорта.

Бокарно рассказывает и о средствах коммуникации. Он задается вопросом — имели ли предки сети, были ли они организованы. В древности, по Бокарно, существовали сильно структурированные и сплоченные группы. Строго иерархичной и авторитарной была семья. С появлением школ возникали объединения детей одного класса, одной школы. Существовали объединения по профессиональному признаку, например, цехи ремесленников.

Автор рассматривает и повседневную жизнь предков с точки зрения бытовых условий и уровня комфорта. Он пишет о том, сколько человек проживало под одной крышей в начале XX века, как отапливались жилища. Так, например, в начале XX века гостиницы в целях привлечения постояльцев вывешивали объявления о том, что газ и вода есть на всех этажах (р. 50). Помимо очевидных отличий — отсутствия в домах коммуникаций — водопровода, горячей воды, электрического света, автор останавливается на различии в обстановке в доме, наличии той или иной мебели. Бокарно говорит о разности стандартов уровня комфорта в доме в середине XVIII века и в нынешнее время. Упоминает он и о том, что в настоящее время достаточно много жилищ (квартир или домов) остаются пустыми на неопределенное (длинное или короткое) время. Потому что их обитатели уходят на работу, уезжают в гости к друзьям, родственникам, в отпуск. В противовес тому, что ранее жилище никогда не оставалось без человека (т. н. хранителя очага).

Говоря о способах заработать на жизнь, прокормить семью, Бокарно отмечает, что на обсуждение денег, заработка было на-

ложено табу и в 1492-м, и в 1900-м, остается в силе оно и сейчас (р. 204). Автор сообщает о влиянии в этом смысле крестьянских представлений: «чтобы другие не завидовали», также говорит, что определенную роль сыграли марксистские представления о том, что извлекать выгоду нехорошо. Католическая традиция также поддерживала установку, что религия — для бедных (Р. 250). Этой традиции не придерживались протестанты, которые были более прагматичны.

Бокарно затрагивает вопросы спорта и досуга. Он справедливо отмечает, что досуг у предков был менее разнообразным, и говорит о том, что существенно изменились виды досуга. В выходные предки значительную часть свободного времени проводили в церкви. В конце XIX века появился кинематограф, затем телевидение. Пресса стала разнообразней, при этом она стала доступней в финансовом плане. Отмечается, что досуг изменился не только с появлением кино и телевидения, а с появлением интернета появилась, в частности возможность читать книги на компьютере не выходя из дома, отпала потребность ходить за книгами в библиотеку (р. 258). Сами бумажные книги стали гораздо более доступными со времен Гутенберга.

Автор сообщает и о праздниках, существовавших ранее. Бокарно выделяет официальные (религиозные) праздники (среди них в разных местностях были праздники местных святых), профессиональные или корпоративные праздники, домашние праздники. С этой точки зрения было бы также важно проследить, какие различия состояли в праздновании, например, свадьбы в разных регионах страны. И изменились ли обряды, сама протяженность празднования с течением времени. Автор упоминает о том, что свадьба ранее длилась несколько дней с танцами, угощениями, различными развлечениями. Однако он не уточняет, менялась ли со временем обрядовость праздника. Какое участие в праздниках принимали различные сословия или социальные группы французов? Было ли отличие в участии в праздниках у мужчин и женщин, у взрослых и детей? К каким праздникам дети приобщались со временем? Были ли какая-то иерархия праздников? Менялось ли отношение к праздникам с течением времени? Как изменилось празднование той же Пасхи? Как готовились к ней ранее и сейчас? Какие праздники были главными ранее (в средневековье) и сейчас? Были ли предки действительно более набожными или соблюдали только внешнюю обрядовость? Сколько было праздничных

(выходных) дней у среднестатистического обывателя ранее и сейчас? Насколько насыщенными были эти праздники ранее? Какую часть времени обыватель проводил в церкви, в общине, в семье? Какими были праздники по составу участников и по количеству. Без ответов на эти вопросы нельзя составить представление о масштабах праздников, которые были ранее. Если задаваться вопросом «были ли предки счастливее нас», то он интересен не только применительно к Франции. Он важен и применительно к отечественной истории.

Автор отмечает, что ранее постоянные дворы были, как правило, сугубо мужским обществом. Бокарно говорит о том, что мужчины собирались здесь для обсуждения различных вопросов. Трактиры ранее были очень шумными местами, особенно по воскресеньям, а также в дни праздников и ярмарок. Когда, в зависимости от региона, в них пили вино, сидр или пиво. Опять же интересно, в каких именно регионах пили сидр, вино или пиво. И есть ли эти различия сейчас. Употребляли ли раньше крепкие алкогольные напитки?

К сожалению, автор, рассматривая совершенно различные аспекты жизни и деятельности человека, не затрагивает вопросы еды и питания. А ведь известно, что Франция в этом смысле — одна из самых изысканных стран в мире. Собственно говоря, уровень питания, разнообразие еды в определенной степени может свидетельствовать об уровне жизни. Существуют ли различия в питании между регионами Франции, существовали ли они между разными сословиями? Стерлись ли эти различия к настоящему времени, если да, то в какой степени? Что составляло повседневную еду французского обывателя, например в XVII веке, в эпоху Ришелье и в настоящее время? Еще важный вопрос: сколько по времени составлял процесс приготовления пищи и её потребления? Где французский обыватель питался ранее — дома или за его пределами — и сейчас? Что составляло основной рацион питания в средневековье и, например, в середине XX века? Менялся ли рацион с изменением времен года? Так, в Провансе в июне проводится фестиваль молодого вина. Кто готовил в средневековье — все женщины дома, либо только старшая в семье и т. п.?

Представляется важным рассмотреть то, когда началось изменение отношения к праздникам. А также, какую роль играют, и играют ли, старинные и региональные праздники в жизни современников. И как трансформировалось со временем отношение к тем

или иным религиозным праздникам. Что вкладывали предки в понятие религиозных праздников тогда и сейчас?

Автор рассматривает вопрос и с точки зрения климатических изменений. Аграрное общество, существовавшее ранее, всецело зависело от погоды. В качестве примера Бокарно приводит «великую» зиму 1709 года. В январе этого года максимальное падение температуры в Париже было до -23 градусов. Морозы ниже -20 градусов держались более недели (для Парижа это очень холодно). Очень сильно зависели предки и от неурожаев, заболеваний растений и прочего мора. Так, в 1861 году из Северной Америки во Францию была завезена филлоксера (вид насекомого), которая нанесла очень серьезный урон виноградарству. А в 1922 году колорадский жук нанес значительный вред урожаю картофеля (р. 326). Суровые зимы, неурожаи и следовавший за ними голод приводили к значительному росту смертности и уменьшению рождаемости. Изменились ли климатические условия проживания во Франции, например с XVII века в сравнении с настоящим временем? Сейчас во всем мире говорится о глобальном потеплении. Автор приводит следующий факт. 6 августа 1765 года в Париже был зарегистрирован температурный рекорд $+40$. Этот рекорд впоследствии был побит только раз, в 1947 году, близкая температура была в 2017 году. Самый холодный день за время метеонаблюдений в Париже был 10 декабря 1879 года, тогда температура в Париже опустилась до $23,9$ градусов ниже нуля, а 23 января 1795 года — температура была минус $23,5$ градусов.

Автор делает попытку рассмотреть ментальность предков. Он отмечает, что предки боялись всего (р. 344): не только смерти, но и болезней, грозы, бродяг и иностранцев. Деревенские боялись города, а горожане деревни и леса. Предки боялись Бога, так же как и погоды, эпидемий, войн, голода. Последние воспринимались как наказание за грехи. Автор говорит о высокой детской смертности. Он сообщает, что почти треть детей не доживала до годовалого возраста на рубеже XVII–XVIII вв. Детская смертность пошла резко на убыль в результате вакцинации, проводившейся с 1880 года, и соблюдения норм гигиены. В былые времена бедные воспринимали несчастья, постигавшие их семьи (смерть близких, в том числе детей) как рок, фаталистически. Подобную статистику (в частности, детскую смертность) можно проследить и по территории России, начиная со второй четверти — середины XVIII века, когда были введены метрические книги (по тем территориям,

где эти источники сохранились). С еще большей точностью, начиная со второй половины XIX столетия по большинству регионов Российской Федерации.

Вызывает уважение энциклопедичность познаний автора: он цитирует классика французской литературы Расина и письма путешественников XVIII века. Но нет системности в описании образа жизни в различных регионах Франции. А ведь вероятно, что образ жизни и деятельности француза, живущего на юге Франции, отличается от француза, живущего вдали от моря, например, в районе Эльзаса и Лотарингии. Так же ритм и образ жизни у человека, постоянно живущего в крупном городе в середине XX века, и у жителя деревни. В сравнении временных периодов нет системности. Автор в одной главе сравнивает современность с XVII веком, в другой современность — с XIX столетием, в третьей современность — с началом XX века. Говоря об особенностях повседневной жизни французов в средние века, автор не всегда объясняет, о какой именно социальной категории (группе) идет речь.

Наконец, Бокарно приходит к заключению, что невозможно точно сказать, кто был счастливее — мы или наши предки.

Е. Ю. Назаренко

Е. Н. АЗИЗОВА. ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Д. П. РУНИЧА

Воронеж, 2014

В 2014 г. вышла в свет монография Евгении Наильевны Азизовой «Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича», посвященное жизни и деятельности известного консервативного государственного деятеля первой четверти XIX в. Имя Дмитрия Павловича Рунича (1778–1860) получило громкую и скандальную известность в российском обществе в 1821 г., когда он, будучи попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, устроил показательный суд над профессорами столичного университета А. И. Галичем, Э. Раупахом, К. Ф. Германом и К. И. Арсеньевым, обвиненными им в «безбожии и неуважении к монархической власти». В общественном сознании Рунич остался героем одного, пусть и яркого, эпизода общественно-политической жизни и воспринимался он, безусловно, в статусе героя со знаком минус. Такая же дурная слава досталась и другому государственному деятелю, М. А. Магницкого, устроившего в 1819 г. ревизию Казанского университета, которую недоброжелатели окрестили «разгромом». Деятельность Магницкого и Рунича стала восприниматься как символ наступившей на рубеже 1810–1820-х гг. реакции.

Несмотря на хрестоматийность и устойчивость образа Рунича в общественном сознании, до недавнего времени посвященных ему научных исследований не появлялось. И это несмотря на то, что потребность в научной биографии Рунича, разумеется, была всегда. Исследователь не должен удовлетворяться набором ша-

блонных мнений о деятеле, который, пусть и непродолжительное время, играл заметную роль в общественно-политической жизни России.

Есть и другая причина того, что посвященная Д. П. Руничу монография актуальна и своевременна. Дело в том, что на протяжении многих лет своей жизни этот человек был убежденным и деятельным масоном. Несмотря на высокий общественный интерес к масонству, его история до сих пор полна белых пятен. Практически неизученным вплоть до нашего времени остался феномен т. н. правого, или консервативного масонства начала XIX в. Представители этого направления крайне скептически относились к возможностям человеческого разума и к просветительским концепциям переустройства общества на разумных основаниях. На публике консервативные масоны позиционировали себя верными сынами православной церкви, но в действительности их религиозное мировоззрение было весьма далеким от православия. Их взгляды основывались на идеях европейских христианских авторов (в основном протестантов) и включали в себя мистицизм (веру в возможность непосредственного контакта человека с Богом), экуменизм (представления о том, что различия между христианскими конфессиями незначительны и могут быть преодолены) и эсхатологизм (веру в скорое второе пришествие Христа). Консервативные масоны были представителями одного из направлений в масонстве — розенкрейцера. Их лидером был московский розенкрейцер О. А. Поздеев. Деятельность Д. П. Рунича дает основания относить его к этой группе.

Как показала Е. Н. Азизова в своем обзоре, историография деятельности Д. П. Рунича скудна и однообразна. В связи с этим историко-исследовательская база исследования приобретает особое значение. Работу исследовательницы в этом направлении необходимо оценить очень высоко: круг привлеченных ею источников отличается широтой и разнообразием, многие из них были впервые введены в научный оборот. Особо следует отметить использованные в монографии материалы из уникального архива Рунича, хранящегося в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского дома)¹. В этом архиве содержатся масонская и служебная переписка Дмитрия

¹ См.: ИРЛИ. РО. Ф. 263. Руничи: Павел Степанович (1750–1825), владимирский, вятский губернатор, сенатор; его сын Дмитрий Павлович (1778–1860), государственный деятель.

Павловича, а также написанные им сочинения — теоретические труды, публицистика, стихи, проза. Благодаря изучению этих материалов у исследователя появилась возможность рассмотреть интеллектуальную жизнь Рунича, которая была скрыта от внешних наблюдателей.

Этапы чиновничьей карьеры Рунича освещены в монографии весьма полно и подробно. Убедительно показано, что своей карьерой Рунич был в значительной степени обязан масонским знакомствам. Благодаря этим связям он в начале 1800-х гг. оказался на службе в Московском почтамте, который в это время оказался пристанищем для вольных каменщиков. Азизова восстановила любопытную деталь биографии своего героя: служа в почтамте, Рунич отвечал, в числе прочего, за перлюстрацию писем. Возможно, эта практика повлияла на его последующую деятельность, связанную с противодействием распространению просветительских идей.

Сложно сказать определенно, был ли Рунич убежденным охранителем до 1819 г., когда он начал служить в министерстве духовных дел и народного просвещения. Однако с этих пор его деятельность приобрела ярко выраженный консервативный характер. Апогеем этой тенденции стал, конечно же, знаменитый суд 1821 г. над профессорами Санкт-Петербургского университета, обвиненными в сознательном подрыве общественных устоев, пропаганде безбожия и неуважении к монархическому началу. Этот процесс хорошо описан в историографии, и открыть здесь какие-то новые сведения весьма затруднительно. Однако нельзя не отметить высокое мастерство, с которым Е. Н. Азизова восстановила ход этого процесса, поведение его участников — подсудимых, членов суда, и, конечно, самого Д. П. Рунича. На страницах монографии Рунич предстает перед нами как человек скандальный и задиристый, любитель театральных эффектов.

Несмотря на очевидное стремление переосмыслить деятельность Рунича и внести в историографию новые акценты, Е. Н. Азизова не ищет оправданий для своего героя. Она аргументированно показывает, что научный уровень в Петербургском университете в результате деятельности Рунича действительно сильно упал, поскольку Рунич, оценивая профессоров, в первую очередь смотрел не на их научные заслуги, а на их «нравственность». При этом любопытно, что программа Рунича содержала в себе националистический компонент: так, он стремился к уда-

лению из подведомственных ему учебных заведений преподавателей иностранного происхождения и замену их на представителей русского народа. При этом Азизова объясняет случившуюся в 1826 г. отставку Д. П. Рунича его идейными разногласиями с новым министром народного просвещения А. С. Шишковым, хотя не до конца ясно, чем программа Рунича в сфере образования так уж сильно контрастировала со взглядами известного консерватора Шишкова.

Д. П. Рунич был розенкрейцером и немало времени посвящал чтению сочинений европейских авторов-мистиков, таких как Я. Беме, К. Эккертсгаузен и И.-Г. Юнг-Штилинг. Е. Н. Азизова показала, что первоначально Рунич принадлежал к направлению в российском розенкрейцерстве, которое она называет «либеральным», а уместнее было бы назвать «просветительским», направленным на духовное и мистическое просвещение широких слоев населения. Его духовными наставниками были известные масонские просветители Н. И. Новиков и А. Ф. Лабзин. С консервативными масонами, которых возглавлял О. А. Поздеев, Рунич тесных контактов не имел.

Однако в 1820 г., как установила Азизова, между Руничем и его наставником А. Ф. Лабзиным произошел конфликт. Рунич был изгнан из ближнего круга Лабзина за «своеумие и своенравие» (с. 50). В свою очередь, Рунич критиковал своего бывшего наставника за то, что тот переводил труды авторитетного в масонской среде немецкого мистика Юнга-Штилинга «без всякого разбора». Азизова, к сожалению, никак не комментирует эту размовку. Из текста монографии мы не можем понять, почему Рунич начал критиковать издательские проекты Лабзина. Тем не менее, сложно не обратить внимания на то, что это разрыв случился в тот период, когда Рунич стал ярким консерватором.

К сожалению, авторский анализ социально-политических взглядов масонов небезупречен и вызывает ряд вопросов. При описании масонских ценностей исследовательница использует следующие концепты — свобода, равенство, братство, религиозная терпимость, космополитизм, — т. е. всё то, что массовое сознание ассоциирует с философией Просвещения. Однако дальше она пишет об идеалах вольных каменщиков нечто противоположное — а именно о признании ими «полного бессилия» (с. 38) (!) разума и примате в процессе познания «религиозного чувства». И при этом автор монографии никак не объясняет, каким же образом

в сознании масонов могли одновременно ужиться столь различивые установки. Очевидно, что первое приведенное нами описание подходит для либерального масонства (многие декабристы были выходцами из этой среды), а второе — для масонства консервативного, однако в тексте это никак не поясняется. На наш взгляд, здесь нужно было дать информацию о разных течениях в масонском движении, для того чтобы читатель мог разобраться в их непростых взаимоотношениях. Думается, что подобный анализ дал бы возможность более четко осознать место Рунича в масонской среде.

Больше всего вопросов вызывает последняя часть книги, в которой анализируется мировоззрение Д. П. Рунича после его отставки в 1826 г. Очевидно, что взгляды Рунича, как и взгляды любого другого человека, неоднократно менялись на протяжении всей жизни. В связи с этим автору монографии следовало бы анализировать политические и религиозные взгляды Рунича в контексте их эволюции. Однако вместо этого его мировоззрение описывается так, как будто оно совершенно не менялось с течением времени, и не него не влияли ни повороты его судьбы, ни изменения политической конъюнктуры. Это привело к тому, что Е. Н. Азизова произвольно смешивает и ставит в один контекст мысли своего героя, высказанные в разное время. Вероятно, именно поэтому мировоззрение Рунича в ее интерпретации выглядит очень противоречивым.

Весьма противоречивы педагогические взгляды Рунича в интерпретации Азизовой. Автор монографии ссылается на одно из его сочинений, в котором он утверждал, что образование должно быть национальным, и именно поэтому должно иметь не «общехристианский», а ярко выраженный православный характер. В связи с этим он критиковал учреждения, связанные с его бывшим начальником А. Н. Голицыным, в частности, Российское Библейское Общество², которое, по его мнению, «оскорбляло народные нравы и оспаривало прерогативы духовенства» (с. 47). Однако в дру-

² Российское Библейское Общество — существовавшая в России 1812–1826 гг. общественная просветительская организация христианской направленности, филиал Британского Библейского Общества. Ее первым президентом был князь А. Н. Голицын. Библейское Общество было тесно связано с системой образования российской империи, куда на протяжении 1810 — первой половины 1820-х гг. его представители пытались внедрить пропаганду «общехристианского» мистицизма.

гом своем сочинении, приведенным Азизовой, Рунич высказывался совсем иначе. Он писал, что человек в юности должен постигнуть «внутренний смысл церковных обрядов» (с. 98), и в этом ему должно помочь масонство. Очевидно, что подобные воззрения были еще более оскорбительны для православного клира, нежели деятельность Библейского Общества. Е. Н. Азизова никак не комментирует столь сильные противоречия во взглядах своего героя. Ситуация была бы иной, если бы взгляды Рунича на образование анализировались в хронологическом порядке.

Другим примером может служить изложение религиозных взглядов Д. П. Рунича. В 1830-х гг. он, если верить Е. Н. Азизовой, он высказал в одном из сочинений мысль, еретическую с точки зрения православной догматики, а именно то, что есть пять направлений христианства и три нехристианские религии, а истинное христианство формируется на основе сочетания этих восьми направлений религиозной мысли. Подобные отклонения от православной доктрины не вызывали бы вопросов, если бы в другом месте Азизова не написала, что Рунич считал православие истинным христианством и противопоставлял его протестантизму. Очевидно, что, также как и в случае с педагогическими идеями Рунича, следовало бы проследить, как религиозные взгляды героя монографии менялись с течением времени.

Отсутствие хронологического подхода при анализе мировоззрения Д. П. Рунича — главный недостаток монографии Е. Н. Азизовой. Хотелось обратить внимание еще на один аспект, что, впрочем, можно назвать скорее не критикой, а рекомендацией. В работе почти отсутствует один значимый сюжет, который можно обозначить как «Магницкий и Рунич». М. А. Магницкий и Д. П. Рунич в общественном сознании воспринимаются как единомышленники, однако Е. Н. Азизова оспорила это расхожее мнение, написав, что Магницкий и Рунич были очень разными, поскольку первый был православным консерватором, а второй — мистиком и масоном. На наш взгляд, далее было бы уместно провести сравнительный анализ деятельности этих двух персонажей на постах попечителей учебных округов (Казанского и Санкт-Петербургского соответственно), а кроме того, сравнить их общественно-политические взгляды. Подобный компаративный анализ мог бы дать возможность внести новые акценты в историю идеологической борьбы в России первой четверти XIX в. Однако, к сожалению, Е. Н. Азизова лишь вскользь, одним

предложением, коснулась этого важного и интереснейшего сюжета.

Высказанные замечания никак не отменяют высокой оценки, предназначенной для новаторского сочинения Е. Н. Азизовой. Это первое монографическое исследование, посвященное деятельности Д. П. Рунича, и его автору удалось создать целостную картину жизни одного из самых неоднозначных, противоречивых и сложных исторических персонажей начала XIX в. Надеемся, что эта книга Е. Н. Азизовой послужит стимулом для всплеска интереса к практически неисследованному феномену правого масонства, которое в первой четверти XIX в. было серьезной и влиятельной силой.

Андрей Тесля

В. В. ЛАПИН. БРОНЕНОСЕЦ «РУСАЛКА» :
КОРАБЛЬ. ЭКИПАЖ. ФЛОТ. ТРАГЕДИЯ.
ПАМЯТНИК.

СПб. : Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2018. 288 с. : ил.

С первой, самой внешней, формальной стороны — книга посвящена тому, что прямо вынесено в ее заглавие — истории броненосца береговой обороны «Русалка», погибшего со всем экипажем во время перехода из Ревеля в Гельсингфорс 7 (19) сентября 1893 г. — и связанных с этим событиях, от общественной реакции на катастрофу до установления в Ревеле памятника погибшим морякам и его последующем бытовании вплоть до наших дней. Этой формальной стороне соответствуют четыре из пяти глав работы — от истории самого корабля к истории его экипажа, повествованию о последнем плавании, исчезновении броненосца, последующих поисках, следствии и суде — и о памятнике в Кадриоге, тогда как третья глава книги рассказывает о роли Эстонии (Эстляндии) в военно-морской системе Российской империи и Советского Союза — поясняя, в первую очередь, контекст памятника.

И этот формальный взгляд оказывается во многом верен. И вместе с тем, книга о намного большем и гораздо более интересном, чем история броненосца или история памятника. Собственно, потому она и оказывается единой книгой — без принудительного соединения разных историй — ведь, в конце концов, история про памятник по прямой не соединяется с историей корабля — что ее основное содержание — о реконструкции прошлого и о том, как прошлое воспринимается в его нарастающем отдалении во времени.

История «Русалки» в данном случае — с замечательным искусством выбранная точка схождения разнообразных сюжетов, фокус, в котором соединяется то, что обычно разводится по разным департаментам знания о прошлом — начиная с истории техники вплоть до символической политики. Прошлое не представит единым — в том числе и потому, что оно само по себе совершенно не бесспорно едино — есть разные пласты времени, существования — синхронного, но никак не пересекающегося или пересекающегося лишь самым отдаленным образом — или во внешней, разомкнутой из своего времени, перспективе. Но эти разные пласты, фрагменты, грани прошлого соединяются в тексте не в логике дисциплинарных разграничений — а в собственной. И именно в этом роль избранного «фокуса» — позволяющего не «задавать» логику, а следовать за ней, данной предметом — и в итоге давать возможность читателю увидеть сложность и многогранность исторического.

Речь о читателе в связи с книгой Лапина зашла совершенно закономерно — это один из лучших за последние годы образчик научно-популярного текста. Не в смысле «популяризации», сообщения вовне — переводе на другой язык — результатов, уже оформленных в виде иного текста, а в смысле говорения о сложном и профессиональном с сохранением собственного, авторского голоса — обращенного к образованному и заинтересованному читателю, в предположении — что действительно интересное для автора, раз он посвятил этому какую-то ощутимую часть своей жизни, интересно и для других.

Так, рассказ об экипаже «Русалки» оказывается повествованием, с одной стороны, о том, кого и откуда призывали на флотскую службу — и как было устроено профессиональное военноморское сообщество, с другой, одновременно, о конфессиональной и этнической принадлежности членов экипажа — что позволяет развернуть рассказ в плоскость имперской проблематики. И тем самым последующая история базирования Балтийского флота и планов обустройства в Ревеле (Таллине) и рядом с ним основной военно-морской базы, возникавших с петровских времен вплоть до советских, оказывается не привходящим сюжетом, а прямым следствием предыдущего рассказа. История о следствии и суде по делу о гибели броненосца, помимо прочего, затрагивает сюжеты, связанные с устройством и функционированием публичного пространства в Российской империи — а в приложении

к книге дана статья командира канонерской лодки «Туча», спровождавшей пропавший броненосец в первой части его пути, капитана 2-го ранга Лушкова — и обвинительная речь контр-адмирала Скрыдова на суде — возможность услышать голоса во взаимной полемике, контекст и устройство которых разбираются в тексте.

Не только глава, посвященная памятнику погибшему броненосцу, но и большая часть книги пронизана отсылками к последующей «работе памяти» — то есть повествование выстроено в планах не только «фактического», но и одновременно «памятуемого», в разное время — и разными группами. При этом пласты рассматриваемого оказываются сосуществующими — так, говоря об общественной реакции на гибель броненосца и масштабную компанию по сбору средств на помощь семьям моряков, рассказчик говорит и о конкретном-ситуативном, и о традиционных крестьянских представлениях об утопленниках, и о значении имени корабля, затем многократно преломлявшегося в сознаниях — чтобы в позднем Союзе породить литературный миф об отказе священника освящать броненосец и породить целый диалог со священником, сочиненный писателем-маринистом Шигиным.

Говоря об истории памятника, установленного в Ревеле в 1902 г., Лапин пишет: «Долговечность материалов, из которых изготавливают памятники, почти неизбежно приводит к тому, что они оказываются чужими, а нередко и враждебными изменившейся культурной среде» (с. 216) — когда забывается даже, что памятник поставлен броненосцу — и по имени или по ассоциации с копенгагенской русалкой начинает какой-то частью зрителей пониматься как своеобразный монумент обитательнице вод. Установка памятника в свою очередь позволят описать и вероятную логику инициатора, командира Ревельского порта контр-адмирала Вульфа, и стремление моряков-балтийцев отчасти компенсировать их символическое отставание от черноморцев — с которыми в первую очередь связывалась мемориальная фиксация имперской морской славы — и выбор скульптора, эстонского скульптора Амандуса Адамсона. Последний сюжет оказывается особенно любопытен — вплетаясь и как один из мотивов сохранения памятника после 1918 г., когда возникает республиканская Эстония (и в которой Адамсон автор серии значимых монументов, посвященных независимости), и своеобразным «забвением» имени скульптора в советские времена, когда в одном из путеводителей по советскому Таллину писалось:

«Автор памятника долгое время оставался неизвестен. Лишь в 1949 году в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда был обнаружен список произведений известного эстонского скульптора Амандуса Адамсона (1855–1929), составленный им самом в связи с избранием его действительным членом Академии художеств. В этом списке указан и памятник затопленным кораблям»

— хотя имя скульптора можно было все эти годы спокойно прочесть на самом монументе. И, помимо политических переплетений, возникает и другой аспект сохранения памятника при всех переменных последнего столетия — его относительной отдаленности от центра города, восприятия во многом декоративного — чтобы затем, уже в последние десятилетия, сделаться фокусной точкой для «русского» сообщества Таллина, тем самым демонстрируя соединение / смешение «российского» / «русского».

Многослойность и многогранность истории, рассказанной автором, замечательным эпизодом — не задуманным исходно, но подтверждающим и в глазах автора, и в глазах читателя истинность повествования — раскрывается уже за пределами основного текста книги, в прибавлении, следующем за благодарностями. Уже практически завершив работу, автор обнаруживает, что погибший на «Русалке» матрос, чье имя помещено на одной из бронзовых тумб, окружающих ревелский монумент — приходится родным братом его прадеду. История 125-летней давности не только оказывается близкой — соединяясь через многогранную память — но и соединенной с частным существованием, позволяя в свою очередь вспомнить — то есть сделать памятью — то, что исчезло из нее. Как и вся книга, эта последняя, непреднамеренная история — о плотности и сложности обитания в историческом, повествование о котором одновременно вынужденно разворачиваться в последовательности текста — и спасаться от иллюзии одномерности в бесконечности отступлений — которые и оказываются в конечном счете именно о главном.

Андрей Тесля

Т. Н. ГАЛЧЕВА, И. В. ГОЛУБОВИЧ.
«ПОНЕМНОГУ ПРИСПОСОБЛЯЮСЬ
К “НЕЗАВИСЯЩИМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ”».
П. М. БИЦИЛЛИ И СЕМЬЯ ФЛОРОВСКИХ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ
София : Солнце, 2015. 320 с.: ил.¹

Мало что сравнится по своему интересу — применительно к последним нескольким столетиям европейской интеллектуальной культуры — с чтением переписки, при условии, разумеется, что собеседники глубоки и человечески, а не только интеллектуально, многогранны. Эпистолярный дает возможность прикосновения к прошлому — более полному (хотя не уверенны, что здесь работает количественная градация), чем даже большинство дневников — ведь дневник вынужденно оказывается монологичен, он, как правило, функционирует для автора в одном или нескольких регистрах — как хроникальная запись, как способ выговориться, как то пространство, где для пишущего есть возможность быть иным — слабым, переживающим — или, напротив, сильным и всегда правым — которой он лишен в своей публичности.

Письма многограннее, зачастую — достовернее, как быстрая реакция на происходящее — вне последующего контроля (ведь

¹ Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Academia Kantiana ИГН БФУ им. И. Канта (mestr81@gmail.com). Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

дневник — это документ, который даже если создается непосредственно «в момент» происходящих событий, с минимальной временной дистанцией, то затем зачастую редактируется, пересматривается) — и, что важнее всего, в переписке — если она выходит за пределы узко-делового — собеседники поворачиваются друг к другу, когда «зеркалят», когда отталкиваются — но в любом случае реагируют на корреспондента и, следовательно, раскрываются во взаимодействии. В этом плане важно не только то, что переписка с разными собеседниками одного и того же автора, при сопоставимом объеме, может иметь принципиально разный интерес, но и что в этих разговорах автор предстает в разных ракурсах: любому опытному читателю известно, что письма одного автора разным корреспондентам, собранные в издании в хронологической последовательности, производят совершенно иное впечатление, оставляют другое послевкусие, чем издания не только эпистолярных комплексов, содержащих и ответные письма, но даже и издание лишь тех же самых писем, сгруппированных по адресатам.

Опубликованная Т. Н. Галчевой и И. В. Голубович коллекция писем П. М. Бицилли, относящихся к 1921–1923 гг., включающая 19 писем к К. В. Флоровской и по одному письму к ее братьям — А. В. и Г. В. Флоровским — замечательный образчик эпистолярного наследия в том смысле, в котором говорилось выше. Однако к нему есть и свой сугубо специфический, исследовательский интерес — материалов по первым годам русской академической эмиграции не очень много и каждый новый источник, разумеется, представляет большой интерес — равно как до сих пор остается недостаточно изученным в силу проблем с доступными материалами комплекс отношений между Бицилли и его младшим коллегой, Георгием Флоровским, ранней историей евразийского движения — и отношения к нему Бицилли и т. п.

Не претендуя на полноту обзора, остановимся на том, в чем сами авторы видят одну из основных своих целей — реконструировать жизненный мир русского историка первых лет его эмиграции, обращая преимущественное внимание на личные стороны, стремясь найти черты к портрету Бицилли — увидеть его как человека, а не только как ученого — что в случае именно Бицилли весьма сложно, поскольку сам он старался быть максимально сдержанным в своих публичных проявлениях, оберегая свой внутренний мир — и не позволяя в большинстве случаев своим чувствам

и настроениям проявляться вовне, по крайней мере непосредственно. Разумеется, можно спросить — стоит ли интересоваться тем, что оберегал от внешнего взора сам автор — и в чем с ним была единомышленна его семья, но здесь остается последовать за самим Бицилли, не в практиках его жизни, а в его теоретическом понимании природы исторического познания, в свою очередь являвшемся и размышлением над собственным опытом историка, и, как всякое размышление подобного рода — представлением о желаемом/желательном, обозначении собственных устремлений. В письме к Г. В. Флоровскому от 17. II.1922 г., кратко формулируя основное утверждение своих, пишущихся в это время «Очерков теории исторической науки» (1925), Бицилли настаивал:

«<...> романтизм это и есть историзм, *historischer Sinn*, и <...> формально имеется только одно историческое мышление, т. е. “романтическое”» (с. 172–173).

При этом методом оказывалось в его оптике «перемещение себя во внутрь автора» (с. 172) — текст лишь способ осуществить эту реконструкцию «автора», в герменевтическом кружении — где воссоздание «автора» позволяет понимать его идеи, действия, способы жить, зафиксированные в текстах, а «автор» воссоздается на основе текстов.

Так, публикаторы писем в комментариях приводят историю из письма Бицилли к Ивану Дуйчеву: «Я никогда не забуду, когда на Chiaia [улица в Неаполе — прим. публ.] встретился мне почтенного вида францисканский монах. Увидев foreigner — у них на это собачий нюх — он стал улыбаться и подмигивать. Я подошел. Он вытащил из рукава своей рясы коллекцию порнографических карточек. Vuole?..Если бы я был спиритом, я бы непременно вызвал дух Бокаччо или Макиавелли, чтобы рассказать им об этом» — и отмечают:

«Такие истории дают нам другую оптику видения личности П. М. Бицилли. Его биографию всегда писали с излишним подчеркиванием точности и академизма, что сказалось на деперсонализации ученого — из живого ученого он превратился в своего рода сухаря или подобие памятника. По воспоминаниям же родственников ученый обладал прекрасным чувством юмора, рассказывал забавные истории и сам посмеивался, когда над ним подшучивали.

Такие “отклонения” в письмах П. М. Бицилли дают материал для восполнения его живого образа» (с. 92).

Основное содержание переписки — обсуждение разных текущих дел между обосновавшимся, после нескольких месяцев в г. Вранье, в Скопье, в филиале Белградского университета П. М. Бицилли — и жившей в Софии К. В. Флоровской, ученицей Гревса, до эмиграции довольно удачно пытавшейся занять место в академическом сообществе историков, с 1917 года до 1920 преподавая на Одесских женских курсах и будучи приват-доцентом Новороссийского университета — чтобы в Болгарии постепенно смиряться с тем, что научная, университетская деятельность для нее закрыта — но сохранившей интерес к былым занятиям и тесно вовлеченная в дела и интересы своих братьев. Оказавшийся, как и многие из российских интеллектуалов, выброшенным из привычной среды — и, что важнее, лишенный возможности поддерживать те практики, которые определяли самое его существо — Бицилли в первых письмах делится поисками места и надеется на помощь Флоровской, желая лишь одного — найти, хотя бы на положении гимназического учителя, возможности жить в городе, где есть книжный магазин. Готовность помогать ближнему, отзываться даже не на прямую просьбу — а ориентируясь по ситуации, исходя из того, что может потребоваться другому — объединяет корреспондентов, в условиях эмиграции держащихся друг за друга, чтобы выжить.

Именно Флоровская сыграет решающую роль в переходе Бицилли в Софийский университет — бедствующий и не находящий себе места в Скопье, тот готов уже согласиться на место преподавателя в Сараево, в военном училище — лишь бы обрести хоть какое-то надежное пристанище. Подступающее отчаяние читается в его письме А. В. Флоровскому от 27 июля 1923 г. — где Бицилли начинает осмысливать происходящее с ним через категорию «судьбы»:

«Кстати — о моем переселении [в Прагу]. Я предчувствую, что из перехода на “вакансию” ничего не выйдет. Мне просто не везет и это — судьба, в которую я верю» (с. 116).

Двумя днями позднее, переписываясь с К. В. Флоровской, Бицилли говорит: «Масштабы у меня с Вами не совпадают. Вы еще

можете мечтать о Фрайбурге или Париже, но для меня, после трех лет, проведенных в Скопье, и София рисуется чем-то вроде Парижа» (с. 113). И посреди бесчисленных мелких хлопот, невзгод и оскорблений — в небезопасности каждодневного существования — ученые занятия оказываются тем, что позволяет выжить: так, Бицилли, не будучи антиковедом, в Скопье и в окрестностях копирует римские надписи, обращаясь за консультациями к Флоровской — и по ее специальности, и в силу доступности в Софии хотя бы основных профессиональных изданий.

В книге, собранной Т. Н. Галчевой и И. В. Голубович — масса интереснейшего материала по таким темам, как подготовка евразийских сборников, обсуждение и перипетии защиты диссертации Г. В. Флоровского, работа Бицилли над его «Очерками...», опубликована в составе тома и безымянная статья «Историческая философия Данилевского», по всей видимости — написанная Бицилли в период его краткого сближения с евразийством. Но самое любопытное во всей этой книге — что, собственно, и делает ее цельной работой, а не собранием разнородного — максимально плотное из наличествующего материала описание жизни и трудов Бицилли в 1920–1923 гг., где детальный комментарий к письмам — не их обрамление, а существенная часть единого текста — о первых опытах «новой жизни» в приспособлении к «независимым обстоятельствам» и о стойкости — вопреки словам слабости и уныния. Впрочем, это и не удивительно — ведь выжить и сохраниться во времени, в истории — смогли лишь сильные люди. Их сила не гарантировала выживания — но слабых там не осталось.

Андрей Тесля

О. БУЛГАКОВА. СУДЬБА БРОНЕНОСЦА : БИОГРАФИЯ СЕРГЕЯ ЭЙЗЕНШТЕЙНА

Пер. с англ. А. Скидана под ред. Я. Левченко.
СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2017. 392 с. : ил. [24] с.;
[16] с цв. ил. (серия AVANT-GARDE; вып. 12)¹

Об Эйзенштейне написано столько, что этот массив сам по себе может быть предметом обстоятельного изучения. А поскольку он постоянно пополняется не только в количественном, но и в концептуальном плане, то это занятие способно стать делом на всю жизнь. В этом плане появление русского перевода одной из биографий режиссера, к тому же не самой новой, вышедшей по-немецки в 2001 г., предполагает вопросы и сомнения, которые столь естественны, что научный редактор, он же и автор предисловия к книге, сам их задает и отчасти пробует на них ответить, попутно знакомя читателя-неспециалиста с теми основными текстами Эйзенштейна и публикациями о нем, которые вышли уже после появления работы Оксаны Булгаковой.

И тем не менее, по прочтении всякие вопросы отпадают. Это действительно замечательная книга — интересная даже в том случае, если вы совершенно не интересуетесь не только кино, но и даже и советской эпохой — для интереса к этой книге достаточно любопытства к человеческому как таковому. «Судьба броненос-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. Им. Канта.

ца» — вдумчивое и одновременно лаконичное повествование. Если учесть количество материала, которое надлежало изложить — от обстоятельств съемок конкретных фильмов до теоретических воззрений Эйзенштейна, его отношений с отцом и матерью, с мужчинами и женщинами, с коллегами, начальниками и подчиненными, его страхов, влечений, желаний, то 300 с небольшим страниц авторского текста представляются невероятным искусством самоограничения, демонстрацией мастерства отсекаать и укладывать основное в немногом, достигая эффекта полноты не через подробности, замедление хода, а посредством чего-то, аналогичного стремительному, построенному на конфликте, столкновении эйзенштейновскому монтажу 1920-х годов, принесшему автору первую громкую славу.

Прежде всего, это именно биография, а не сочинение в жанре «NN и его время». «Времени» в книге — ровно столько, сколько нужно на взгляд автора для объяснения поступков и переживаний героя биографии: последний оказывается не «произведен от времени», или, точнее, произведен совершенно непрямолинейным способом — ведь совершенно очевидно, что зачастую мы связаны, сформированы чем-то, далеко отстоящим от текущего момента. Наши реакции и переживания, наш способ мыслить и воображать определяются не обязательно тем, как это «делается сейчас», а связываются со временем нашего формирования — и при этом отнюдь не обязательно «большим временем». Малый контекст, ближайшие впечатления, выбор тесного круга могут оказаться в свою очередь отдаленными от того, о чем «в основном» говорят современники и что с охотой принимается за характеристику «времени» отдаленным наблюдателем, хотя бы потому что более частное плохо фиксируется наблюдением и еще хуже поддается реконструкции.

Заголовок книги прояснен в самом начале — эпитафией из мемуарных записок Эйзенштейна 1946 г.:

«...я вовсе не только “броненосец” в смысле крейсера, а есть такие ящерицы: между обыкновенной и черепахой, из которых делают “изящные” корзиночки: втыкая хвост в глотку и потроша внутренности, заменяя их алым или небесно-голубым шелком. Иногда из них делают мандолины, стонущие особенно жалостливо. Нежнейший мой двойник сочится кровью ежечасно, и приходится заворачивать броню, чтобы... не развинтиться».

Свои ключевые тревоги и переживания он приносит из детства — или, быть может, в силу увлечения как самоанализом, склонности к рефлексии — то есть, к обращению к себе во времени, забирая в глубь себя прошедшего, — так и в силу общего пристрастия к психоанализу охотно помещает туда, в «было» то, что его конституирует в настоящем, на исходе жизни поясняя в ответ на вопрос «как становятся Эйзенштейном» (вопрос, им охотно воспринятый — ставший исходным для поздних мемуаров, хотя мемуарный текст он писал в той или иной степени всю вторую половину своей недолгой жизни):

«Всякий порядочный ребенок делает три вещи: ломает предметы, вспарывает животы у кукол или животики часов... мучает животных...

Я был ребенком скверным...

Но стоит ему вырасти, как безудержно тянет именно к этого рода развлечениям...

Своевременно не разобранные часы стали во мне страстью копаться в тайниках и пружинах “творческого механизма”.

В свое время не разбитые сервизы выродились в неуважение к авторитетам и традициям.

Жестокость, не нашедшая своего приложения к мухам, стрекозам и лягушкам, резко окрасила подбор тематики, методики и кредо моей режиссерской работы».

Сопряжение со временем и ситуациями определяется тем, что Эйзенштейн — при всей своей сущностной аполитичности — попадает в то место и время, где может раскрыться наиболее полным образом. Как ни парадоксально — именно в Советском Союзе, именно на сломе эпох. Его длинная американская/мексиканская история оказывается неудачей — именно в силу его стремления к авторскому высказыванию, привычке к художественному творчеству, не ограниченному экономическими соображениями. Политические границы он принимает гораздо легче — власть навязывает ему детали, вычеркивает эпизоды — но власть, не требующая от него прибыли, стремящаяся найти в нем орудие самопрославления — оказывается дающей Эйзенштейну несоизмеримо большие возможности для художественного высказывания, начиная от многосотенных массовок вплоть до возможности снимать во много десятков раз больше пленки, чем войдет в итоговый материал.

Власть оказывается нуждающейся в славе, образе — вещах эфемерных, не имеющих конкретного измерения — кроме опознания себя удовлетворенной. И большой художник в этом отношении оказывается не только ближе к ней — но и она ближе к нему, разделяя подобный — не прагматичный (или, точнее, выходящий за пределы прагматики, превышающий ее, не отменяя) взгляд.

Изменения запросов власти — источник не только массы не реализовавшихся проектов, но и, хотя бы отчасти, источник движения самой авторской манеры, изменения видения, новых поисков — поскольку первые воспринимаются не всегда как препятствие для второго, но и становятся творческим импульсом, как при нахождении Эйзенштейном в «Иване Грозном» совершенно иного художественного языка, чем в трилогии 1920-х годов — сближении с экспрессионизмом, от которого режиссер в годы популярности этой эстетики был принципиально далек.

Парадоксально, но именно в тексте Булгаковой Эйзенштейн совершенно далек от привычного описания — он никак не жертва власти, пусть и виновная в своем добровольном сотрудничестве с ней, очарованностью ею — и никак не обличитель: он живет в это время, живет в нем — и впитывает, и реагирует на него, — и его творчество оказывается именно диалогом: это не реакция в смысле предопределенности действием, а ответная реплика, в том числе способная изменить самое течение разговора. В итоге не получится отделить искусство от власти, времени, обстоятельств. Совершенство, им созданное, приемы, им найденные — вплетены как в личное, так и в безличное, претворяющееся в конкретное через личность, и история оказывается в итоге рассказом о человеке, который никак не может быть сведен к обстоятельствам, стать объектом, пусть и в статусе жертвы, он — действующее лицо. Мятущееся, трагическое, изломанное, временами счастливое — и, главное, способное к искусству, единственному, помимо религии, способу находить гармонию в конфликте, несовместимости — и испытывать наслаждение.

Л. Кацис

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ (И ПИСАТЕЛЯ)
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ. VIII (А, Б). ГИБЕЛЬ
«ОТ ПОПУГАЯ» И ГИБЕЛЬ
«ОТ ВЕЛОСИПЕДИСТА» В «ЧЕТВЕРТОЙ
ПРОЗЕ» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

А) ЧИТАТЕЛЯ

Шиндин С. «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья третья: А–М // Toronto Slavic Quarterly. 2018. #65. <http://sites.utoronto.ca/tsq/65/Shindin65.pdf> (Иван Аксенов).

Шиндин С. Мандельштам и Шкловский: фрагменты диалога // Тыняновский сборник. Вып. 13. Двенадцатые — тринадцатые — четырнадцатые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 352–358.

Шиндин С. Шкловский В. Б. // Мандельштамовская энциклопедия. М., Политическая энциклопедия. 2017. С. 545–548.

Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем в трех томах. Изд. 2, испр. и доп. Т. 2. Проза. СПб.: Гиперион, 2017. С. 609–617 (Комм. к «Четвертой прозе»).

Б) ПИСАТЕЛЯ

Кацис Л. Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» (1927–1929): О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы 2018. № 6 (Глава 4. «Вечерний Киев» 1928 года и «веревка удушенника...»).

При чтении историко-философской, исторической и историко-литературной периодики бывает полезно не только оказаться чи-

тателем, но и как представитель одной северной литературы, писателем. Именно такой случай мы сейчас и продемонстрируем. Тем более, что «писателем» нам пришлось быть сначала в 2002 г., а потом уже в 2018 г.!

В эпическом повествовании С. Г. Шиндина о т. н. «Мандельштамовской энциклопедии» (МЭ) (разрекламированной как «атомная лопнувшая бомба», оказавшейся на поверку просто ржавой «сардинницей» и погребшей под собой «гекатомбы» старого общественно-экономического мандельштамоведения), созданной фейковым «Мандельштамовским обществом» и предельно эффективной в реальной политике и политической экономике НИУ ВШЭ, чтобы «энергия не пропадала даром», критиком приводятся верные и полные (а порой и взрывоопасные!) материалы о персонажах этого издания.

В их числе и Иван Аксенов. Причем, материалы о нем С. Г. Шиндин планирует приводить и в 4 части своего захватывающего и беспрецедентного эпического повествования, в МЭ же ему посвящена 21 строка на с. 69 т. 1 МЭ, где в списке литературы О. А. Лекмановым не учтен даже громадный двухтомник этого автора 2008 г. с 15 (!) упоминаниями Мандельштама, хотя именно 2008 г. и датировано окончание работы над опубликованной через 10 лет МЭ. Пока же коснемся лишь одного момента, в котором автор связывает своего эпизодического героя с «Четвертой прозой» О. Э. Мандельштама. Причем, работу С. Г. Шиндина мы прочитали буквально в дни сдачи в печать нашей статьи для «Вопросов литературы» № 6, 2018 г. О ней чуть позже, а пока:

«... следует назвать обзорное исследование о деятельности в середине 1910-х годов одного из идеологов «западного крыла» объединения «Центрифуга» в качестве литературного критика: Адаскина Л. Н. Из наследия И. А. Аксенова // Тыняновский сборник. Вып. 12: X–XI–XII. Тыняновские чтения: Исследования. Материалы. М. : Водолей Publishers, 2006, — где, в частности, говорится (с. 275, 311): «Первые рецензии Аксенова 1916–1917 годов не были опубликованы, но сохранились в архиве С. П. Боброва. Аксенов писал их для планировавшихся изданий “Центрифуги”». Одна из них, посвященная книге Вячеслава Иванова «Борозды и Межи: Опыт эстетические и критические» (М. : Мусагет, 1916), в рукописи подписанная псевдонимом «Люгарау», в качестве статьи «под названием “Психологизм. Из цикла

«Беседы с попугаем» (Другое название: «Письма о попугаях») анонсировалась в составе «Третьего сборника Центрифуги» под псевдонимом: Э. П. Камень». Не проводя никаких явных параллелей, вместе с тем нельзя упускать из виду тот факт, что к данному моменту уже было известно о втором издании мандельштамовского «Камня», вышедшем из печати в середине декабря 1915 года; см.: Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 97. Одновременно с этим, появление в «литературно-критическом» контексте образа попугая не может не ассоциироваться с его же использованием в «Четвертой прозе» О. М. в связи с «делом Горнфельда», что осложняется явными переключками с той же самой «литературоведческой» темой, присутствующей в «Сентиментальном путешествии» Шкловского; см.: Шиндин С. Г. Мандельштам и Шкловский: фрагменты диалога // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения: Исследования. Материалы. — М., 2009. С. 360, — ... оправданным может быть упущенное свидетельство Н. Я. Мандельштам о комментарии «Ивана Александровича Аксенова, умного и желчного человека, знатока Пикассо и Шекспира», относящемся к мандельштамовскому стихотворению «Импрессионизм» («Художник нам изобразил...», 1932), когда он «подошел к окну и сказал, что это русский художник, потому что французы пишут тонко, лессировками». «Шкловский В. Б.» в комментируемом издании (с. 547–548). Очевидно, в данной «орнитоморфной парадигме» должен быть учтен и первый литературный опыт Тынянова — рассказ «Попугай Брукса (из Чарицких хроник)» (Ленинград. 1925. № 26; 27)».

И еще одно замечание С. Шиндина:

«Ассоциативно связаны с прозой Ш. некоторые смысловые и образные составляющие линии Горнфельда в “Четвертой прозе” (1930); в частности, фраза: “К числу убийц русских поэтов или кандидатов в эти убийцы прибавилось тусклое имя Горнфельда”, — может восходить к “Сентиментальному путешествию” Ш.: “Я ненавижу Иванова-Разумника, Горнфельда, <...> убийцу русской литературы (неудачного) Белинского (Шкловский В. Б. “Еще ничего не кончилось...””. С. 228); см. Гаспаров Б. М. “Извиняюсь” // Readings in Russian Modernism: To Honor of Vladimir Fedorovich Markov. М., 1993. С. 114–115. При этом упоминание в “Четвертой

прозе” в связи с Горнфельдом его кн. “Муки слова” (1905) и газеты “Биржевые ведомости” содержится и в “Воскрешении слова” Ш., а мандельшт. уподобление фигуры Горнфельда образу попугая и его именование “попка... имени Короленко”, возможно мотивировано приводимой Ш. в ст. “О поэзии и заумном языке” (1916) обширной цитатой из “Истории моего современника” В. Г. Короленко, где описан урок нем.яз., построенный на многократном скандировании слова “попугай”».

Наш коллега по понятным причинам заметил, что не делает никаких далеко идущих выводов. Нас же его соображения заставили обозначить рассказ об Иване Аксенове в «Четвертой прозе» примечанием, что тамошний сюжет будет продолжен в специальной работе. Понятно, что ничего этого нет в комичном комментарии к «Четвертой прозе» А. Г. (не Горнфельда!) — Меца в его «исправленном и дополненном» издании ПСС Мандельштама, хотя многое из этого было не трудно найти в статье С. Шиндина в указанном «Тыняновском сборнике», где есть целых два текста самого А. Г. Меца! Теперь пришло время привести для сравнения творчество комментатора:

«Горнфельд Аркадий Григорьевич (1867–1941) — известный литературовед. Был помощником (!? — Л. К.) Короленко в журнале «Русское богатство» по отделу беллетристики и критики, опубликовал книгой письма к нему Короленко (1924), что подразуется (!!! — Л. К.) в словах попка имени его величества короля Альберта и Владимира Галактионовича Короленко см. главу (9)».

Здесь мы прервали цитату, ибо коду А. Г. Меца без специальной подготовки и без интимного знакомства с его творчеством не освоить: «В связи с чем в этом пассаже назван король Бельгии Альберт I (1875–1934), не выяснено» (с. 613).

Ну что ж, попробуем это «выяснить». Прежде всего, фамилия «КОРОЛенко» содержит в себе корень, связанный с титулом Альберта. Альберт I своей позицией во время I мировой войны вызывал такое восхищение во всем мире, что даже в России в 1915 г. вышла целая «Книга Короля Альберта». А с 1916 года начался вал переводов и переиздания «Уленшпигеля» в том числе важных для Мандельштама Горнфельда и Карякина. Но еще важнее, что в 1915 году именно Горнфельд выпустил первый русский перевод «Тиля Уленшпигеля» Шарля де Костера («Русские за-

писки», № 1–6; под псевдонимом Б. Ю. Коршан), и таким образом оказался «попкой» «Книги Короля Альберта»¹.

Однако это было бы слишком прямолинейно для О. Мандельштама и его «Четвертой прозы». Дело в том, что в словесной игре Мандельштама зашифровано название журнала Короленко и Горнфельда «Русское БОГАТСТВО». Чтобы это понять, нужно найти единственное упоминание ПОПУГАЯ в «Тиле Уленшпигеле», в переводе, естественно Горнфельда, который Мандельштам и «перерабатывал», где в главке XXXV находим:

«После трехдневного пути пришел он в брюссельскую округу, в богатую деревню Уккле. Проходя мимо деревенской гостиницы «Труба», он почуял сладостный запах жаркого. Какой-то бездельник стоял рядом с ним и тоже, задрав нос, наслаждался этим благоуханием. Уленшпигель обратился к нему с вопросом, в честь кого воздымается к небу этот праздничный фимиам; тот ответил, что это братья ордена «Упитанная рожа» (одно из вольных увеселительных обществ в Нидерландах того времени, как указывается в комментарии. — Л. К.). собираются здесь в час вечерней трапезы, чтобы отпраздновать годовщину освобождения Уккле, которое совершили женщины и девушки в незапамятные времена. Издали увидел Уленшпигель шест, на котором высилось **чучело попугая**, а вокруг шеста — женщин, вооруженных луками» (выделено нами. — Л. К.).

Вот эти «упитанные морды» и есть «русское», что комично и в случае русского еврея Горнфельда, «богатство», да и попугай-то оказывается чучелом переводным и французским! Более того, сам текст «Уленшпигеля» — пародия на церковные нравы того времени. И Мандельштам это прекрасно знает, заканчивая эпизод с «попугаем» так:

«Писатель — это помесь попугая и попа. Он попка в самом высоком значении этого слова. Он говорит по-французски, если хозяин его француз, но, проданный в Персию, скажет по-персидски —

¹ В работе, опубликованной в «Вопросах литературы», мы приводим пример аналогичной игры Мандельштама в другие фламандские тексты, связанные с «золотым гвоздем», на котором должна висеть стариковская еврейская шуба Мандельштама. Проблема виселицы, т. е. казни, и там центральная. Таким образом, мы видим уже устойчивые элементы поэтики «Четвертой прозы».

«попка-дурак» или «попка хочет сахару». Попугай не имеет возраста, не знает дня и ночи. Если хозяину надоест, его накрывают черным платком, и это является для литературы суррогатом ночи».

Но это и есть перевод! Да еще и с намеком на «Персидские мотивы» «удавленника», который в предсмертных стихах «Видно, так заведено навеки...» писал:

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И не даром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть,

И ниже:

Ну, и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

Так замкнулся «попугайный», «убийственный» и «самоубийственный» мотив. Для того, чтобы вся напряженность ситуации с «попкой» Короленко была приведена к исторической реальности, а не к иллюстрации словами Мандельштама любой фактуры и выдумки, приведем одно из тех самых писем Короленко Горнфельду, которые упоминал А. Г. Мец, но на сей раз по совсем другому источнику. С. Мельгунов писал в книге о «Красном терроре»:

«Незаметно эта вещь вряд ли пройдет, если только у читателей и критики хватит мужества вчитаться (возможно и то: увидят, что тут расстреливают, и обойдут стороной)» — так писал Короленко Горнфельду по поводу рассказа Вл. Табурина “Жива душа”, напечатанного в 1910 г. в “Русском Богатстве»»

и чуть далее:

«Надо иметь действительно железные нервы, чтобы спокойно пережить и переработать в самом себе весь тот ужас, который выступает на последующих страницах. Невольно вновь вспоминаешь слова В. Г. Короленко, мимолетно брошенные им по поводу его

работы над «Бытовым явлением». Он писал Горнфельду в цитированном выше письме из Алупки (18 апреля): «работал над этим ужасным материалом о „смертниках“, который каждый день по нескольку часов отравлял мои нервы». И когда читатель перевернет последнюю страницу моей книги, я думаю, он поймет то гнетущее чувство, которое должен был испытывать автор ее в течение долгих дней, погружаясь в моря крови, насилия и неописуемых ужасов нашей современности. По сравнению с нашими днями эпоха «Бытового явления» даже не бледная копия...».

Поэтому не будем удивляться вопросу Мандельштама к «дяденьке Горнфельду» о том, зачем он пошел в «Красную биржевку» жаловаться. В конце концов, там же работал и сам Мандельштам...² Однако комментарий Меца приготовил нам еще один сюрприз, ради которого мы и взялись за дело. Комментатор пишет, разумеется, без ссылки на источники и полностью доверяясь Мандельштаму:

«... некий Митька Благой... сторожит в специальном музее веревку удавленника — Сережи Есенина. Благой Дмитрий Дмитриевич (1893-1974) — литературовед. В 1926 г. организовал в Доме Герцена Литературный музей, с отделом памяти Есенина...»³.

До этого момента все верно. А вот следующая фраза не для слабонервных: «... среди экспонатов которого **действительно** (!!! — Л. К.) была названная в “Четвертой прозе” веревка»⁴. И здесь наступает наше время — время и читателя, и писателя историко-литературной и историко-философской литературы. Прежде всего, обратимся к наиболее информированным людям, сайту Музея Сергея Есенина, для сотрудников которого такой экспонат был бы главной реликвией:

«1-го января 1926 года в Доме Герцена состоялась организационное собрание по увековечению памяти С. Есенина. Было пред-

² Кацис А. Осип Мандельштам в «Вечерней Красной газете» 1925–1929 гг.: от еврейского театра до анонимных аннотаций // Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве. Ч. 1. М., 2015. С. 174–210.

³ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем в трех томах. Изд. 2, испр. и доп. Т. 2. Проза. СПб., 2017. С. 614. (Комм. к «Четвертой прозе»).

⁴ Там же.

ложено, в частности, основать в родном селе поэта избу-читальню имени С. А. Есенина. С этим же предложением Союз Советских Писателей СССР обратился к секретарю Рязанского Обкома ВКП (б) тов. А. И. Марфину. В письме от 4.12.1947 года, под грифом “Секретно”, которое хранится в Партийном архиве Рязанской области, читаем: “Рассмотрев просьбу матери покойного поэта С. А. Есенина Т. Ф. Есениной о приобретении государством дома Есенина в селе Константиново, Рыбновского района, Рязанской области для организации в нём музея, Союз Советских Писателей СССР считает возможным обратиться к Вам со следующим предложением: Рязанский Обком ВКП (б) даёт указание соответствующим местным организациям о выделении средств для приобретения дома у Т. Ф. Есениной с тем, чтобы организовать в селе Константинове избу-читальню с уголком-выставкой, посвящённой творчеству поэта. < ... > Первая литературная есенинская выставка на террасе дома Л. Кашиной была организована делегацией Всероссийского Союза Писателей во главе с Д. Д. Благим и В. А. Львовым-Рогачевским, прибывшей в Константиново 5 июля 1926 года. Состоялось общее собрание. На веранде бывшего барского дома — президиум, членами которого были вся семья Есениных, представители писательской делегации, Сельсовета, губернских организаций. Над головами развёрнуто красное знамя Всероссийского Союза Писателей, которое было подарено селу Константинову (ныне оно хранится в фондах ГМЗ С. А. Есенина). Московские гости устроили в небольшом зале Кашинского дома на первом этаже выставку привезённой литературы. 1 000 книг пополнили сельскую библиотеку» (<http://www.museum-esenin.ru/aboutmuseum/museumhistory>).

Вот и все. Если же мы запросим в интернете информацию о «веревке», то получим очень современные и «своевременные» для 1926 г. сведения:

«В редакцию «КП» пришла тамбовчанка Нина Веселовская и рассказала о том, что в середине 70-х дома у коллекционера Никифорова хранилась веревка, на которой повесился поэт Сергей Есенин. Хранилась веревка в стеклянной пробирке, запечатанной красным сургучом. На сургуче дата: январь 1926 года. Вережка была грязно-свекольного цвета, сантиметров 80 в длину... Эту же веревку видела в 75-м году у коллекционера поэтесса Ирина Суглобова

— Никифоров уверял, что это веревка, на которой «Есенина повесили» (он был в этом уверен).

Ни Веселовская, ни Суглобова при этом не знали, куда девался вещдок после смерти коллекционера... И мы решили разыскать ее. Первым делом позвонили тамбовскому коллекционеру Сергею Денисову: слышал ли он что-нибудь о «петле Есенина». К Денисову в свое время перекочевали многие раритеты Никифорова.

— Приезжайте, веревки у меня, — огорошил Сергей.

— А что, их несколько?

— Два фрагмента. Получены они Никифоровым от разных людей. Первый передал художник Иосиф Левин, близко знавший Есенина и рисовавший его в гробу. Второй в Ленинграде подарила Никифорову какая-то женщина, когда он читал там лекции от общества «Знание». Она сказала ему, что веревка хранилась у нее в семье и что именно на ней повесился поэт» (www.kp.ru/daily/23636/48437).

Эти сведения вызвали сомнения даже у самих авторов сенсации, которые продолжили текст комментарием. *Владимир Жолобов, директор государственного Музея-заповедника С. А. Есенина:*

Подлинность веревки могут установить судмедэксперты. Если веревка подлинная, это очень интересно. Но тут нужно подходить осторожно. Это даже не бытовая, а драматическая вещь. Сначала надо выяснить ее историю — как она попала к Левину. Потом стоит обратиться к судмедэкспертам — они установят возраст веревки, подвергалась ли она воздействию тепла, остались ли на ней какие-то микрочастицы. Но это процедура дорогостоящая и длительная. Ни один есениновед не возьмет на себя смелость сказать, что это «та самая веревка».

Итак, никаких сведений о веревке в музее «Митьки Благого»! И уже на аукционе, куда попала эта «веревка», разыгрались страсти:

«В СМИ выдвигаются предположения, что коллекцию продает Лариса Омарова из Тамбова, которой эти вещи достались от мужа — коллекционера Никифорова, который в свою очередь получил их от друга Есенина Левина. Ранее эти вещи хранились в музее, который обанкротился. Тогда вещи решено было выставить

на торги. Но писатель Виталий Безруков, автор книги “Есенин”, отметил, что следов веревки, на которой повесился поэт, найти невозможно. “Я впервые слышу о существовании этой веревки, хотя занимаюсь этим делом всю жизнь. Тогда все это было спрятано и скрыто. Кто-то просто хочет привлечь к себе внимание”, — считает Безруков. Внимание на эти вещи обратила племянница Есенина, главный хранитель государственного музея поэта в Москве, Светлана Есенина. Она считает это спекуляцией. На веревку, о которой в Тамбове говорят уже давно, ей даже не разрешили посмотреть. “Если человек продает, к нему, кстати, обращался режиссер из ГТРК “Воронеж” с просьбой посмотреть на нее — ему отказали. Если это честно, то чего им бояться. Сначала надо провести ДНК, как они могли доказать, что эта та самая веревка. Это чистейшая спекуляция”, — говорит Есенина» (<https://tverdyi-znak.livejournal.com/235851.html>).

И опять, никому ничего о Музее-1926 с его веревкой ничего не известно. Теперь вернемся к нашей статье. В «Вопросах литературы», мы писали, что веревка, которую якобы где-то хранит в каком-то музее «лицейская сволочь» Д. Благой, является субститутом вполне конкретной веревки, даже разделенной на несколько кусков, на которой был повешен киевский еврей Д. Богров. И дело не только в том, что во время писания «Четвертой прозы» в Киеве шел процесс над парой черносотенцев, «рыцарей веревки», как писали тогда в «Вечернем Киеве», и не в том, что один из них унес с собой кусок этой веревки на память, а в том, что в этой казни участвовал в качестве зрителя-свидетеля Иван Аксенов. Его не привлекали по этому делу, судя по всему, из-за того, что он имел вполне ясное отношение к ЧК. Таким образом, и наша «веревка», и «попугай» С. Шиндина, и более ранние наблюдения над упоминанием «попугая Короленко» в той же «Четвертой прозе», и история Богрова в заявке Мандельштама «Фагот» «из времен Столыпина», и следы ритуального дела в Киеве в 1913 г. разбросанные в «Четвертой прозе» (да и в стихах «Отравлен хлеб и воздух выпит...») так или иначе ведут нас к 1913 году, и как уже понятно, к Ивану Аксенову. В этом смысле в цитате из «Четвертой прозы», которую мы комментируем, все ясно, кроме одного:

«Погибнуть от Горнфельда так же смешно, как от велосипеда или от клюва попугая. Но литературный убийца может быть и попуга-

ем. Меня, например, чуть не убил попка имени его величества короля Альберта и Владимира Галактионовича Короленко. Я очень рад, что мой убийца жив и что он в некотором роде меня пережил. Я кормлю его сахаром и с удовольствием слушаю, как он твердит из “Уленшпигеля”: “Пепел стучит в мое сердце”, перемежая эту фразу с другой, не менее красивой: “Нет на свете мук сильнее муки слова”. Человек, способный назвать свою книгу “Муки слова”, рожден с каиновой печатью литературного убийцы на лбу», —

кроме парного «убийце-попугаю» «убийцы-велосипедиста». Теперь список выглядит так: «попугай» или «собеседник попугая» — Иван Аксенов — литератор и (поэту это не пристало) «убийца» Богрова; защитник Бейлиса и автор другого «попугая» В. Короленко; «литературный убийца» — русско-еврейский деятель и редактор «Русского богатства» «паралитический Дантес» (дуэлянт?) А. Горнфельд с его «чучелом попугая». Более того, как мы показали ранее, «дядя Моня с Бассейной» ведет к мемуарам поэта Г. Гейне с его «дядей Соломоном», склянками с мочой (ср. чашку Эсмарха для Горнфельда и других «мучимых словом») и т. д., который думал, что он писатель, но им не был⁵. Наконец, давно, и даже Мецу известно, что в «Четвертой прозе» есть следы «Человека-массы» Э. Толлера, но нигде в комментариях не указано, что немецко-еврейский экспрессионист Толлер — автор книги «Тюремные стихи», что легко вписывается в нашу парадигму⁶. Неудивительно и то, что несколько позже Толлер пойдет путем Сергея Есенина — поэта, в противоположность Ивану Аксенову — не «вешавшего» «несчастных по темницам». Но и это не все. Указанные мемуары Г. Гейне, переведенные А. Г. Горнфельдом (!), содержат и сюжет любви поэта Гейне к дочери палача.

Кроме того, скажем сразу: автор «Четвертой прозы», поклонник САМОубийцы-поэта С. Есенина и его фразы «НЕ расстреливал несчастных по темницам» — сам О. Э. Мандельштам. В этой поразительно плотной картине не хватает теперь в рамках чи-

⁵ Кацис А. Осип Мандельштам: мускус иудейства. М.; Иерусалим. 2002. С. 523–538 (Генрих Гейне в полемике Осипа Мандельштама с Аркадием Горнфельдом в «Четвертой прозе»).

⁶ Кацис А. Осип Мандельштам: мускус иудейства. С. 445–461 (Перевод Мандельштамом «Человека-массы» Э. Толлера и проблема еврейско-христианского преобразования).

сто логической парадигмы «велосипедиста — убийцы поэтов» = «поэта — велосипедиста — убийцы». Более того, возможен и совсем силлогический вариант, «снимающий» точно по Гегелю противоречие: «поэт — убийца — велосипедист — самоубийца». И такого человека и мы, и, главное, Мандельштам с Аксеновым, Короленко и Горнфельд с Есениным прекрасно знали:

«Протокол допроса Леонида Акимовича Каннегисера, дворянина, еврея, 22 лет, проживающего по Саперному пер., № 10, кв. 5

Допрошенный в ЧК по борьбе с контрреволюцией комендантом гор. Петрограда В. Шатовым, показал:

Я, бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища, студент Политехнического института, 4-го курса, принимал участие в революционном движении с 1915 г., примыкая к народным социалистическим группам. Февральская революция застала меня в Петрограде, где я был студентом Политехникума. С первых дней революции я поступил в милицию Литейного района, где пробыл одну неделю. В июне 1917 г. я поступил добровольцем в Михайловское артучилище, где пробыл до его расформирования. В это время я состоял и <сполняющим> об<язанности> председателя Союза юнкеров-социалистов Петроградского военного округа. Я примыкал в это время к партии, но отказываюсь сказать к какой, но активного участия в политической жизни не принимал.

Мысль об убийстве Урицкого возникла у меня только тогда, когда в печати появились сведения о массовых расстрелах, под которыми имелись подписи Урицкого и Иосилевича. Урицкого я знал в лицо. Узнав из газеты о часах приема Урицкого, я решил убить его и выбрал для этого дела день его приема в Комиссариате внутренних дел — пятницу, 30 августа.

Утром 30 августа, в 10 часов утра я отправился на Марсово поле, где взял на прокат велосипед и направился на нем на Дворцовую площадь, к помещению Комиссариата внутренних дел. В залог за велосипед я оставил 500 руб. Деньги эти я достал, продав кое-какие вещи. К Комиссариату внутренних дел я подъехал в 10.30 утра. Оставив велосипед снаружи, я вошел в подъезд и, присев на стул, стал дожидаться приезда Урицкого. Около 11 часов утра подъехал на автомобиле Урицкий. Пропустив его мимо себя, я поднялся со стула и произвел в него один выстрел, целясь в голову, из револьвера системы “Кольт” (револьвер этот находился у меня уже

около 3 месяцев). Урицкий упал, а я выскочил на улицу, сел на велосипед и бросился через площадь на набережную Невы до Мошкова пер. и через переулочек на Миллионную ул., где вбежал во двор дома № 17 и по черному ходу бросился в первую попавшуюся дверь. Ворвавшись в комнату, я схватил с вешалки пальто и, переодевшись в него, я выбежал на лестницу и стал отстреливаться от пытавшихся взять меня преследователей. В это время по лифту была подана шинель, которую я взял и, одев шинель поверх пальто, начал спускаться вниз, надеясь в шинели незаметно проскочить на улицу и скрыться. В коридоре у выхода я был схвачен, револьвер у меня отняли, после чего усадили в автомобиль и доставили на Горховую, 2.

Протокол был мне прочитан. Запись признаю правильной.

30 августа 1918 г. Л. Каннегисер

Добавление: 1) что касается происхождения залога за велосипед, то предлагаю считать мое показание о нем уклончивым, 2) где и каким образом я приобрел револьвер, показать отказываюсь, 3) к какой партии я принадлежу, я назвать отказываюсь.

Л. Каннегисер»⁷

Таким образом, в нашу парадигму вошел еще один поэт, на сей раз поэт-убийца, как ему казалось, тирана, хотя, как известно, Урицкий был против бессудных расстрелов. К замечательному документу, приведенному выше, стоит добавить и описание убитого Урицкого, принадлежащее перу Марка Алданова:

«Урицкий был комический персонаж. Мне приходилось его видеть. В моей памяти осталась невысокая, по-утиному переваливающаяся фигурка, на кривых, точно от английской болезни, ногах, кругленькое лицо без бороды и усов, смазанный чем-то, аккуратный проборчик, огромное пенсне на огромном носу грибом. Он походил на комиссионера гостиницы, уже скопившего порядочные деньги и подумывающего о собственных номерах для приезжающих, или на содержателя ссудной кассы, который читает левую газету и держится передовых убеждений. Вид у него был чрезвычайно интеллигентный; сразу становилось совершенно ясно, что все вопросы, существующие, существовавшие и возможные

⁷ Протокол допроса приводим по: Шенталинский В. Поэт-террорист. Документальная повесть // Звезда. СПб., 2007. № 3.

в жизни, давно разрешены Урицким по самым передовым и интеллигентным брошюрам; вследствие этого и повисло раз и навсегда на его лице тупо-ироническое самодовольное выражение. В общем, вид у него был довольно противный, хотя и гораздо менее противный, чем, например, у Троцкого или у Зиновьева. В Троцком все отвратительно — от его острой улыбочки до приставных манжет, неизменно выскакивающих из рукавов в патетические моменты речи. Физиономию Зиновьева я затруднился бы даже описать в литературных выражениях. Наружность Урицкого чрезмерного отвращения не вызывала» и тот же Алданов продолжает: «Слабая голова Урицкого закружилась. Он напялил на свое кривое тело красный оперный плащ и носил его с неловкостью плохого актера, с восторгом мещанина-честолюбца, с подозрительностью наскоро оцененного неудачника. Как он вел себя в должности начальника Чрезвычайной комиссии, достаточно известно».

И вновь — велосипед:

«Убийца бросился к выходу... Если бы он надел шапку, положил револьвер в карман и спокойно пошел пешком налево, он, вероятно, легко бы скрылся, свернув под аркой на Морскую и замешавшись в толпу Невского проспекта. Погоня началась только через две или три минуты. Этого было совершенно достаточно, чтобы пройти по площади до арки. Но он не мог рассчитывать на такую счастливую случайность — и не мог идти спокойно. Конечно, он потерял в ту минуту самообладание. Тысячу раз, должно быть, он по ночам представлял себе, как это будет. Это вышло не так... Это всегда выходит не так... Без фуражки, оставленной на подоконнике, не выпуская из рук револьвера, он выбежал на улицу, вскочил на велосипед и понесся вправо — к Миллионной».

И наконец:

«На велосипеде к убийце, по-видимому, вернулось самообладание. Очевидцы говорили, будто он ехал по улице зигзагами, — желая избежать пули в спину... Услышав позади себя гул мчащегося автомобиля, он понял, что погибает. Около дома № 17 по левой стороне, уже совсем недалеко от Мраморного дворца, он затормозил велосипед, соскочил и бросился во двор. Огромная усадьба Английского клуба выходит, как все дома этой стороны Миллионной,

на набережную Невы. Если бы во дворе проходные ворота были открыты, убийца еще мог бы спастись. Судьба была против него: ворота были заперты»⁸.

Таков этот поэт-убийца-велосипедист. Теперь наша парадигма получает еще несколько существенных дополнений. Сам Мандельштам, как известно из первых строк «Четвертой прозы», спасал от смертной казни стариков-евреев. Однако они были родственниками Исаия Бенедиктовича Мандельштама, который, в свою очередь, был родственником убийцы-велосипедиста. Таким образом, смешная и проходная строчка из «Четвертой прозы» оказывается ключевым эпизодом, точкой кристаллизации массы более ранних наблюдений. Не говорим уже даже о сообщении Википедии в специальном разделе «Канегиссер и Есенин» со ссылкой на Цветаеву:

«Лёня. Есенин. Неразрывные, неразливные друзья. В их лице, в столь разительно-разных лицах их сошлись, слились две расы, два класса, два мира. Сошлись — через всё и вся — поэты. Лёня ездил к Есенину в деревню, Есенин в Петербурге от Лёни не выходил. Так и вижу их две сдвинутые головы — на гостинной банкетке, в хорошую мальчишескую обнимку, сразу превращавшую банкетку в школьную парту... (Мысленно и медленно обхожу её:) Лёнина чёрная головная гладь, Есенинская сплошная кудря, курча, Есенинские васильки, Лёнины карие миндалины. Приятно, когда обратно — и так близко. Удовлетворение, как от редкой и полной рифмы»⁹.

Есенин упоминается в одном из стихотворений Каннегисера цикла «Ярославль» (июнь 1916 г.):

«С светлым другом, с милым братом Волгу в лодке переплыть».
Каннегисер, по всей вероятности, является адресатом стихотворения Есенина «Весна на радость не похожа...» (1916, «Мы поклялись, что будем двое И не расстанемся нигде»)¹⁰

— что позволяет связать мотивную структуру текста Мандельштама и на этом уровне. Наконец, не забудем, что писал о Кане-

⁸ Алданов М. Убийство Урицкого.

⁹ Цветаева М. Сочинения. Т. 2, М., 1988. С. 110 («Нездешний вечер»).

¹⁰ Каннегисер, Леонид Иоакимович: ru.wikipedia.org

гиссере начальник упомянутой в «Четвертой прозе» «секретарши» Николай Иванович Бухарин прямо по следам событий в статье: «Ленин — Каплан, Урицкий — Каннегисер»:

«Гов. Урицкий, четверть века стоявший на своем посту, как бесменный часовой, известный пролетариату по меньшей мере четырех стран, знающий чуть не все европейские языки, имеющий семилетнюю тюрьму и закаливший свои нервы, как сталь... А с другой стороны — юнкер, бегущий после убийства пролетарского вождя под сень английской торговой палаты, человечек, заявляющий, что он — «еврей, но из дворян», — прямо типичная фигура, про которую «глас божий» говорил когда-то «учись — студентом будешь, не научишься — офицером будешь». Боящийся своего еврейства, напирющий на свое дворянство и в то же время объявляющий себя социалистом юный белогвардеец — разве это не достаточно «яркая» фигура? К тому же двоюродный брат Филоненки — палача, того самого Филоненки, который писал когда-то палаческие шпаргалки для генерала Корнилова»¹¹.

Нетрудно видеть, в какой тугой узел связывает все события и идеи «Четвертой прозы» пропущенный комментаторами смешной эпизод о попугае и велосипедисте. Первый элемент образа Мандельштама разобрал С. Шиндин, но этого не заметил «комментатор» А. Г. Мец, а вторым уж пришлось заняться нам. И этот случай лишь подтверждает ту непреложную истину, что только коллективная работа, когда мысли и догадки предшественников продолжают и развивают сделанное, поможет излечить мандельштамоведение как филологическую дисциплину от той «псы крев», чем она стала стараниями А. Г. Меца и его присяжного поверенного Г. А. Морева¹². И спасение здесь только

¹¹ Максимилиан Филоненко, впоследствии эмигрант, тогда обвинялся в убийстве Володарского. *Бухарин Н. Ленин — Каплан, Урицкий — Каннегиссер*. Цит. по: www.tinlib.ru/istorija/tragedija_leninskoj_gvardii_ili_pravda_o_vozhdjah_oktjabrja/p12.php (Петроградская правда. 5 сентября 1918. С. 2): *Коняев Н. Трагедия ленинской гвардии, или правда о вождях октября*. М., 2007.

¹² Эти два господина позволили себе совсем не смешной поступок («осложнивший» оценку их и без того подмоченных репутаций), который должен быть сохранен в анналах истории филологии и зафиксирован хотя бы в этом качестве. Собственную профессиональную беспомощность соавторы решили покрыть и защитить грубыми личными выпадами против автора этой статьи, включая и медицинские намеки, где главным обвинением была публикация статей об ис-

в «непрофильных» исторических журналах, типа того, в котором печатается эта заметка¹³.

торико-литературном «творчестве» Меца («эксquisite рецензии») в «непрофильном историческом журнале» «История / OSTKRAFT» и, наверное, тоже в «непрофильном» «Русском Сборнике». Эту мысль Г. А. Морев высказал в предисловии к сочинению комментатора ПСС Мандельштама. По-видимому, после этого говорить о профессиональной филологической и журналистской репутации Г. А. Морева уже бессмысленно. Равно как трудно обсуждать всерьез автора, «видевшего» веревку «удавленника Сережки Есенина», считающего, что в Москве есть «Малый академический художественный театр» и т. д., и т. п., включая и сказанное здесь. См.: Опять об Кациса. Александр Мец о критике Леонида Кациса и его репутации (с предисловием Г. А. Морева) // www.colta.ru/articles/literature/19234. Понятно, что о нашем ответе Г. А. Морев своих читателей не оповестил. См.: *Кацис Л.* «Памяти памяти» Г. Морева, ящичек «Царя Никиты» А. Г. Меца и ящик Пандоры М. Тимошина // www.iarex.ru/articles/60409.html.

¹³ Не можем отказать себе в удовольствии сослаться на «позорный» факт публикации рыцаря филологизма Г. А. Морева в «непрофильном» издании и прямо на нашу тему, впрочем, на публикацию, нам ничего не давшую: *Морев Г.* Из истории русской литературы 1910-х годов: К биографии Леонида Канегиссера // *Минувшее. Исторический альманах.* Вып. 16. М.; СПб., 1994. С. 115–149. На наш взгляд, это абсолютно эксquisite случай!

СВОД СОДЕРЖАНИЯ

Научного обозрения «История. OSTKRAFT»
за 2018 год. № 1–6

<i>О. Р. Айрапетов.</i> Развитие концепций использования и управления тяжелой артиллерией и гонка вооружений в конце XIX — начале XX века	1
<i>О. Р. Айрапетов.</i> В. В. Полицарпов. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М., 2015	2
<i>О. Р. Айрапетов.</i> Развитие положений об огневом бое в Уставах русской армии в 1831–1866 гг.: к вопросу о военных реформах 1860–1870-х гг.	3
<i>О. Р. Айрапетов.</i> Русский флот на Тихом океане с XVIII века до 1904 года	5
<i>О. Р. Айрапетов.</i> Ч. Инаба. По следу эскадры З. П. Рождественского. Японская военно-морская разведка в годы Японо-русской войны 1904–1905 гг. М.; СПб., 2018	5
<i>В. М. Безотосный.</i> Русские генералы, выходцы с Балкан, в Отечественной войне 1812 года	4
<i>М. А. Волхонский.</i> «Объезд» главноначальствующим кн. А. М. Дондуковым-Корсаковым Кавказского края в 1882 г.: борьба за полномочия и презентация имперской власти	6
<i>Н. К. Гаврюшин.</i> Думал ли Сталин венчаться на царство?	5

Ф. А. Гайда. М. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования. Материалы. Указатели. М., 2017	3
Ф. А. Гайда. «За Веру, Царя и Отечество»: к истории происхождения знаменитого российского воинского девиза	4
Фёдор Гайда. «Україна для українців!»: рождение этнонима из духа классовой борьбы	4
Ф. А. Гайда. Так откуда «Сталин»?	5
А. В. Ганин. Военно-полевой суд при штабе Оренбургского военного округа (1918–1919 гг.): история и деятельность. Приложение: Список приговоренных к смертной казни военно-полевым судом при штабе Оренбургского военного округа ...	4
М. М. Геризон. «Я понял: всё живо. Векам не пропасть...»: предки поэта Андрея Вознесенского	2
М. М. Геризон. Были ли наши предки счастливее? J.-L. Beaucarnot. Nos ancêtres étaient-ils plus heureux? Paris, 2017 ..	6
Анастасия Громова. Найдены ноты и текст полковой песни 1004 полка, погибшего в окружении вместе со 2-й ударной армией (1942)	5
Н. А. Заяц. «Национализация женщин»: к истории пропаганды периода Гражданской войны	6
О. Г. Казак. Вопрос учреждения Апостольского экзархата США для верующих русинской греко-католической церкви и венгерская дипломатия (1923–1924 гг.)	3
Нежмеддин Каздагли. Тунисско-российские отношения от Екатерины II до Хамуда-паши (конец XVIII — начало XIX века)	2
Кристина Кайленен. А. А. Закревский как генерал-губернатор Великого княжества Финляндского (1823–1831)	1
Леонид Кацис. В. Жаботинский на страницах книг и журналов «Нового литературного обозрения» 2016–2018 гг.	2
Л. Кацис. Сизифу от «Камня» II или новые «Тристии» (к выходу в свет вторых изданий «Летописи жизни и творчества» и Полного собрания сочинений и писем О. Э. Мандельштама в 3-х т.)	4

Л. Кацис. Заметки читателя историко- (анти) философской литературы. VII. Юрий Марр на «Кутыкиной» горе	5
Л. Кацис. Заметки читателя (и писателя) историко-философской литературы. VIII (а,б). Гибель «от попугая» и гибель «от велосипедиста» в «Четвертой прозе» Осипа Мандельштама	6
В. А. Козлов, М. Е. Козлова. Принуждение к добровольности: «сталинский человек» и послевоенные займы. (По материалам Советской военной администрации в Германии, 1946–1949 гг.)	2
М. А. Колеров. Новые издания и тексты источников по истории русской мысли. Часть 1:	
1. [Е. Д. Кускова. Credo. 1899];	
2. С. Булгаков. Немецкая наука о толковании Апокалипсиса Морозовым (1912);	
3. Н. А. Бердяев о «преодолении еврейства» : письмо И. С. Книжнику-Ветрову (1912);	
4. Петр Струве. Запад и большевизм (1919);	
5. Русские писатели, Новгородцев, Шпет и Иван Ильин в фокусе советского просвещения и цензуры в 1919 году. ...	1
М. А. Колеров. Новые публикации документов по истории русской мысли. Часть 2:	
1. С. Мирный [Д. И. Шаховской, П. Б. Струве]. Открытое письмо к Николаю II (1895);	
2. [П. Б. Струве]. Аграрный вопрос и социальная демократия в России (1896);	
3. Петербуржец [П. Б. Струве]. По поводу с.-петербургской стачки (1897);	
4. П. Б. Струве о «Проблемах идеализма»: П. С. О чем думает одна книга? (1903);	
5. П. Б. Струве о Михайловском: П. С. Н. К. Михайловский (1904);	
6. П. Б. Струве о Чичерине: П. С. Б. Н. Чичерин (1904);	
7. С. Л. Франк о смерти Чехова: Н-ч. Памяти А. П. Чехова (1904);	
8. П. Б. Струве об И. П. Каляеве: П. С. Казнь (1905);	
9. Молодой Булгаков о еврейском вопросе: С. Булгаков. Два критерия (1905);	
10. С. Н. Булгаков. Письма к Андрею Белому (1910–1911);	
11. С. Л. Франк о Соловьёве и Е. Н. Трубецком: С. Франк. Новая книга о Вл. Соловьёве (1913);	

12. Петр Струве. Большевизм и Ленин (1920). Пер. О. В. Эдельмана;	
13. П. Н. Савицкий. О национал-большевизме. Письмо в редакцию [«Русской Мысли»]. Петру Бернгардовичу Струве (1921);	
14. С. Л. Франк. Письмо к о. С. Булгакову о Бердяеве, Струве и Братстве Св. Софии (1925).	2
<i>М. А. Колеров. Воин евразийства и его война: Константин Чхеидзе. Путник с Востока. Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост. А. Г. Гачева. М., 2011</i>	2
<i>М. А. Колеров. Предшественник образа-теории В. А. Маклакова о «безумном шофёре»: Е. Н. Трубецкой «Поучительная катастрофа» (1905)</i>	3
<i>С. Л. Франк. «Панидеал» (1909) / Публикация М. А. Колерова</i>	4
<i>Александр Комаров. Уральская республика: поражение и реванш Эдуарда Росселя (1993)</i>	6
<i>О. Кононова. «Полицейский социализм» как программа административных мер в борьбе с рабочим движением в России конца XIX — начала XX в.</i>	1
<i>Брюс Меннинг. Русская военная разведка в июле 1914 г.: Как представляли себе ситуацию в Петербурге и какое это имело значение</i>	3
<i>Василий Молодяков. «Марсиане из романа Уэллса»: «Action française» против Третьего Рейха, 1933–1936</i>	4
<i>Е. Ю. Назаренко. Е. Н. Азизова. Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича. Воронеж, 2014</i>	6
<i>Франк Неземанн. Коренные законы Финляндии и российские имперские интересы: конфликт политических деятелей и правительственных органов Великого княжества Финляндского с генерал-губернатором Арсением Закревским в 1825 и 1826 годах</i>	1
<i>Наталья Николаева. Сурский рубеж, Казанский обвод и план обороны Чебоксар в Чувашии в 1942 году: карты</i>	5
<i>Татьяна Резвых, Людмила Иванович. «Вы были врач моей тайной боли...»: переписка Василия Розанова и Сергея Дурьлина (1914–1918 гг.)</i>	5

О. Я. Сапожников. Подпоручик Лев Толстой. Страницы офицерской биографии великого писателя	3
А. А. Смирнов. А. А. Лебедев. К походу и бою готовы? Боевые возможности корабельных эскадр русского парусного флота XVIII — середины XIX в. с точки зрения их личного состава. СПб., 2015	4
А. А. Смирнов. Стрельба из винтовки на дальние дистанции в кампанию 1914 г.: к характеристике выучки и дисциплины кадровой русской пехоты	6
<i>Татар овогт Сосорбарамын Майдар.</i> Была ли гражданская война в Монголии или история одного события. Авторы могли бы назвать свою книгу «Гражданская война в Монголии»	4
Андрей Тесля. В. П. Зилоти. В доме Третьякова. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Государственная Третьяковская галерея, 2016	4
Андрей Тесля. Воображаемая национальная портретная галерея. Портретная галерея «лиц, дорогих нации» П. М. Третьякова / Авт.-сост. Т. Л. Карпова. М. : Гос. Третьяковская галерея, 2014	4
Андрей Тесля. Петербург конца империи: об одном негодном введении в предмет: Е. Берар. Империя и город : Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. М., 2016	4
Андрей Тесля. В. В. Лапин. Броненосец «Русалка» : Корабль. Экипаж. Флот. Трагедия. Памятник. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018	6
Андрей Тесля. Т. Н. Галчева, И. В. Голубович. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София, 2015	6
Андрей Тесля. О. Булгакова. Судьба броненосца: Биография Сергея Эйзенштейна / Пер. с англ. А. Скидана под ред. Я. Левченко. СПб., 2017	6
Кирилл Шевченко. От искры иезуитов до «румынского факела» : Трансильванская школа как катализатор «Румынского проекта»	3
Кирилл Шевченко. «Жемчужина у моря» под микроскопом этнологов и историков: Этнология Одессы в историче-	

ской и современной перспективах / П. Лозовюк, А. Пригарин и коллектив авторов. Одесса, 2017	4
<i>Кирилл Шевченко.</i> Карпатская Русь: между идеей и реальностью: Paul Robert Magocsi. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; New York, 2015	5
<i>Кирилл Шевченко.</i> Чехословакия, 1968 : цугцванг Варшавского договора	6
<i>Ольга Эдельман.</i> Н. Д. Потапова. Трибуны сырых казематов: политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017	4
<i>Е. Е. Юдин.</i> Аристократия и вызов «индустриальной эры». Благополучие и доходы Демидовых князей Сан-Донатто в 1890–1914 гг	1

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

Редакционная коллегия:

*М. А. Волхонский, В. Е. Воронин,
К. В. Шевченко, О. В. Эдельман.*

Ответственный редактор *М. А. Колеров*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

Корректор *Ф. М. Колеров*

ISBN 978-5-905040-38-2

9 785905 040382 >

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 27.11.2018. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Arnold. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 114,88. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. www.yarcmtyk.ru